

Латиноамериканская Америка

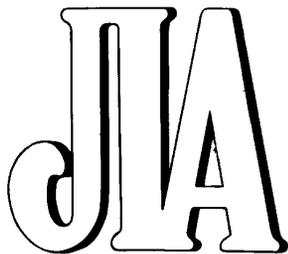
ISSN 0044-748X

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

1

2024

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 1/2024

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛБКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

МАНУЭЛЬ ЛОЙОЛА — В САНТЬЯГО, manuel.loyola@gmail.com

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2024.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2024.

Latinskaya Amerika N 1/2024

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L.JEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

MANUEL LOYOLA — in SANTIAGO, manuel.loyola@gmail.com

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN, A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2024.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2024.

В НОМЕРЕ:

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 6 В.М.Давыдов, М.А.-М.Кодзоев. **Стержневые детерминанты регионального прогностического сценария. Изменение геоэкономического расклада и демографической матрицы**
- 20 Б.Ф.Мартынов. **Феномен «монроизма» и «когнитивные диссонансы»**

ЭКОНОМИКА

- 31 П.П.Яковлев. **Латинская Америка: конец «сырьевого проклятия»?**

ПОЛИТИКА

- 46 Е.А.Виноградова. **Технологии искусственного интеллекта в политической повестке *BRICS***
- 61 И.К.Харичкин, А.С.Смирнова. **Государственная политика Перу в области обеспечения гуманитарной безопасности**

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

- 78 Н.Д.Калинин, Е.В.Смирнов. **Праворадикальные популистские партии в Испании и Португалии на современном этапе. Сравнительный анализ**

КУЛЬТУРА

- 96 Н.М.Боголюбова, Ю.В.Николаева. ***BRICS*: формирование общей внешней культурной политики**

SUMARIO

PUNTO DE VISTA

- 6 Vladímir Davydov, Alexandr Stepánov. **Determinantes claves del escenario pronóstico regional. Cambios en la coyuntura geoeconómica y la matriz demográfica**
- 20 Borís Martynov. **El fenómeno del “monroismo” y las “disonancias cognitivas”**

ECONOMIA

- 31 Petr Yákovlev. **América Latina: ¿el fin de la “maldición de las materias primas”?**

POLITICA

- 46 Ekaterina Vinográdova. **Las tecnologías de la inteligencia artificial en la agenda política del BRICS**
- 61 Igor Khárichkin, Anastasía Smirnova. **La política estatal del Perú en la esfera de la seguridad humanitaria**

ASPECTO IBERICO

- 78 Nikita Kalinin, Egor Smirnov. **Los partidos populistas radicales de derecha en España y Portugal en la etapa contemporánea. Análisis comparativo**

CULTURA

- 96 Natalia Bogolyúbova, Yulia Nikoláeva. **BRICS: la formación de la política exterior común en la esfera de cultura**

CONTENTS

POINT OF VIEW

- 6 Vladimir Davydov, Magomed Kodzoev. **Core determinants of the regional prognostic scenario. Changes in the geoeconomic alignment and demographic matrix**
- 20 Boris Martynov. **Phenomena of “monroism” and “cognitive dissonances”**

ECONOMY

- 31 Petr Yakovlev. **Latin America: the end of the “raw materials curse”?**

POLICY

- 46 Ekaterina Vinogradova. **Artificial intelligence technologies in the *BRICS* political agenda**
- 61 Igor Kharichkin, Anastasia Smirnova. **State policy of Peru in the field of human security**

IBERIAN ASPECT

- 78 Nikita Kalinin, Egor Smirnov. **The right-wing populist parties in modern Spain and Portugal. Comparative analysis**

CULTURE

- 96 Natalia Bogolyubova, Yulia Nikolaeva. **BRICS: the formation of a common external cultural policy**

В.М.Давыдов, М.А-М.Кодзоев

Стержневые детерминанты регионального прогностического сценария

**Изменение геоэкономического расклада
и демографической матрицы**

Рассматривая изменение геоэкономической структуры в глобальном контексте и его влияние на региональную ситуацию, авторы рассматривают сдвиги, смещающие акценты с процесса глобализации в пользу регионализации. Иными словами, речь идет о сегментации действия глобализационного тренда, об императиве обновления региональной и субрегиональной интеграции, которая компенсирует торможение глобализации. Другая стержневая детерминанта — радикальная модификация демографической матрицы, вносящая существенные коррективы в социальную трудовую стратификацию, в политический контекст и этнический состав населения, что необходимо учитывать в прогностических разработках применительно к среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Латино-Карибская Америка (ЛКА), ключевые детерминанты развития, геоэкономическая дивергенция, регионализация, демографическая матрица, предстоящее двадцатилетие.

DOI: 10.31857/S0044748X0029111-1

Статья поступила в редакцию 06.09.2023.

Владимир Михайлович Давыдов — член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЛА РАН, президент Ассоциации исследователей иbero-американского мира (РФ, 113035 Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21/16, davydov@ilaran.ru, ORCID: 0000-0002-3053-5087), зав. кафедрой экономического ф-та РУДН (РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); **Магомед Абдул-Мажитович Кодзоев** — кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН, доцент РУДН, доцент РГГУ (РФ, 113035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21/16, zakon2bona@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9330-5599).

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2023, № 12.

К началу XXI в. глобализация достигла апогея. Завершилось становление современной мирохозяйственной системы. Ее особенности — формирование ткани глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), а также перемещение части производства (офшоринг) из центров мировой экономики в развивающиеся страны, которые принято относить к категории формирующихся рынков. Одним из привлекательных объектов трансграничного бизнеса подобного рода стала и Латино-Карибская Америка (ЛКА). На формирование новой конъюнктуры сказался экономический подъем Китая. Он обеспечил высокий спрос на природные ресурсы (особенно энергоносители), в значительной степени покрытый поставками из стран региона [1].

Благодаря интересу транснациональных гигантов к ресурсам ЛКА произошел рост инвестиций [2], которые на предыдущем этапе (до кризиса 2008—2009 гг.) позволили модернизировать инфраструктуру, создать новые рабочие места, вывести миллионы человек из нищеты [3, с. 189], способствуя в рамках неодесарролистской политики укреплению национального промышленного предпринимательства.

Предстоящие демографические сдвиги потребуют серьезных корректировок не только в экономической, но и в политической сфере.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В посткризисной обстановке прежде всего обращает на себя внимание торможение экономического роста. Первый симптом — объем мировой торговли (см. рисунок 1). К тому же начинается рещоринг — возврат производства в центры мировой экономики, обусловленный, в первую очередь, ростом сопутствующих издержек [4]. 2014 г. отмечен внезапным обвалом мировых цен на нефть. Правительства развитых стран стали чаще прибегать к протекционизму, защищая национального производителя от маневров зарубежного транснационального капитала. В период правления президента Дональда Трампа (2017—2021 гг.) США развязали торговую войну с Китаем, что, так или иначе, вело к обращению вспять глобализационных процессов.

В 2017 г. Альваро Гарсиа Линера (в то время — вице-президент Боливии) констатировал конец «самой успешной либеральной иллюзии нашего времени», т.е. глобализации. Он писал: «Мир повернул назад или, что еще хуже, исчерпал иллюзии, которые в течение века поддерживали его в состоянии бодрствования» [5, с.128]. Ко всему этому в 2020 г. добавились пандемия *COVID-19* и последовавшая за ней глобальная рецессия [6, с. 420]. Даже у Китая — рекордсмена экономической динамики — среднегодовые темпы роста ВВП существенно замедлились, составив в 2022 г. всего лишь 3% (минимальное значение с 70-х годов прошлого века) [7]. Деглобализационный тренд продолжился в другом виде после начала специальной военной операции (СВО) России в Украине в феврале 2022 г. Многократно усилился санкционный прессинг коллективного Запада, направленный на Россию.

Феномен деглобализации спровоцирован реакцией уходящего, но еще могущественного однополярного мироустройства, управляемого бреттон-

вудскими институтами (МВФ, Всемирный банк, ВТО). Завалы холодно-горячей войны придется разбирать еще долгое время.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что государства ЛКА практически единодушно отрицают санкционную практику (в обход СБ ООН). В то же время им волей-неволей приходится считаться со вторичным эффектом санкций. Мировой рынок, разумеется, не может целиком и полностью подпадать под «пять» санкционного прессинга. Практика стран, ставших жертвой подобной политики, свидетельствует о сохранении возможностей обхода санкций или минимизации их ущерба, хотя не избавляет от серьезных потерь и требует болезненной и продолжительной адаптации. И России неизбежно предстоит пройти период болезненной структурной перестройки, который покрывает краткосрочную перспективу и выходит на среднесрочные рубежи. Предположение о том, что нам грозит лишь судорожное импортозамещение, реализуемое традиционными и нетрадиционными средствами, будет упрощением. Масштаб начавшихся и предстоящих преобразований много больше, и они неизбежно скажутся на состоянии российско-латиноамериканских экономических связей. Их динамика демонстрирует пробуксовку.

Рис. 1. РОСТ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ (% от суммарного ВВП)

Источник: Jeff Desjardins, Señales. Las 27 tendencias que definen el futuro de la economía global. Deusto, Barcelona, 2022, p. 216.

Экономическая война против России и КНР имеет масштабный деструктивный эффект, во многом уподобляющийся бумерангу. Во-первых, мировой рынок, ранее служивший интегратором национальных хозяйственных систем, распадается на малосотрудничающие между собой зоны. Во-вторых, происходит его деградация (в ряде случаев безальтернативная) в пользу черных и серых схем. И сейчас очень трудно достоверно оценить продолжительность подобной эрозии, если не сказать прямо — разрушения. Другое дело — оценка продолжительности экономической войны. Это сопряжено с определением длительности действия геополитической конфронтации. Именно от нее сегодня исходят интенции экономического подавления соперника. Иначе говоря, по большому счету экономическая война имеет в наше время по преимуществу геополитическую мотивацию. На наш ориентировочный взгляд, эта война будет происходить в течение ближайшего десятилетия. В любом случае одномоментный демонтаж невозможен даже при благоприятном сценарии.

О том же свидетельствует линия разлома между Россией и Евросоюзом. Под давлением Брюсселя и собственных властей компании из стран ЕС в большинстве своем покинули российский рынок. Россия, в свою очередь, вынуждена значительно сократить поставки природного газа в ЕС, сравнявшись по их объемам с Соединенными Штатами в категории сжиженного природного газа [8, с. 21]. Все это не имеет никакого отношения к экономической целесообразности либо свободной конкуренции. Дело — в реализации гегемонии Запада и в первую голову США, в их геополитическом и экономическом давлении.

Однако в последние десятилетия произошло пополнение альтернативных наднациональных структур. В 2009 г. появилось одно из крупнейших подобных объединений — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), к которому позже присоединилась ЮАР (БРИКС; *Brazil, Russia, India, China, South Africa, BRICS*). В 2023 г. произошло существенное расширение организации. К участию в ней были приглашены страны, способные серьезно нарастить потенциал ее геополитического и геоэкономического влияния [9]. Все это ведет к эрозии западоцентричной мировой системы с рулевым механизмом в Вашингтоне.

Латинская Америка обладает богатым и, надо сказать, не всегда удачным опытом встраивания в глобальные торгово-экономические процессы. При этом не трудно заметить перманентное фазовое запаздывание, из-за которого регион постоянно отстает от центров мировой экономики [10, сс. 3-5]. Но есть и удачные эпизоды.

Период динамичного развития Латинской Америки начала текущего века в академической литературе известен как «золотое десятилетие» (2003—2013 гг.), когда средний показатель роста ВВП в регионе почти достигал 4%. При этом глобальный кризис 2008—2009 гг. удалось пройти с минимальными издержками. Разогнавшись с достаточной силой, экономический рост благоприятствовал утверждению идеи устойчивого развития (УР) на латиноамериканской почве. Эти цели были с энтузиазмом подхвачены Экономической комиссией ООН по Латинской Америке и Карибам (ЭКЛАК), в комплексном исследовании которой под названием «Горизонты 2030» (2016 г.) был обозначен амбициозный план всестороннего оздо-

рования региона: решение социально-экономических проблем, ликвидация нищеты и голода, улучшение здоровья и благополучия населения, повышение качества образования, установление гендерного равенства, экологическая безопасность и пр.[11]

Однако уже в 2014 г. экономический рост Латинской Америки резко замедлился, а среднегодовые темпы прироста ВВП снизились до 0,5% [6, с. 27]. Связано это в основном с ухудшением ценовой конъюнктуры на рынках сырьевых товаров и полуфабрикатов, а также с рядом социально-политических осложнений в развитии тех стран, показатели которых заметно влияют на общерегиональные итоги. Опубликованное в 2022 г. исследование коллектива российских авторов выявило сомнительность достижения в обозначенные сроки целей УР для региона [3].

В целом латиноамериканский регион, по мнению американского исследователя Шеннона О'Нила, не смог в полной мере воспользоваться преимуществами глобализации. Основные причины этого (помимо политической нестабильности, недостаточного обеспечения безопасности и современной инфраструктурой) — разобщенность и низкий уровень экономической интеграции в регионе [12]. Доля внутрорегиональной торговли по отношению к внерегиональному экспорту была и остается гораздо ниже среднемировых показателей. К исходу первой декады века внутрорегиональная торговля составила лишь 15% от совокупного экспорта латиноамериканских стран против 38% в Северной Америке и 55% — в ЕС [12, 6].

Между тем совокупный ресурсный потенциал региона впечатляет. Он неизменно привлекает внимание внерегиональных акторов, предвещая приток инвестиционного капитала. Регион занимает 15% планетарной суши, на него приходится свыше 30% общемировых запасов пресной воды — стратегического ресурса будущего; доля в мировом производстве меди — 47%, серебра — 41%, бокситов — 27%, олова — 25%, цинка — 22%. Бразилия остается на мировом рынке практически монополистом по выработке ниобия. В совокупности страны ЛКА занимают серьезную позицию в мировом производстве зерновых, сои, мяса говядины и птицы [13]. Кроме того, по данным на 2012 г., ЛКА является вторым регионом в мире по количеству запасов нефти после Ближнего Востока. Доля стран региона в поставках нефти на мировой рынок превышает 20%. Добыча газа, правда, не столь впечатляет: около 4% от общемирового объема [14].

На экономическую деятельность, основанную на природных ресурсах, приходится 12% добавленной стоимости, 16% занятости и 50% регионального экспорта (данные 2023 г.) [15]. Латинская Америка могла бы с большей выгодой использовать свои природные сокровища, если бы вовремя активизировала возможности региональной торговли и интеграции. Первоначально успешные интеграционные региональные и субрегиональные проекты в конечном итоге, по разным причинам, оказались в тупике.

Активная риторика в пользу региональной и субрегиональной интеграции, звучащая сегодня в ЛКА, — свидетельство переоценки ценностей, которая сулит переход от слов к делу. Роль тормоза продолжает выполнять отсутствие современной транспортной инфраструктуры. Атлантическое и тихоокеанское побережье Южной Америки связывает лишь одна магистраль, проходящая через Бразилию и Перу. Панамериканское шоссе, со-

единяющее Аргентину с Аляской, плохо подходит для массовых коммерческих грузовых перевозок. С авиасообщением латиноамериканских стран между собой все также обстоит не самым лучшим образом. Согласно исследованию сотрудников Латиноамериканского банка развития (*Banco de Desarrollo de América Latina*), лишь одна треть всех авиарейсов региона соединяет его города друг с другом [12]. Такие транспортные мегапроекты, как межокеанский канал в Никарагуа, судоходный хаб Мариэль на Кубе и сухопутный трансокеанский коридор в Центральной Америке, либо совсем не были реализованы, либо далеки от того, чтобы оправдать возлагавшихся на них надежд (во многом из-за неспособности мобилизовать адекватные инвестиции).

В своей работе «Четвертая промышленная революция» основатель Давосского форума немецкий экономист Клаус Шваб признает, что экспоненциальный рост технологических новшеств и другие проявления этого перехода делают чрезвычайно сложной задачу моделирования будущего, в особенности для развивающихся стран и регионов. В складывающихся условиях К.Шваб допускает, что такие страны и регионы столкнутся с серьезными рисками. Это «усугубит социальное напряжение и конфликты, обусловит создание менее взаимосвязанного и более нестабильного мира, особенно с учетом того, что сегодня люди значительно лучше информированы о социальной несправедливости и несоответствиях в условиях жизни разных стран. Если лидеры государственного и частного секторов не сумеют убедить граждан в том, что они используют заслуживающие доверия стратегии для улучшения условий жизни людей, это может вызвать социальные беспорядки, массовую миграцию и вооруженный экстремизм, создавая угрозу... на всех этапах развития» [16, с. 40].

Сложность прогнозирования состоит и в том, что все сказанное выше — замедление экономического роста, эволюция мировой финансовой системы, проблемы климата, переход на «зеленую энергетику», радикальное технологическое обновление — ложится на «лоскутное одеяло» латиноамериканской социально-политической, экономической и культурно-цивилизационной действительности. Остается загадкой то, каким образом мировое и региональное сообщество будут решать проблемы Латинской Америки при растущей неопределенности и усиливающейся напряженности на глобальном уровне. И хватит ли для этого ресурсов?

Кроме того, надо учитывать, что ЛКА далеко не однородный регион по своему макроэкономическому развитию. Бразилия и Мексика значительно опережают по абсолютным показателям ВВП остальные страны. Аргентина, Колумбия и Чили остаются во второй когорте. С наиболее развитыми экономиками мира они все равно не сравнятся, но при наличии соответствующей политической воли могут стать важнейшим локомотивом роста по вкладу в совокупный потенциал Латинской Америки. У них есть шанс войти в число держав второго порядка в мировой иерархии государств. Вполне реалистичным выглядит сценарий, по которому Бразилия станет представлять интересы Латинской Америки в рамках Совета Безопасности ООН, о чем с высоких трибун говорилось на Генассамблее Объединенных Наций в сентябре 2023 г. Небезосновательно предположение о том, что при благоприятной внешней и внутренней конъюнктуре во втором десятилетии прогнозного периода группа более развитых стран ЛКА с довольно круп-

ным экономическим потенциалом получит дополнительный импульс, имея активный приток инвестиционного капитала и опираясь на результаты очередного раунда модернизации.

Иными словами, в общем зачете глобальный контекст, в котором происходит развитие региона, меняется существенным (если не сказать радикальным) образом. С одной стороны, очевидно, что странам ЛКА придется включиться в глобальный трансформационный процесс, участвуя в технологическом обновлении и подключаясь на ряде направлений к своего рода гонке там, где у них есть и поддерживается собственный инновационный потенциал. Это, по всей видимости, станет серьезным фактором уже проявляющейся внутрирегиональной диверсификации, сказываясь на росте различий в уровне экономической развитости.

Предстоит модификация геоэкономической ориентации латиноамериканских государств, точнее — прирост оборота на транстихоокеанском направлении, интенсификацию внутрирегионального сотрудничества, выстраивание новых мостов экономического взаимодействия на платформе «глобального Юга». Экономическое доминирование североамериканского гегемона будет оставаться ключевым фактором в контексте геоэкономической и геополитической ситуации в Западном полушарии на среднесрочную перспективу, но действующим с постепенно затухающим эффектом и с вероятностью ослабления в долгосрочной перспективе. Присутствию Евросоюза на латиноамериканской сцене, по всей вероятности, будет сдержанно варьироваться в медианной зоне. Восходящая же тенденция будет по-прежнему характеризовать геоэкономическое, а затем и геополитическое присутствие Китая.

Вывод, касающийся влияния России на латиноамериканском пространстве, менее однозначен. По сравнению с Китаем в «российском уравнении» больше неизвестных. В настоящее время российскую траекторию приходится представлять в привязке к разным сценариям. Но в любом случае очевидно, что российский фактор останется важным ориентиром для стран ЛКА и в геоэкономическом, и в геополитическом смысле. Россия по-прежнему будет играть роль противовеса гегемонии США. Решение о расширении BRICS, принятое на саммите в Йоханнесбурге, и перспектива его продления (в том числе за счет латиноамериканского участия) дают дополнительные шансы для перехода стран ЛКА от роли объекта к роли субъекта мировой политики и мирового хозяйства. Эта тенденция становится профилирующей в облике региона на обозримую перспективу. Но она в определенном смысле парадоксальна, постольку велика вероятность того, что она будет сопровождаться активизацией внутрирегионального сотрудничества. То есть заторы на глобальном уровне могут компенсироваться эффектом регионализации.

Между тем, и то, и другое требует новой инфраструктуры. И этот императив, звучащий уже как экзистенциальный вызов, был в свое время осознан и отражен в стратегических проектах *Unasur** под прозорливым руководством тогдашнего генсека этого интеграционного блока колумбийца

* *Unasur* — интеграционное объединение южноамериканских стран, созданное в годы «левого поворота» первой волны.

Эрнесто Сампера. Лицо региона на мировой арене, свобода маневра и выбора стран ЛКА обусловлены радикальной модернизацией транспортной инфраструктуры на макро- и микроуровне. И, разумеется, речь идет также об инфраструктуре цифровизации.

Сложнее, похоже, определиться с приоритетами, которые продиктованы эволюцией социума и той степенью их зрелости, которая достигнута в отдельных странах. Понятно, что та зависит от преодоления неравенства и крайней поляризации, которые нейтрализуются продуктивной занятостью, рабочими местами, обеспечивающими платежеспособность для выхода на потребительский рынок, доступ к образованию и медицинским услугам. Роль государства здесь незаменима. Во-первых, предполагая способность к перераспределению национального дохода, во-вторых, эффективность государственного управления, опирающегося на достижения цифровизации.

ДЕМОГРАФИЯ В СОЦИАЛЬНОМ И ЭТНИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

На демографическом поле странам ЛКА предстоят кардинальные сдвиги, которые можно, пожалуй, предсказывать с наибольшей уверенностью. Такова специфика предсказуемости результатов демографических разработок, относящихся к долгосрочной перспективе. Кроме того, следует учитывать, что технология демографических прогнозов хорошо отработана и, более того, проверена на событиях постфактум, прежде всего, в профильных подразделениях ООН. Согласно данным, представленным в таблице, именно в предстоящее двадцатилетие произойдет решающий разворот в демографической динамике.

СРЕДНЕГОДОВОЙ ТЕМП ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ ПО ПЯТИЛЕТИЯМ (в процентах)

Пятилетие	ЛКА	Весь мир
1955—1960 гг.	2,69	1,80
1985—1990 гг.	1,92	1,79
1995—2000 гг.	1,54	1,32
2005—2010 гг.	1,24	1,23
2015—2020 гг.	0,99	1,09
2025—2030 гг.	0,71	0,87
2035—2040 гг.	0,46	0,70

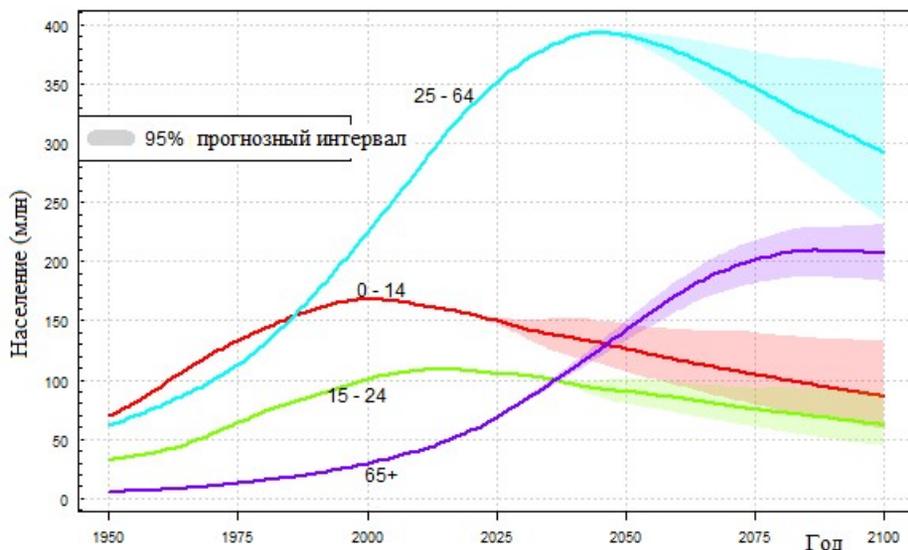
Источник: United Nations. Population Division, Department of Economic and Social Affairs, 2018.

Совершенно очевидно, после демографического взрыва середины прошлого века траектория экономической динамики неуклонно опускалась, приближаясь к стандартам воспроизводства населения европейских государств. На горизонте 2040 г. средневзвешенный уровень ЛКА переступит медианный уровень ЕС, что, конечно, требует конкретизации применительно к странам ЛКА, имеющим различную демографическую ситуацию. Ведь разброс достаточно велик (за 2015—2020 гг. — от 1,42 в Эквадоре до 0,36 в Уругвае). Учитывая это обстоятельство, можно говорить о расшире-

нии круга государств, переходящих на квазиевропейский стандарт, и о сокращении числа стран, не дотягивающих до него. Из этого следует однозначный вывод о старении населения, что увеличит иждивенческую нагрузку на трудоспособное население (см. график 1).

График 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЛКА ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ

Источник: 2022 United Nations, DESA, Population Division. Licensed under Creative Commons license CC BY 3.0 IGO. United Nations, DESA, Population Division. World Population Prospects 2022. Available at: <http://population.un.org/wpp/>

В свою очередь миграционный тренд сохранится, но в несколько видоизмененном виде. Основным полем притяжения останутся США. Но в перспективе в большей степени скажутся колебания курса миграционной политики Вашингтона. Не исключено, что по мере приближения к прогнозируемому горизонту (2040 г.) мигранты будут изменяться по профессиональному уровню: удельный вес образованной части возрастет. Иными словами, начнут действовать стимулы для «утечки умов». Пожалуй, это в большей степени может проявиться в отношении второго поля притяжения — Испании, где ожидается соответствующая корректировка въездного законодательства.

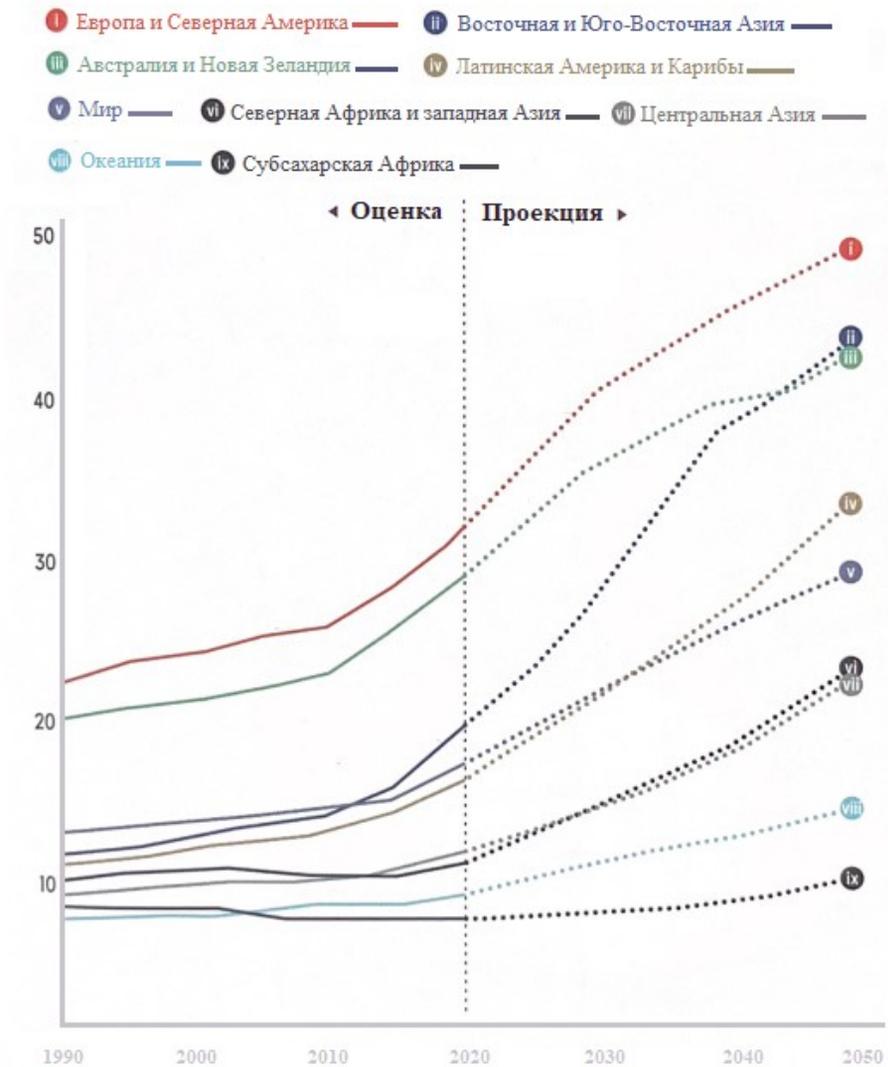
Миграционный поток в США уже достиг такого рубежа, когда механизм ассимиляции срабатывает слабо. Latinoамериканские диаспоры внутри США воспроизводятся на собственной основе, сохраняя родной язык и другие признаки инициализационной идентичности. В предстоящее десятилетие это неизбежно будет сказываться на политической жизни в США и косвенно — на межамериканских отношениях.

В предстоящее двадцатилетие Вашингтону придется больше считаться с позицией latinoамериканских государств, больше реагировать (хотя бы из элек-

торальных соображений) на позицию мексиканского, кубинского или другого пролатиноамериканского лобби. В перспективе не исключено появление на президентском олимпе политика латиноамериканского происхождения.

График 2

УЩЕРБ РЕГИОНАМ ОТ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ (соотношение экономически активного населения с неактивным)

Источник: Jeff Desjardins, Señales. Las 27 tendencias que definen el futuro de la economía global. Deusto, Barcelona, 2022, p. 7.

Миграционный отток будет двояко влиять на страны ЛКА. С одной стороны, скажется рост эмигрантских переводов на историческую родину, облегчая бремя застойной бедности. С другой стороны, отток трудоспособного населения будет усугублять эффект «узких мест» на рынке рабочей силы и эрозию семейных уз с соответствующими социальными и моральными последствиями. В любом случае миграционная проблематика будет на всем протяжении прогнозного периода отягощать американско-латиноамериканские отношения.

Старение населения, с одной стороны, и уменьшение веса молодых возрастов — с другой должны заметно отразиться на электоральном и протестном поведении граждан. С учетом демографических особенностей протестная активность будет иметь меньше побудительных мотивов, не перекрывая, разумеется, мотивацию другого происхождения.

Различия в демографической динамике будут более рельефными по этническим признакам. Они уже обозначились на предыдущем этапе. Автохтонные этносы стали потребителями и пользователями ординарных медицинских препаратов и средств санитарии, что уже отразилось на сокращении детской и материнской смертности. Увеличилась продолжительность жизни. Во многих странах «индейского пояса» рост населения автохтонных этносов стал заметно опережать прирост креольской части. Изменение соответствующей пропорции обещает повышение политической роли индейского фактора. Выводы отечественных и зарубежных латиноамериканистов относительно «индейского ренессанса» получают более серьезные основания. Соответственно должны отчасти поменяться повестка политической борьбы и структура партийно-политической системы.

Мнимая социально-экономическая устойчивость, обеспечиваемая, как принято считать, наличием широких слоев «среднего класса», может сыграть с Латинской Америкой злую шутку. Представляя собой наиболее финансово уязвимую страту общества, «средний класс» способен в короткие сроки пополнить массы бедных и экстремально бедных слоев населения. Об этом весьма убедительно писал российский исследователь А.Н.Пятаков [3, с. 175]. При снижении темпов роста латиноамериканской экономики существует риск обвала «среднего класса» на уровень ниже, что может стать дополнительным фактором обострения социально-политической ситуации в регионе.

Изменение демографической матрицы становится профилирующей детерминантой экономической динамики и социально-политических процессов. Предстоит еще один раунд удаления от ситуации демографического взрыва характерной для третьей четверти XX в. Страны первого эшелона ЛКА по уровню развития уже подходят к европейской модели, во втором эшелоне сокращается дистанция, отделяющая от нее. Третий эшелон, к которому относятся наименее развитые страны, два-три десятилетия еще может сохранять высокий естественный прирост в среднегодовом интервале 0,5-1%. Это будет означать сокращение удельного веса молодых людей, старение населения в среднем статистическом зачете, относительное уменьшение квоты тех, кто претендует на трудовую занятость. Исходя из этого, логично ожидать некоторого сглаживания возрастного конфликто-

генеза в форме уличного протеста. Соответственно должны меняться стандарты сферы образования и здравоохранения.

Подводя итог выявлению и оценке ключевых детерминант прогнозного периода, мы полагаем, что в определенной степени удалось сфокусировать внимание на минимально необходимом «меню», на факторах и процессах нарастающего действия. Совокупность обозначенного минимума дает аналитикам ряд ключевых точек опоры для осмысления перспективы двадцатилетия.

Прогнозный горизонт (2040 г.) вписывается в фазу глобального трансформационного перехода, во многом (исторически) беспрецедентного по своему содержанию. Латино-Карибскую Америку ожидает дополнительное бремя болезненной адаптации, которая будет подпитываться издержками модернизации в периферийном варианте многоукладного общества и многоукладной экономики. Страны ЛКА будут демонстрировать различия в действии выделенных детерминант, что предвещает дальнейшую дифференциацию с учетом национальной конкретики, но с сохранением фундамента цивилизационной общности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. FACTS Global Energy Services, China Oil Monthly, February 2020. US Energy Information Administration, "Country Analysis Executive Summary: China," Sep 30, 2020."
2. Comisión Económica para América Latina y el Caribe (CEPAL), sobre la base de Financial Times, fDi Markets [base de datos en línea]. Available at: <https://www.fdimarkets.com/>.
3. Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. Отв. ред. В.М.Давыдов. М., Весь Мир, ИЛА РАН, 2022, 448 сс. [Perspektiva ustojchivogo razvitiya. Apellyaciya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiyam. Otv. red. V.M.Davydov. [Revision of the solution of the issue. An appeal to global and Latin American realities]. Moscow, Ves' Mir, ILA RAN, 2022, 448 p. (In Russ.).
4. Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. Региональная промышленная политика и рещоринг в США. *США и Канада: экономика, политика, культура*, М., 2016, № 10 (562), сс. 56-72. [Tolkachev S.A., Teplyakov A.YU. Regional'naya promyshlennaya politika i reshoring v SSHA. [Regional Industrial Policy and Reshoring in the USA]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, Moscow, 2016, № 10 (562), pp. 56-72 (In Russ.).
5. Гарсия Линера А. Глобализация мертва. *Латинская Америка*, М., 2017, №6, сс. 28-32. [Garsia Linera A. Globalizaciya mertva. [Globalisation is dead]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2017, №6, pp. 28-32. (In Russ.).
6. Симонова Л.Н. (отв. ред.). Латинская Америка в системе международных экономических отношений. М., ИЛА РАН, 2020, 486 с. [Simonova L.M. (ed.). *Latinskaya Amerika v sisteme mezhdunarodnyh ekonomicheskikh otноshenij*. [Latin America in the system of international economic relations]. Moscow, ILA RAN, 2020, 486 p. (In Russ.).
7. Торможение на повороте: почему китайская экономика не вернется к былому росту. *Forbes*, 27.01.2023. [Tormozhenie na povorote: pochemu kitajskaya ekonomika ne vernetsya k bylomu rostu. [Braking at the turn: why the Chinese economy will not return to its former growth]. *Forbes*, 27.01.2023. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya/484224-tormozhenie-na-povorote-pochemu-kitajskaa-ekonomika-ne-vernetsa-k-bylomu-rostu> (accessed 05.02.2023).
8. Спартак А.Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов. *Российский внешнеэкономический вестник*, М., № 4, 2023, сс. 9-35. [Spartak A.N. Pereformatirovanie

mezhdunarodnogo ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii v usloviyah sankcij i novyh vyzovov. [Reformatting Russia's international economic cooperation in the face of sanctions and new challenges]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*, Moscow, № 4, 2023, pp. 9-35 (In Russ.).

9. BRICS welcomes new members in push to reshuffle world order. Reuters, 25.08.2023. Available at: [https://www.reuters.com/world/brics-poised-invite-new-members-join-bloc-sources-2023-0824/#:~:text=JOHANNESBURG%2C%20Aug%2024%20\(Reuters\)order%20it%20sees%20as%20outdated](https://www.reuters.com/world/brics-poised-invite-new-members-join-bloc-sources-2023-0824/#:~:text=JOHANNESBURG%2C%20Aug%2024%20(Reuters)order%20it%20sees%20as%20outdated) (accessed 26.08.2023).

10. Бобровников А.В. (ред.). На пути в XXI век: комплексный прогноз экономического и научно-технического развития стран Латинской Америки до 2015 года. Москва, 1991, 91 с. [Bobrovnikov A.V. (ed.). Na puti v XXI vek: kompleksnyj prognoz ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo razvitiya stran Latinskoj Ameriki do 2015 goda. [On the way to the XXI century: a comprehensive forecast of economic, scientific and technological development of Latin American countries until 2015]. Moscow, 1991, 91 p. (In Russ.).

11. Цели в области устойчивого развития. [Celi v oblasti ustojchivogo razvitiya [Millennium Development Goals]. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed 05.08.2023).

12. Shannon K. O'Neil, Why Latin America Lost at Globalization—and How It Can Win Now. *Council on Foreign Relations*, 25.08.2022. Available at: <https://www.cfr.org/article/why-latin-america-lost-globalization-and-how-it-can-win-now> (accessed 05.08.2023).

13. Бажанова М.П., Стругова Л.И. Ресурсы, запасы, добыча и потребление важнейших видов полезных ископаемых мира. М., ОАО «ВНИИЗАРУБЕЖГЕОЛОГИЯ», 2013, 149 с. [Bazhanova M.P., Strugova L.I. Resursy, zapasy, добыча i potreblenie vazhnejshih vidov poleznyh iskopaemyh mira [Resources, reserves, extraction and consumption of the most important types of minerals in the world]. Moscow, ОАО «VNIIZARUBEZHGEOLGIYA», 2013, 149 p. (In Russ.).

14. CEPAL publica: "Recursos naturales: situación y tendencias para una agenda de desarrollo regional en América Latina y el Caribe". CEPAL, 18.03.2014. Available at: <https://www.cepal.org/fr/notas-informativas/cepal-publica-recursos-naturales-situacion-y-tendencias-para-una-agenda-de#:~:text=América%20Latina%20y%20el%20Caribe%20cuenta%20con%20un%20tercio%20de,de%20cuantiosos%20recursos%20ligados%20a> (accessed 05.01.2023).

15. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2016, 138 с. [Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya. [Forth Industrial revolution]. Moscow, EKSMO, 2016, 138 p. (In Russ.).

16. Panorama de los recursos naturales en América Latina y el Caribe 2023. Resumen ejecutivo. Naciones Unidas, julio 2023. Available at: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/48985-panorama-recursos-naturales-america-latina-caribe-2023-resumen-ejecutivo> (accessed 05.08.2023).

Vladimir M. Davydov (davydov@ilaran.ru)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director at the Institute for Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences
President of the Association for Researchers of the Ibero-American World

B.Ordynka Str, 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Head of Department, Faculty of Economics of P. LUMUMBA Peoples' Friendship University of Russia (RUDN)

Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

Magomed A.-M.Kodzoev (zakon2bona@mail.ru)
Senior researcher Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Science
(ILA RAS)

B.Ordynka Str, 21, 115035 Moscow, Russian Federation

Senior lecturer P. LUMUMBA Peoples' Friendship University of Russia (RUDN
University)

Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russian Federation

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Core determinants of the regional prognostic scenario. Changes in the geoeconomic alignment and demographic matrix

Abstract. Considering the change in the geo-economic structure in the global context and its impact on the regional situation, the authors talk about shifts that shift the emphasis from the process of globalization in favor of regionalization. In other words, we are talking about segmentation of the globalization trend, the imperative of updating regional and sub-regional integration, which compensates for the slowdown of globalization. Another core determinant is a radical modification of the demographic matrix, which makes significant adjustments to the social labor stratification, the political context and the ethnic composition of the population.

Key words: Latin-Caribbean America (LCA), key determinants of development, geo-economic divergence, regionalization, demographic matrix, upcoming twentieth anniversary.

DOI: 10.31857/S0044748X0029111-1

Received 06.09.2023.

Б.Ф.Мартынов

Феномен «монроизма» и «КОГНИТИВНЫЕ ДИССОНАНСЫ»

В данной статье, написанной в преддверии 200-летнего «юбилея» Доктрины Монро, рассматриваются особенности правовой и политической культуры стран Запада во главе с США, культуры, коренным образом отличающейся от той, которой придерживаются Россия и государства Латинской Америки. Автор приходит к выводу о том, что феномен «монроизма», основанный на особенностях англосаксонского правосознания, имеет непреходящее значение и, видоизменяясь, постоянно присутствует в политических практиках США и других стран англосаксонского мира. Поскольку система основана на прецеденте, то она ориентирует правоприменителя на извлечение максимальной выгоды, и, соответственно, методом правоприменения является избирательность. Отсюда — и свободно применяемая практика двойных стандартов. В качестве примеров такой политики автор рассматривает, сравнивая их между собой, казусы образования государств Панама (1903 г.) и Косово (1999 г.), а также политику Великобритании в отношении коренного населения о. Диего-Гарсия (1966 г.) и Мальвинских (Фолклендских) островов (1982—2013 г.). Представляется, что не учитывать то обстоятельство, что «когнитивные диссонансы», основанные на различиях в правовом сознании между Россией и англосаксонским миром, носят объективный и постоянный характер, было бы ошибкой.

Ключевые слова: правовые системы, правосознание, англосаксонский мир, Доктрина Монро.

DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2

Статья поступила в редакцию 19.05.2023.

Когда в мои руки попала монография российского историка В.В.Согрина «Американская цивилизация» [1], внимание сразу привлекли слова, написанные на обороте ее обложки о том, что «это — первая в отечественной литературе книга о США, основанная на цивилизационном подходе». «Но, как же так?» — подумал я. «Первая, основанная на цивилизационном подходе?! Неужели до сих пор таким важным материям, как

Борис Федорович Мартынов — доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Университета МГИМО МИД РФ (РФ, 119454 Москва, Пр-т Вернадского 76, <https://orcid.org/0000-0002-8459-2466>, bfmartynoff@gmail.com).

национальная психология и особенности политической и правовой культуры американцев (а именно эти материи лежат в основе понятия «цивилизация») мы, несмотря на наличие мощного академического института — Института США и Канады — и целой когорты уважаемых ученых-американистов, до сих пор не уделяли внимания?

Оказалось, что нет. Но это и неудивительно. В упрощенной марксистской формуле «политика есть концентрированное выражение экономики» практически не находилось места для таких «зыбких» материй, как национальная культура, индивидуальная и общественная психология, национальные комплексы и фобии и национальное правосознание. Во всяком случае марксисты традиционно относили эти материи к категории «надстроечных», т.е. заведомо зависимых от экономики категорий. Да и исторические реалии в этой формуле практически всегда занимали не особо важное место. Реальная жизнь, однако, доказывает нам, что все обстоит «с точностью до наоборот». Отсюда берет свое начало и наше непреходящее удивление, сквозящее буквально в каждом «ток-шоу» на любом ТВ-канале и в Интернете по поводу «неожиданного», «странного», «иррационального» и т.д. поведения наших бывших западных партнеров.

Настала пора перестать удивляться и начать называть вещи своими именами. Когда мы говорим о когнитивных диссонансах, в первую очередь, говорим о сфере познания в целом, а она не сводится исключительно к экономике, политике, социологии и пр., а преодолевает их на более высоких ступенях гнозиса. Здесь стоит привести слова Концепции внешней политики России (в редакции от 31 марта 2023 г.) о «деградации культуры диалога» в международной сфере и об «остром дефиците доверия и предсказуемости» в международных делах [2]. «Доверие» и «предсказуемость» — это такие материи, которые относятся, скорее, к сфере духа, чем к материальной. Их отсутствие — следствие все углубляющихся когнитивных диссонансов в мировой политике, когда стороны говорят, казалось бы, об одном и том же, но суть вещей понимают совершенно по-разному.

Цель данной статьи состоит в выявлении юридических, психологических и культурно-исторических основ переговорных позиций «партнеров» из англосаксонского мира, с которыми отечественным дипломатам и переговорщикам приходится иметь дело.

США и другие англосаксонские государства выделены в Концепции внешней политики России от 2023 г. в отдельное направление, что представляется актуальным, хотя можно допустить, что составители этого документа сами еще не до конца осознали его подлинный смысл. Ироничная (но подозрительно быстрая) реакция на это посла США в Москве Линн Трейси, которая предположила, что в таком случае можно было бы «оживить», например, «варягов», на наш взгляд, была весьма показательной. Дело здесь, однако, не в языке и не в расе, как это могло бы показаться на первый взгляд: в этническом плане США — это действительно полиэтническая и многонациональная страна. Принадлежность к англосаксонскому цивилизационному архетипу предопределяется, на наш взгляд, не этим, а общей для всех «народов, говорящих на английском языке» (Уинстон Черчилль) политической и правовой культурой, которая основывается на си-

стеме английского «общего права» (*Common Law*). За столетия, прошедшие со времени окончательного оформления этой системы (XIII—XIV вв.), ее составляющие как раз и стали главным элементом того гнозиса, с которым представители этого цивилизационного архетипа, независимо от расы, пола, профессии, социального статуса и пр. подходят в наши дни к осмыслению мировых реалий. Исторический праксис «англосаксов» — лишь верхушка этого «айсберга».

Исследований на эту тему у нас пока явно недостаточно. Из зарубежных трудов выделяется переведенная на русский язык работа французских ученых Р.Давида и К.Жоффре-Спинози «Основные правовые системы современности». Эти авторы проводят четкую грань между основанной на прецеденте системой *Common Law* и кодифицированной «континентальной» (или «романо-германской») правовой системой, куда, кроме России, Китая и стран Латинской Америки, входят государства континентальной Европы. Говоря об английской системе права, к которой принадлежат США и другие англоязычные страны, ученые принимают за ее слабую сторону то, что политическая целесообразность и утилитаризм ставятся выше, собственно, права. В континентальной же системе «не конкретные примеры, а законы имеют юридическую силу» (*Non exemplis, sed legibus juicandum sunt*) [3, с. 113]. «Английское право, — добавляют Р.Давид и К.Жоффре-Спинози, — это не право принципов. Это — право процессуалистов и практиков». «Английский юрист, как правило, с недоверием относится к тому, что считает пустыми словами: чего стоит какое-либо положение или принцип, если на практике не существует способов для его осуществления?». Отсюда следует и то, что «англичане не воспринимают европейских правовых норм. Они им кажутся часто общими принципами, выражающими какие-то пожелания морального порядка» [3, сс. 263, 266, 297]. С этой точки зрения людям, воспитанным в традициях «континентального» правосознания, может показаться странным признание британского дипломата К.Мейера: «Мы оставляем международное право юристам, остальное же (конкретную политику. — Б.М.) отдаем на потребу практике. Мы учим наших молодых дипломатов политике примерно так же, как животные учат своих детенышей охотничьим навыкам» [4, р. 10]. В контексте англосаксонского правосознания это утверждение вероятно не вызовет никаких вопросов.

Примечательно, что на отмеченном выше направлении социальных исследований специалисты по этике ведения бизнеса пока превосходят своих коллег — политологов и историков. Вот, что пишет, например, известный эксперт в области кросс-культурной коммуникации Р.Льюис: «Американцы — индивидуалисты, и им нравится действовать самостоятельно. Можно делать все, если это не запрещено... Американцы считают, что они самые лучшие. При этом многие американцы считают, что их правила являются единственно верными... Огромное значение они придают словам. Однако, когда они произносят такие слова, как «справедливый» (*fair*), «демократичный» (*democratic*), «честный» (*honest*), «хорошее предложение» (*good deal*), «ценность» (*value*) и «допустим» (*assume*), то считают, что *противоположная сторона вкладывает в них тот же смысл* (курсив автора)». Общаясь с американцами, предупреждает Р.Льюис, «не забывайте, что время — деньги», что они «часто используют клише» и что «их больше

интересует их будущее, чем ваше прошлое», а главное, советует этот специалист, — «ни слова против «американской мечты»!» [5 сс. 196-204]. Эту картину можно дополнить словами американца Ф.Закариа. В своей книге «Постамериканский мир будущего» он писал: «Национализм всегда приводил американцев в недоумение. Когда Соединенные Штаты влезали в какие-то конфликты за рубежом, они искренне считали, что пытаются помочь другим странам стать лучше. Реакция же народов — от Филиппин до Вьетнама и Ирака — на усилия США заставляла американцев врасплох. Гордость американцев за свою страну совершенно оправдана — мы называем ее патриотизмом, — но при этом американцы искренне удивляются, что другие люди гордятся своими собственными странами» [6, с. 55]. И еще: «Американцы плохо понимают мир за пределами своей страны. Они почти не знают иностранных языков, почти ничего не знают о зарубежных культурах и по-прежнему даже не думают о том, что эту ситуацию надо исправлять. Американцы редко сравнивают что-нибудь с мировыми стандартами, потому что убеждены: именно их путь самый лучший и самый прогрессивный... Американские политики постоянно и неразборчиво требуют, клеймят, накладывают санкции и проклинают целые страны за их ошибки и упущения. Только за последние пятнадцать лет Соединенные Штаты наложили санкции на половину населения планеты. Мы — единственная страна, которая издает ежегодный отчет о поведении других стран. Вашингтон похож на пузырь, раздутый от самодовольства, и здесь совершенно не понимают, что происходит во внешнем мире» [6, сс. 68-69].

Кто-то, наверное, мог бы возразить, что все эти характеристики недостаточно релевантны, ибо они стали следствием «момента однополярности», когда Вашингтон после «победы» (как считают американцы!) в холодной войне, почувствовал себя хозяином мира. Но вот что написал в журнале «Современник» в далеком 1836 г. российский поэт А.С.Пушкин: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей ее географическим положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными... С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предвзятых рассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (*comfort*)» [7, с. 206].

Словом, если не предполагать существования «момента однополярности» в 1836 г., то легко прийти к мысли о наличии у американцев и англосаксов неких врожденных ментальных стереотипов, основанных на правосознании и исторически обусловленной культуре общения. Невольными жертвами этой последней стали американские индейцы. Вот, что А.С.Пушкин пишет дальше: «Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся, и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревьями, в торговые гавани, где задымятся пироскафы и развевается флаг американский» [7, с. 207].

«Согласно суждениям белых поселенцев, — отмечает в своей монографии В.В.Согрин, — индейцы, не имевшие понятия о собственности, могли занимать только те земли, которые непосредственно населяли и обрабатывали, но все иные территории, в том числе те, на которых местные племена охотились, были «ничьи». У белых с индейскими племенами возникали непрерывные земельные споры. Белые поселенцы были убеждены, что имеют все основания занимать «ничьи» земли, использовать, обращать и юридически оформлять их в свою собственность. Когда по поводу «ничьей» земли не удавалось договориться, белые поселенцы прибегали к силе оружия» [1, с. 19]. Добавим, что «ползучая» экспансия предполагала постоянное обнуление, иногда буквально на следующий же день, договоров, заключавшихся с индейцами, и в этом случае оперативность англосаксонской правовой системы «успешно» доказывала себя на практике.

Разумеется, нельзя не согласиться с В.В.Согриным в том, что «цивилизационные характеристики не являются некими монолитами, они видоизменялись в различные эпохи, чем пренебрегают многие американские и отечественные публицисты, политики, а то и квалифицированные обществоведы, наделяющие весь четырехвековой опыт Соединенных Штатов сегодняшними чертами американской цивилизации» [1, с. 13]. Однако тот же автор ниже отмечает, что «при всех различиях между разными типами (североамериканских колоний Великобритании — *Б.М.*) их жители следовали политическим и правовым установкам Англии, а колонисты... рассматривали себя как англичан, переселившихся из Старого Света в Новый» [1, с. 17]. Перенятая североамериканскими колонистами на заре становления США система английского прецедентного права (а иначе просто и быть не могло) неизбежно закладывала, таким образом, основы особого американского правового сознания и зиждущейся на нем особой политической и правовой культуры, которые, претерпевая изменения с течением времени, в основном сохранились и по сей день.

Идеальных наций, понятно, не бывает, у каждой есть свои недостатки, и мы, россияне, тоже не можем быть исключением. В этом плане внимание всех интересующихся этими вопросами не могут не привлекать работы отечественных социологов и юристов Э.Я.Баталова [8], В.О.Кочеткова [9], М.И.Лазарева [10], М.О.Мнацаканяна [11], А.В.Сергеевой [12], В.А.Тишкова, Ю.П.Шабаева [13] В.А.Туманова [14] и др. Из трудов этих авторов вытекает, что особые характеристики англосаксонского, в частности, американского цивилизационно-культурного архетипа, отличаются от нашего сугубо «континентального» правосознания и психогенеза. Более предметное изучение этих характеристик именно сейчас, думается, могло бы помочь нам лучше понять специфику внутренней и внешней политики США, Великобритании и их собратьев по англосаксонскому миру в лице Канады, Австралии и Новой Зеландии (они же называемые «пять глаз» Э.Сноудена). С этой точки зрения нам, вероятно, станут более понятны подлинные причины тех когнитивных диссонансов, которые чем дальше, тем больше, дают о себе знать на переговорах с представителями этого мира.

Таким образом, не может вызывать вопросов и происхождение Доктрины Монро, которая дошла до наших дней как «воля и представление»

США [15]. Ее характер был ясен еще в 1823 г. Римский принцип* — *pacta tertiі nec nocent nec prosunt* («договоры между двумя не распространяются на третьего») — был проигнорирован президентом и конгрессом США, которые распространили акт внутренней политики своего государства (послание президента конгрессу) на третью сторону (страны Латинской и Карибской Америки). С тех пор попытки подмены международно-правовой нормы внутривластными законами и практиками США происходили на регулярной основе. Негласный принцип англосаксонских политиков «право — юристам, практика — нам» пережил века, распространившись на новые сферы общественной жизни (историю, философию, экономику, культуру, мораль). Он стал демиургом сознания в тех странах, которые в силу разных обстоятельств, примкнули к англосаксонскому миру. Неудивительно, что под огнем этого, назовем его «монроистским», менталитета находится и другой основополагающий принцип, без которого международное право вообще теряет всякий смысл — *pacta sunt servanda* («договоры должны соблюдаться»). Отсюда — и та головокружительная «легкость», с которой США выходят из подписанных ими международных договоров, и их попытки «отменить» международное право, заменив его, в угоду конкретного интереса, некими постоянно меняющимися «правилами». Очевидно, что и печально известная «культура отмены» могла зародиться только в рамках этого довольно специфического мировидения. «У нас, — писал Дж.О`Салливан, автор доктрины «предопределения судьбы» (*Manifest Destiny*) еще в 1845 г., — есть еще большее право, нежели любое, которое когда-либо может быть выведено из всех этих устаревших документов древнего международного права. Мы не нуждаемся во всех этих покрытых пылью бумагах о правах открытия, исследования, заселения, преемственности и т.д. Эти претензии основаны на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам провидением для выполнения возложенной на нас великой миссии устанавливать свободу и федеративное самоуправление» [1, с. 182].

«Отмена» международного права, задуманная Соединенными Штатами еще в позапрошлом веке, вернее, *de facto* «подмена» его основным постулатом англосаксонской правовой системы, суть которого простым языком можно было изложить так: «если очень хочется, значит можно», сегодня проявляется в полной мере. Главное в этом «новом-старом» миропорядке, как и в доктрине Монро, является отсутствие конкретики. В своей статье «О праве, правах и правилах» министр иностранных дел России С.В.Лавров написал следующее: «От расшифровки своих «правил» Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат четкие обязательства государств и транспарентные механизмы проверки их исполнения. «Прелесть» западных «правил» — именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот

* Именно римское право, дошедшее к нам через записи средневековых юристов, стало потом основой системы континентального права, а «Кодекс» императора Юстиниана послужил образцом для гражданских и уголовных кодексов европейских стран.

мгновенно голословно заявляет о «нарушении правил» (не предъявляя фактов) и объявляет о своем «праве наказывать нарушителя» [16].

Казалось бы, отход от «конкретики» в пользу неких «приверженностей» и «убеждений» не характерно для *Common Law*, как пишет о нем Р.Давид и К.Жоффре-Спинози (см. выше), скорее, наоборот, это — игнорирование его основ. С этим, однако, нельзя согласиться, ибо главная цель англосаксонской идеи права — это всегда конкретная польза (в том виде, в каком ее понимает правоприменитель), тогда как главный метод — избирательность. За примерами далеко ходить не надо.

В 1903 г. Соединенные Штаты поддержали требование части населения колумбийской провинции Панама об отделении от Колумбии, в одностороннем порядке признали новообразовавшуюся Республику Панама и заключили с ней «Договор Хея — Бюно-Варильи» [17]. Согласно этому договору, новое государство предоставляло США «на вечные времена» часть своей территории для строительства стратегического канала между Атлантическим и Тихим океанами. Сооружение Панамского канала (официально открыт 12 июня 1920 г.) позволило американскому флоту максимально расширить зону своего контроля над Западным полушарием и распространить ее далеко за пределы карибского и центральноамериканского субрегионов. Зона Панамского канала — колониальный анклав в центре суверенного государства, в которой располагались многочисленные военные базы США, просуществовала до 1 января 2000 г., когда она была возвращена Панаме в соответствии с Договором Торрихоса — Картера 1977 г.

В основе описанного выше казуса лежало признание Вашингтоном права народа Панамы на самоопределение, которое в свое время отстаивали американские колонисты в борьбе с английским господством. Именно с этим принципом президент США Вудро Вильсон (1913—1921 гг.) выступал на Версальской мирной конференции 1919 г., и именно он был закреплен в 1945 г. на Сан-Францисской конференции в Уставе ООН наряду с другими основополагающими принципами международного права. После полосы признания независимых государств Азии и Африки в 60-е годы прошлого века принцип «самоопределения наций и народов» окончательно утвердился в мировой практике. Но англосаксонские политики продолжали рассматривать международное право не как цель (построение мирового порядка, основанного на праве), а как средство обеспечения конкретного интереса.

Почти полным аналогом истории Панамского канала стали события вокруг «частично признанного» государства Косово в 1999 г. Выступая за право на «самоопределение» косовских албанцев, Вашингтон, пошел на бомбардировки Белграда, совершив, тем самым, первую вооруженную акцию такого рода в Европе после Второй мировой войны. Вскоре в откололом от Югославии крае Косово США создали крупнейшую на Балканах базу НАТО. В июле 2010 г. Международный суд ООН вынес постановление о «соответствии одностороннего провозглашения независимости временными институтами самоуправления Косово нормам международного права», которое поддержали десять судей этого органа [18]. Однако, руководствуясь собственными мотивами, Вашингтон заявил о том, что Косово — это «особый случай, который не может рассматриваться как прецедент». То есть, для «пользы дела» США согласились проигнорировать са-

му прецедентную основу «*Common Law*». Это открыло перед ними поистине неограниченные возможности для проведения политики «двойных стандартов», которую раньше неоднократно успешно практиковала Великобритания.

Сама Великобритания неоднократно в прошлом подавала примеры применения принципа «двойных стандартов». В XX в. наиболее яркими проявлениями взаимоисключающих трактовок «права на самоопределение» стала политика Лондона в отношении коренного населения острова Диего-Гарсия, а затем — жителей Мальвинских (Фолклендских) островов.

В 1966 г. Лондон сдал в аренду США на 50 лет свою колонию — остров Диего Гарсия в Индийском океане, который входит в архипелаг Чагос, предварительно выселив оттуда в принудительном порядке все население. Не говоря о том, что Великобритания грубо нарушила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятую ООН в 1960 г., она полностью проигнорировала право жителей острова на самоопределение. США незамедлительно создали на Диего-Гарсия военную базу, способную принимать крупнотоннажные военные корабли, включая авианосцы и стратегические бомбардировщики B-52. В 2000 г. Верховный суд Великобритании подтвердил, что выселение было незаконным, и что бывшие жители острова имеют право вернуться на остров [19]. Великобритания, однако, заявила, что это будет невозможно из-за договора, заключенного с США. В 2004 г. Лондон издал два указа, запрещавшие бывшим жителям Диего-Гарсия вообще когда-либо вернуться в их дома. В феврале 2019 г. уже Международный суд ООН обязал Великобританию передать контроль над группой островов Чагос, включая Диего-Гарсия, государству Маврикий и «завершить деколонизацию территории с учетом реализации права жителей на самоопределение» [19]. Однако «воз и ныне там», потому что база США на Диего-Гарсия позволяет Вашингтону жестко контролировать большую часть Индийского океана [20].

Прямо противоположным образом Лондон повел себя в споре с Аргентиной за Мальвинские (Фолклендские) острова, о. Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова в Южной Атлантике. После англо-аргентинской войны 1982 г., в которой Аргентина потерпела поражение, спор так и остался нерешенным. В своей политико-правовой аргументации Аргентина исходит из факта незаконного захвата островов британцами в 1833 г. и опирается на принципы территориальной целостности и деколонизации Устава ООН. Великобритания же апеллирует к праву на самоопределение проживающих там потомков переселенцев с Британских островов (всего около 1800 человек). В 2013 г., т.е. спустя 31 год после окончания войны, Лондон решил закрепить итоги своей победы, проведя на Фолклендах референдум, в результате которого 98% жителей высказались за то, чтобы остаться подданными британской короны. С 1982 г. на острове действует крупнейшая база НАТО в Южной Атлантике, способная принимать транспортные самолеты «Геркулес» [21].

Хочется отметить, что после голосования в ООН 24 марта 2014 г. по резолюции, которая осуждала Россию за «нарушение территориальной целостности Украины», тогдашний президент Аргентины Кристина Фернан-

дес де Киршнер (2007—2015 гг.) назвала «абсурдной» ситуацию, когда «волеизъявление» 1800 жителей Мальвин было признано законным, а голосование 98% народа Крыма (2,2 млн человек) на референдуме за присоединение к России — нет [22].

Оставив в стороне споры о том, какую группу людей следует считать «народом» или «нацией», а какую — нет, необходимо отметить следующее: историческая и культурно-психологическая укорененность «монроистского менталитета» в США и других странах англосаксонского мира не позволяет рассчитывать на изменение этой ситуации ни сейчас, ни даже в отдаленном будущем. Государства этой группы всегда будут подменять международное право соображениями политической целесообразности, а в ответ на предъявляемые претензии отделяться словами: «Это — другое!».

Но это, действительно, «другое»! Это — иное правосознание и другая политическая культура. Не больше, но и не меньше. И подходить к этому явлению следует, на наш взгляд, *sine ira et studio**. Главный же вывод из всего сказанного заключается в том, что понимание данного непреложного факта поможет нам, наконец, перестать «удивляться» и считать, порой с изрядной долей наивности, что релятивистское отношение англосаксов к международному праву — это следствие текущей политической конъюнктуры, и оно со временем «пройдет». «Пройдет», но, очевидно, только в том случае, если праву силы будет противопоставлена аналогичная сила. Нам, в первую очередь, следует отказаться от соблазна видеть в англосаксах «себе подобных» по образу мыслей, поведенческим характеристикам и культуре политического общения. Что, несомненно, позволит в будущем избегать таких запущенных ситуаций («когнитивных диссонансов»), на которые придется реагировать радикальными методами. На наш взгляд, следует отказаться от «благородной» цели наладить с США отношения «партнерства, а в перспективе — союзничества», как это было заявлено в Концепции внешней политики России 1993 г. Если такое «партнерство» и возможно, то лишь по отдельным направлениям с равным и взаимообусловленным интересом. Одновременно надо задуматься (процесс уже «пошел») над тем, чтобы всемерно укреплять связи русского мира с представителями тех цивилизационных архетипов Азии, Африки, Латинской Америки и, наконец, близких нам по правосознанию стран континентальной Европы, которые готовы (или когда-нибудь будут готовы) разделять с нами общие представления о новом международном порядке, основанном на праве. Примерами такого рода изобилует практика последних лет. Среди наиболее ярких — отказ Мексики и Чили поддержать в 2003 г. в Совете Безопасности ООН резолюцию о вторжении в Ирак, несмотря на давление со стороны Соединенных Штатов, и факт пребывания в течении семи лет австралийского журналиста Дж.Ассанджа в посольстве Эквадора — небольшой южноамериканской страны, для которой соблюдение принципа дипломатического убежища долгое время было весомее «политической целесообразности».

* «Без гнева и пристрастия» (лат.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Согрин В.В. Американская цивилизация. М., Весь Мир, 2020, 250 с. [Sogrin V. Amerikanskaya tsivilizatsiya. [American Civilization]. Moscow, Ves Mir, 2020, 250 p. (In Russ).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. [Kontseptsia vneshnei politiki Rossiyskoi Federatsii. [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, 31 of March 2023]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (accessed 18.05.2022).
3. Давид Р., Жоффре - Спинози, К. Основные правовые системы современности. М., Международные отношения, 2009, 113 с. [David, R., Jaufffret-Spinosi, C. Osnovnye pravovye sistemy sovremenosti [Main Legal Systems of the Modernity], Moscow, Meshdunarordye otnosheniya, 2009, 453p. (In Russ).
4. Meyer C. Getting Our Way. 500 Years of Adventure and Intrigue: the Inside Story of British Diplomacy. London, Phoenix, 2009, 288 p.
5. Льюис Р. Столкновение культур. М., Манн, Иванов и Фербер, 2013, 640 с. [Lewis, R. Stolknovenie kultur. [Leading Across Cultures]. Moscow, Mann, Ivanov y Farber, 2013, 640 p. (In Russ).
6. Закариа Ф. Постамериканский мир будущего. М., Европа, 2009, 280 с. [Zakharia, F. Postamerikanskii mir budushego. [The Post-American World]. Moscow, Evropa, 2009, 280 p. (In Russ).
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Том 5. Критика, история, публицистика. М., ОГИЗ, 1947, 734 с. [Pushkin, A.S. Complete works in VI volumes. Kritika, historia, publitsistika [Critics, History, Journalism], T.V. Moscow, OGIZ, 1947, 734 p. (In Russ).
8. Баталов А.А. Антропология международных отношений. М., Аспект Пресс, 2018, 350 с. [Batalov A.A. Antropologia meshdunarodnykh otnoshenii. [Anthropology of International Relations] Moscow, Aspect Press, 2018, 350 p. (In Russ).
9. Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. М., МГУ, 2015, 315 с. [Kochetkov V.V. Identichnost i kultura v meshdunarodnykh otnosheniyah. [Identity and Culture in International Relations]. Moscow, MGU, 315 p. (In Russ).
10. Лазарев М.И. Проблемы Латинской Америки и международное право. Т.1-2. М., РАН, 1995 [Lazarev, M.I. Problemy Latinskoi Ameriki i meshdunadornoye parvo. [Problems of Latin America and International Law]. T.1-2. Moscow, 1995 (In Russ).
11. Мнацаканян М.О. Культуры, этносы, нации. М., МГИМО, 2005, 350 с. [Mnatsakanyan, M.O. Kultury, etnosy, natsii. [Cultures, Ethnos's, Nations]. Moscow, MGIMO, 2005, 350 p. (In Russ).
12. Сергеева, А.В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., Наука, 2005, 313 с. [Sergeeva, A.V. Russkie. Stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost. [Russians: Stereotypes of the Behavior, Traditions, Mentality]. Moscow, Nauka, 2005, 313 p. (In Russ).
13. Тишков, В.А., Шабаяев, Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М., МГУ, 2013, 410 с. [Tyshkov, V.A., Shabayev, Yu.P. Etnopolitologia. Politicheskiye funktsii etnichnosti [Ethnopolitology. Political Functions of the Ethnicity]. Moscow, 2013, 410 p. (In Russ).
14. Туманов, В.А. Буржуазная правовая идеология. М., Наука, 1971, 378 с. [Tumanov, V.A. Burshuaznaya pravovaya ideologia. [Bourgeois Juridical Ideology]. Moscow, Nauka, 1971, 378 p. (In Russ).
15. Мартынов, Б.Ф. «Доктрина Монро как воля и представление Соединенных Штатов Америки». *Международная жизнь*. М., 2022, №11, сс. 46-58. [Martynov, B.F. Doktrina Monro kak volia i predstavlenie Soedinennykh Shtatov Ameriki. [The Monroe Doctrine as a Will and Conception of the United States of America]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. Moscow, 2022, N 11, pp. 46-58 (In Russ).
16. Лавров С.В. «О праве, правах и правилах». *Россия в глобальной политике*. М., 2021, №4, сс. 15-25 [Lavrov, S.V. O prave, pravakh y pravilakh. [On the Law, the Rights and the Rules]. *Rossiya v globalnoi politike*. Moscow, 2021, N4, pp. 15-25. (In Russ).
17. Convention for the Construction of a Ship Canal (Hay-Bunau-Varilla Treaty), November 18, 1903. *Yale Law School*. Available at: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/pan001.asp (accessed 15.04.2023).
18. International Court of justice. Advisory Opinion. Accordance with the International Law of the Universal Declaration of Independence in Respect of Kosovo. Available at: <https://archive.org/details/5975773-National-Security-Archive-International-Court-of> (accessed 15.05.2023).

19. Суд ООН обязал Лондон передать Маврикию архипелаг Чагос. Известия, М., 26.02.2019. [Sud OON obiazal London peredat' Mavrikiyu arhipelag Chagos. [The UN Court ordered London to transfer the Chagos Archipelago to Mauritius]. *Izvestia*. Moscow, 26.02.2019 (In Russ).

20. Мальвины: колониальная война XX века. М., ИЛА РАН, 1984, 193 с. [Malvyny: kolonialnaya voina XX veka [Malvinas: The Colonial War of the XXth cntury]. Moscow, ILA RAN, 1984, 193 p. (In Russ).

21. Безerra М. Как далеко намерена продвинуться НАТО? *Международная Жизнь*. М., 2016, №3, сс. 76-79. [Bezerra M. Kak daleko namerena prodvinut'sya NATO? [For How Long the NATO wants to Move on?]. *Mezhdunarodnaya Zhizn*. Moscow, 2016, N3, pp. 76-79 (In Russ).

22. Аргентинский президент осудила отказ Запада признавать итоги референдума в Крыму. *Pravda.ru*. 18.03.2014. [Argentinskij prezident osudila otkaz Zapada priznavat' itogi referendum v Krymu. [The Argentine president condemned the West's refusal to recognize the results of the referendum in Crimea]. *Pravda.ru*. 18.03.2014. Available at: <https://www.pravda.ru/news/world/1199975-kirshner/> (accessed 15.05.2023) (In Russ).

Boris F.Martynov (bfmartynoff@gmail.com)

Doctor of Political Sciences. Professor of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Prospect Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Phenomena of “monroism” and “cognitive dissonances”

Abstract. The article, prepared for the 200th anniversary of the Monroe Doctrine deals with the specific characteristics of the legal and political cultures of the West, headed by the USA, which drastically differ from the Russian and the Latin American corresponding cultures. The author comes to the conclusion, that the phenomena of “monroism”, based on the Anglo-Saxon legal system, has a constant character, and, having been transformed through the times, is always present in the political practices of the USA and other countries of the Anglo-Saxon world. Using precedents, this system incites its user to gain maximum profit, while its method is selectivity. This leads to the “loosely” used policies of the double standards. The author gives examples of such, comparing the cases of Panama (1903) and Kosovo (1999). He also mentions the politics of the Great Britain with respect of the native population of the Diego Garcia Island (1966) and the Falkland (Malvinas) isles (1982-2013). The author thinks, that one cognitive dissonances, based on the differences in the legal conscience between the Russian and the Anglo-Saxon “worlds” have objective and constant character, while not admitting this circumstance would be an error. In his next article the author plans to through light on the common features that Russia share with the legal and political culture of the Latin American countries, which contribute to their more active cooperation in the international politics.

Key words: contemporary legal systems, legal conscience, Anglo-Saxon “world”, the Monroe Doctrine.

DOI: 10.31857/S0044748X0029112-2

Received 19.05.2023.

П.П.Яковлев

Латинская Америка: конец «сырьевого проклятия»?

В условиях происходящих в мире геэкономических трансформаций заметно усилился международный интерес к сырьевым ресурсам Латинской Америки, необходимым для реализации целей «четвертой промышленной революции» и развития высокотехнологичных индустриальных производств. Востребованное на международных товарных рынках сырье латиноамериканских стран — во многом фактор их макроэкономического везения, к которому необходимо добавить способность разыграть сырьевую карту, материализовать полученные шансы в практически реализуемые масштабные проекты, максимально отвечающие не только запросам глобальной экономики, но и коренным национальным интересам. Речь не идет о «покорении» регионом мировых геэкономических вершин. Задача намного скромнее: оставить в прошлом так называемое сырьевое проклятие и эффективно использовать открывшееся окно возможностей — повышенный спрос на природные ресурсы, сформировать на глубинном уровне взаимозависимость со странами — лидерами технологического развития. Другими словами, необходимо укрепить факторы, которые обеспечат реальный хозяйственный подъем Латинской Америки в условиях нынешних общемировых трансформационных процессов.

Ключевые слова: экономика, Латинская Америка, сырьевой сектор, стратегии экономического роста.

DOI: 10.31857/S0044748X0029113-3

Статья поступила в редакцию 27.09.2023.

Многие показательные факты и складывающиеся тенденции говорят о том, что экономика стран Латинской Америки входит в период глубоких и частично позитивных трансформаций. Некоторые из этих изменений уже дали о себе знать в последние годы, другие, скажем так, находятся на «низком старте» и обещают «рвануть вперед» в обозримом будущем. Сразу оговоримся, что успех начавшихся макроэкономических перемен отнюдь

Петр Павлович Яковлев — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, д. 21/16, petr.yakovlev@yandex.ru); главный научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН (РФ, 117418 Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, <https://orcid.org/0000-0003-0751-8278>).

не гарантирован, поскольку ход развития регионального трансформационного процесса в огромной степени зависит от множества противоречивых внутренних и внешних факторов. И, тем не менее, сегодня есть веские причины, чтобы поставить вопрос об изменениях в сложившейся парадигме экономического роста, по крайней мере, значительного числа латиноамериканских государств, включая все крупнейшие.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА В ТОЧКЕ ПЕРЕЛОМА

На новые явления в экономическом развитии стран Латинской и Карибской Америки (ЛКА) все чаще обращают внимание зарубежные специалисты, внимательно наблюдающие за событиями в регионе. В частности, главный экономист по Латинской Америке финансового конгломерата *Citigroup* Э.Ревилья считает, что у латиноамериканских стран, несмотря на имеющиеся проблемы (а у кого их нет?), «есть основания для оптимизма». Экономика ЛКА, подчеркивает эксперт, переживает «поворотный момент», а ряд государств региона проводят в целом грамотную макроэкономическую политику. В качестве доказательства Э.Ревилья и другие наблюдатели приводят успешные действия центральных банков Бразилии, Колумбии, Мексики, Перу и Чили по таргетированию инфляции и снижению ключевой ставки, что соответствует интересам экономического развития и «посылает пример остальному миру» [1].

Симптоматично мнение А.Червонко — главного специалиста по формирующимся рынкам стран ЛКА крупнейшего швейцарского инвестиционного банка *UBS* (его активы примерно вдвое превышают размер всей экономики Швейцарии). В интервью международному деловому изданию *AméricaEconomía* Червонко подчеркнул, что Латинская Америка «сделала выводы из прошлых экономических ошибок» и в настоящее время лучше подготовлена к геополитическим и геоэкономическим вызовам. При этом, продолжает эксперт, региону есть, что предложить миру: огромное пространство, свободное (в отличие от других районов Земного шара) от вооруженных конфликтов, значительные сравнительно квалифицированные людские ресурсы, емкий и расширяющийся внутренний рынок, многоотраслевую обрабатывающую промышленность, довольно современную инфраструктуру, быстро модернизирующийся финансовый сектор, «макроэкономический порядок» и, самое главное, — колоссальные природные ресурсы, включая такие чрезвычайно востребованные глобальной экономикой виды сырья, как медь и литий. Все это, резюмирует Червонко, будет привлекать (и уже привлекает) в регион сотни миллиардов долларов иностранных инвестиций [2].

На фактор наличия в ЛКА критически важных для передовых отраслей промышленности природных ресурсов все чаще указывают и другие представители международного экспертного сообщества. В частности, влиятельный деловой журнал *The Economist* писал: «В текущем столетии Латинская Америка может стать сырьевой сверхдержавой» [3].

Вместе с тем имеющийся исторический опыт и современная латиноамериканская (и, разумеется, глобальная) действительность предупреждают исследователей от скоропалительных выводов и однознач-

ных прогнозов в отношении сырьевого сектора стран ЛКА. Далеко не случайно в регионе бытует выражение «сырьевое проклятие», которое означает, что наличие богатых залежей природных ресурсов не сделало латиноамериканские страны ни высокоразвитыми, ни богатыми. Как отмечал перуанский исследователь А.Рамирес, его страна в течение 200 лет не могла извлечь достаточной выгоды из обладания уникальными видами сырья. Отсюда — вывод о необходимости изменения сложившихся правил игры [4].

В серии работ, опубликованных автором этих строк по актуальным экономическим проблемам Латинской Америки (включая и статьи в данном журнале), красной нитью проходит тезис о том, что в наши дни главным актором хозяйственной жизни региона становится процесс трансформаций, сопряженный с глобальными трендами, меняющий экономическую архитектуру латиноамериканских стран и способный «качнуть» их в сторону модернизации [5; 6; 7].

Весомый вклад в адекватное осмысление происходящих в ЛКА изменений, представляющих несомненный интерес для России на этапе ее собственных макроструктурных реформ, вносят труды отечественных коллег-латиноамериканистов, прежде всего, сотрудников В.М.Давыдова, А.А.Лавут, Л.Б.Николаевой, В.Л.Семенова, Л.Н.Симоновой, В.Л.Хейфеца, Н.А.Школяра и др. [8; 9; 10; 11; 12]. Из публикаций последнего времени особо стоит отметить статью И.М.Вершининой «Горнодобывающая промышленность Латинской Америки и новые экологические вызовы», в которой анализируются важные аспекты развития сырьевого сектора в странах ЛКА, включая такую чувствительную тему, как влияние горной добычи на состояние окружающей среды [13]. Эти содержательные исследования убеждают в том, что для адекватного понимания современных латиноамериканских реалий нужны не устаревшие доктринальные «истины», а свежий научный взгляд, творческие концептуальные ориентиры.

В упомянутых (и многих других) публикациях в числе основных характеристик указанного трансформационного процесса, развивающегося на базе цифровизации и структурного технологического обновления, были выделены:

— подъем сырьевого сектора в качестве ответа на запросы международного рынка и задачи опережающего развития передовых промышленных производств;

— прагматический подход к осуществлению энергетического перехода, приоритетное развитие возобновляемых источников энергии при сохранении внимания к наращиванию углеводородных энергоносителей;

— курс на реиндустриализацию и модернизацию местной обрабатывающей промышленности и в целом производственной базы латиноамериканских стран;

— убедительное развитие агропромышленного комплекса государств ЛКА, растущая роль ее продукции в обеспечении глобальной продовольственной безопасности;

— реализация масштабных инфраструктурных проектов, необходимых для внутрирегиональной транспортировки, а также экспортных поставок сырьевых товаров;

- сдвиги в латиноамериканском корпоративном сообществе, особенно — динамичный рост мультилатинас и технологических стартапов;
- перестройка кредитно-финансовой системы (усиление позиций неолбанков и финтех-компаний);
- диверсификация внерегиональных торгово-экономических связей, «поворот на Восток по-латиноамерикански»;
- попытки придания дополнительного импульса региональным объединительным проектам в духе *nearshoring* и усиления экономической связанности государств Латинской Америки [14].

Отталкиваясь от результатов проведенных научных исследований, можно констатировать, что латиноамериканский бизнес при поддержке политического истеблишмента пытается догнать (а на некоторых направлениях — и перегнать) начавшиеся независимо от него глобальные трансформационные процессы и буквально на ходу перестраивается, адаптируется к геоэкономическим реалиям и требованиям внутреннего социально-экономического развития.

В данной статье, в которой продолжается разработка проблематики хозяйственных перемен в латиноамериканском регионе, фокус внимания смещен на роль стран региона в обеспечении мировой экономики сырьевыми ресурсами, критически важными для ее дальнейшего прогресса. Используя такие методы научного исследования, как дедукция и индукция, анализ и синтез, инвент-анализ, статистико-экономический и системный подходы, а также метод экспертных оценок, автор пытался сформировать максимально объективный взгляд на развитие этой системообразующей отрасли экономики ЛКА. Тем более что к ней, думается, вполне применима идея Н.Талеба о «жирных хвостах» — хозяйственных зонах, в которых концентрируются основные риски, потенциально угрожающие экономической стабильности в целом [15].

Другими словами, добывающая отрасль — сфера не только больших возможностей, но и вероятных макроэкономических ловушек, ситуативно уязвимая (в том числе из-за сильнейшей привязки к переменчивому мировому рынку) для нередко неожиданных негативных эффектов, так называемых черных лебедей. В этом состоит главная угроза поступательному развитию сырьевого сектора стран Латинской Америки, в случае реализации которой ее отрицательные последствия ощутит на себе вся региональная экономика.

ГЛАВНЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ ОПТИМИЗМА И...

Одним из аргументов, традиционно используемых исследователями для доказательства «отсталости» экономики Латинской Америки, является указание на преимущественно сырьевой профиль латиноамериканского товарного экспорта. С этим сложно спорить, поскольку продукция первичного сектора (добыча природных ресурсов, включая энергоносители, и аграрное производство) действительно во многом определяет специализацию ЛКА в мировой торговле. Более того, удельный вес первичной продукции в экспорте большинства латиноамериканских стран имеет тенденцию к росту (см. таблицу 1).

**ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ ПЕРВИЧНОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
В ТОВАРНОМ ЭКСПОРТЕ ЛКА (среднегодовые данные в %)**

Регион, субрегион, страна	Первичная продукция		Промышленные товары	
	1999—2001	2019—2021	1999—2001	2019—2021
ЛКА	26,7	36,2	73,3	63,8
ЛКА (без Мексики)	40,1	53,8	59,9	46,2
<i>Mercosur</i>	40,2	58,5	59,8	41,5
Аргентина	47,2	55,8	52,8	44,2
Бразилия	26,2	57,7	73,8	42,3
Венесуэла	59,6	62,8	40,4	37,2
Парагвай	80,9	78,2	19,1	21,8
Уругвай	38,7	58,1	61,3	41,9
Андское сообщество	53,5	62,7	46,5	37,3
Боливия	49,9	62,2	50,1	47,8
Колумбия	55,7	56,3	44,3	43,7
Перу	33,6	60,1	66,4	39,9
Эквадор	75,9	78,0	24,1	22,0
Тихоокеанский Альянс	17,1	23,5	82,9	76,5
Мексика	11,3	11,2	88,7	88,8
Чили	34,9	51,7	65,1	48,3

Источник: CEPAL. *Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe* — 2022. Santiago, Naciones Unidas, 2022, p. 97.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что за последние два десятилетия доля первичных товаров в совокупном экспорте государств ЛКА выросла с 26,7 до 36,2%, а если не учитывать Мексику, являющуюся, благодаря интеграционному соглашению с США и Канадой, исключением, подтверждающим правило, то этот уровень составит 53,8%, т. е. свыше половины всех экспортных потоков. Причем для ряда государств (Боливия, Венесуэла, Парагвай, Перу, Эквадор) отмеченный показатель превысил 60%.

Примером мощного усиления сырьевой направленности экспорта может служить крупнейшая страна региона — Бразилия, где удельный вес первичных товаров в указанный период вырос с 26,2 до 57,7%. В частности, вывоз железной руды и ее концентратов в стоимостном отношении в 2003—2022 гг. увеличился с 3,6 до 32,4 млрд долл., а их доля в совокупном экспорте — с 5 до 10%. При этом главным покупателем бразильской железной руды стал Китай, решительно потеснивший всех конкурентов и нарастивший импорт из Бразилии этого вида сырья с 0,8 до 18,8 млрд долл., или в 23,5 раза. Если в 2003 г. на покупателей из КНР приходилось 22% бразильского вывоза железной руды, то в 2022 г. — 58% [16].

В то же время было бы контрпродуктивно трактовать латиноамериканскую экономическую действительность только сквозь призму сухих статистических данных. Это — упрощение и, если угодно, искажение реального положения дел. Разумеется, мы не призываем отказаться от использования

статистики, количественных методов анализа, они — необходимый компонент серьезного научного исследования. Но еще важнее качественные характеристики развивающихся в странах Латинской Америки процессов, изменяющих экономическую реальность. К числу таких процессов, безусловно, относится трансформация первичного сектора, приобретающая структурный характер. Сделать этот вывод позволяет наличие следующих факторов: цифровизация в отрасли основных производственных и логистических операций, разработка новых видов полезных ископаемых, диверсификация рынков сбыта, курс на локальную промышленную переработку горнорудного сырья. Все это — зримые приметы происходящих позитивных изменений [17].

Доказательством растущего глобального спроса на сырьевые ресурсы является тот факт, что после турбулентного периода 2010-х годов, отмеченного, в частности, резкими перепадами и в целом падением мировых цен на большинство энергетических и минеральных товаров, их котировки в 2021—2022 гг. пошли резко вверх, а в 2023 г. в большинстве случаев стабилизировались на уровне, существенно превышавшем показатели 2018 г. (см. таблицу 2).

Т а б л и ц а 2

ДИНАМИКА ЦЕН НА СЫРЬЕВЫЕ ТОВАРЫ: ИНДЕКС (2010 ГОД =100) И ДОЛЛАРЫ

Вид сырья	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Все виды (индекс)	—	—	63,1	101,0	143,3	108,8
Энергоносители (индекс)	87,0	75,9	52,7	95,4	152,6	108,7
Неэнергетические (индекс)	85,2	81,6	84,1	112,5	124,4	109,1
Нефть (долл./баррель)	68,3	61,4	41,3	69,1	97,1	84,7
Медь (долл./т)	6530	6010	6174	9317	8822	8349
Железная руда (долл./т)	69,8	93,8	108,9	161,7	124,3	110,2
Никель (долл./т)	13114	13914	13787	18465	25838	20439

Источник: World Bank Commodities Price Data (The Pink Sheet). 5.09.2023. Available at: <https://www.worldbank.org/commodities> (accessed 16.09.2023).

Фиксируя внимание на трех ключевых видах горнорудного сырья, отметим, что цена на медь в 2022 г. превысила показатель 2018 г. на 28%, железной руды — на 40%, никеля — на 56%. Такого рода ценовая динамика обычно характерна для «сырьевых суперциклов», поэтому неслучайно в конце июня 2023 г. агентство *Bloomberg* сообщило о начале 15-летней фазы роста мировых цен на первичную продукцию, что отвечает интересам России и Латинской Америки, экспортирующим сырьевые товары [18]. С этой оценкой согласны и многие латиноамериканские эксперты, поскольку повышение сырьевых котировок становится для экономики стран ЛКА финансовой «кислородной подушкой» [19].

Рассмотрим в качестве примера положение на мировом рынке меди — одном из самых востребованных электротехнических металлов, широко используемых (особенно на этапе энергетического перехода) в большинстве современных производственных и сервисных отраслей, в том числе в

машиностроении, металлургии, атомной промышленности (в частности, при создании высокопрочных «монелевых сплавов»), энергетике, нефтехимии, электронике и микроэлектронике (например, в интегральных схемах), морском и железнодорожном транспорте, авиастроении, аэрокосмической технике, производстве часов и иных точных механизмов, медицине и здравоохранении, строительстве и др. Особенно широко изделия из меди в настоящее время используются в мировом автомобилестроении, прежде всего, в быстро растущем производстве электромобилей [20].

По данным межправительственной организации стран — производителей и потребителей меди *International Copper Study Group (ICSG)*, мировое потребление этого металла в 2022 г. превысило 26 млн т (в 2010 г. — 19 млн т) и, судя по всему, будет расти и дальше [21]. При этом порядка 40% добычи медной руды сконцентрировано в странах Латинской Америки, главным образом в Чили, Перу, Мексике и Панаме. Причем латиноамериканские страны в 2010—2022 гг. преимущественно специализировались на добыче медной руды и в меньшей степени — на производстве медного концентрата, тогда как потребление готовой промышленной продукции ощутимо сокращалось (см. таблицу 3).

Т а б л и ц а 3

ДОБЫЧА, ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ МЕДИ (тыс. т)

Регион	2010 г.			2022 г.		
	Добыча	Производство	Потребление	Добыча	Производство	Потребление
Весь мир	15979	19035	19386	21922	25641	26072
Европа	1584	3659	4245	2009	3725	3928
Сев. Америка	1915	1690	2182	2514	1633	2267
Азия/Океания	4234	8929	12027	5606	15540	19317
Африка	1215	859	285	3252	2161	177
ЛКА	7031	3897	646	8542	2581	385
Доля ЛКА (%)	44,0	20,5	3,3	39,0	10,1	1,5

Источник: Release. Copper Market ICSG Press Forecast 2023/2024. Available at: <https://www.icsg.org> (accessed 23.09.2023).

Основной производитель меди на глобальном уровне — Чили. На эту южноамериканскую страну с населением около 20 млн человек приходится порядка 25% всей мировой добычи, здесь же находятся четыре из десяти крупнейших медных рудника: *Escondida* (добыча в 2022 г. — около 1,1 млн т), *Collahuasi* (590 тыс. т), *El Teniente* (460 тыс. т) и расположенный на высоте 2840 м над уровнем моря легендарный *Chuquicamata* (370 тыс. т), где разработка осуществляется с 1915 г. Еще три самых крупных рудника также находятся в ЛКА: в Перу — *Cerro Verde* (434 тыс. т), в Панаме — *Cobre Panama Project* (345 тыс. т) и в Мексике — *Buenavista del Cobre* (332 тыс. т) [22].

Подчеркнем, что государства ЛКА были и остаются главными поставщиками меди на глобальный рынок, и от наращивания этих поставок во многом зависят перспективы увеличения производства высокотехнологич-

ных промышленных изделий в странах-импортерах. При этом в последнее десятилетие львиная доля медной продукции из ЛКА (в 2022 г. — 80%) направлялась в быстро растущие страны Азии, прежде всего в Китай, который является ведущим покупателем латиноамериканской меди (60% в 2022 г.). По существу меднорудная отрасль Латинской Америки очень сильно зависит от динамики потребностей китайского рынка, от того, какими темпами развивается экономика КНР (см. таблицу 4).

Т а б л и ц а 4

**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:
ЭКСПОРТ МЕДНОЙ ПРОДУКЦИИ (млрд долл.)**

Импортер	2013 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Весь мир	50,9	49,5	75,9	68,2
Страны Азии	34,0	39,0	57,5	54,6
Доля стран Азии (%)	66,8	78,8	75,8	80,1
Китай	19,6	28,0	42,5	41,0
Доля Китая (%)	38,5	56,6	56,0	60,1

Источник: ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral Trade between Latin America and the Caribbean and Asia. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (accessed 23.09.2023).

В последние годы феноменальные показатели роста продемонстрировали мировые цены еще на один металл, в значительных объемах добывающийся в Латинской Америке, — литий. Его котировки поднялись с 5,5 тыс. долл. за тонну в 2016 г. до 13 тыс. в 2018 г. и 85 тыс. долл. (рекордный уровень на сегодняшний день) — в декабре 2022 г. В результате литий приковал к себе максимальное внимание на глобальном уровне и стал одним из главных сырьевых ньюсмейкеров, поскольку количество посвященных ему публикаций в международных средствах массовой информации стало беспрецедентным [23].

Повышенный интерес к литию вызван уникальными свойствами этого «суперметалла», получившего в прессе наименование «белого золота», или «нефти XXI века». Дело в том, что литий уже в течение длительного времени широко используется в черной и цветной металлургии (в частности, для повышения прочности сплавов), в атомной и оборонной промышленности, медицине, производстве химических товаров, изделий из стекла и керамики, специальных смазочных материалов. Но главное на сегодняшний день состоит в том, что этот металл является ключевым элементом литий-ионных аккумуляторов, используемых в электромобилях и самых разнообразных электронных гаджетах. Именно это качество лития сделало его столь востребованным на мировом рынке в контексте энергетического перехода и формирования зеленой экономики. «Без латиноамериканского лития зеленая революция не состоится», — считают зарубежные аналитики [24].

Крупнейшие мировые месторождения «белого золота» находятся в так называемом литиевом треугольнике — примыкающих друг к другу райо-

нах Аргентины, Боливии и Чили, на долю которых (по оценкам ЭКЛАК) приходится 56,3% мировых ресурсов лития. Если к этим данным добавить показатели других латиноамериканских государств, располагающих литиевыми месторождениями (Бразилии, Мексики и Перу), то доля ЛКА увеличится до 59,7% [25, р. 14].

До настоящего времени ведущим производителем карбоната лития (наиболее востребованного продукта) остается Австралия, но Чили и Аргентина, что называется, «наступают ей на пятки», интенсивно увеличивая разработку новых месторождений. Особенно большое число проектов осуществляет Аргентина, власти и бизнес-сообщество которой поставили амбициозную цель — в 2023—2026 гг. нарастить производство литиевого карбоната со 138 до 260 тыс. т, или практически вдвое. Для достижения этой цели в Аргентине реализуются 35 проектов, инвестиции в которые составляют порядка 7 млрд долл. Один из самых крупных проектов стоимостью 831 млн долл. — *Sal de Oro* в провинции Сальта, осуществляемый южнокорейской сталелитейной корпорацией *POSCO* [26].

Разработка литиевых месторождений Латинской Америки и встраивание этих сырьевых ресурсов в глобальные цепочки стоимости — это «экономический забег» на длинную дистанцию, стратегическое направление наращивания хозяйственного, экспортного и финансового потенциала стран региона. По масштабам ЛКА это — крупные величины.

В странах латиноамериканского региона освоение вновь открытых залежей меди, лития и других полезных ископаемых находится на разных стадиях. В ряде случаев готовятся технико-экономические обоснования, проводятся консультации с поставщиками оборудования, прогнозируются варианты *cash-flow*, в других — интенсивно проводятся горно-капитальные работы, осваиваются и готовятся к промышленной разработке новые месторождения. Поскольку многие предприятия либо кардинально обновляются, либо строятся с нуля, то в производственном процессе максимально используются передовые технологии, современные цифровые инструменты, а в соответствии с требованиями общественности и указаниями государственных органов — все чаще учитывается экологический фактор. А именно: при производстве металлов компании, наученные горьким опытом протестных выступлений защитников природы, стремятся избегать конфликтов и оказывать минимальное воздействие на окружающую среду. На это обстоятельство обращают особое внимание эксперты ЭКЛАК [27]. Они также подчеркивают возрастающее влияние процесса трансформации добывающих отраслей для достижения странами Латинской Америки целей устойчивого развития [28].

Стратегическая задача первостепенной важности во всех странах ЛКА, добывающих критически важные для мировой экономике сырьевые ресурсы, сводится к сохранению (или установлению) национального контроля за деятельностью частных, как правило иностранных, компаний, занятых эксплуатацией месторождений. Утрата такого контроля неизбежно обернется серьезными материальными и политическими потерями, по существу, реинкарнацией «сырьевого проклятия».

...ОСНОВНЫЕ СИСТЕМНЫЕ РИСКИ

С учетом вышесказанного можно утверждать, что актуальная стратегия опоры на сырьевой сектор для ускорения экономического роста и модернизации хозяйственных структур не должна стать простым воспроизводством негативной константы — уходящего своими корнями в историю «сырьевого проклятия». Необходимо сломать этот тренд, преодолеть инерцию полупериферийного развития, переформатировать добывающие отрасли латиноамериканской экономики на новых макроэкономических и технологических принципах, а также суметь противостоять имеющимся рискам.

Главный системный риск внешнего порядка — возможное замедление роста глобального хозяйства и даже «жесткая посадка» (*hard landing*) мировой экономики, отмечаемое большинством специалистов многосторонних финансово-экономических организаций, включая Международный валютный фонд (МВФ) [29, р. XVI]. Следствием такого развития событий неизбежно станет падение спроса, а значит и цен на сырьевые товары, что больно заденет интересы государств-экспортеров. В свою очередь, выступая в Южной Африке в начале сентября 2023 г., первый заместитель директора-распределителя МВФ Гита Гопинат выделила три глобальных потрясения, бросающих вызов, прежде всего, развивающимся странам: геоэкономическая фрагментация, ухудшение условий международного финансирования и климатические изменения, делающие экономический рост более затратным [30].

Фундаментальное значение для латиноамериканских экспортеров сырья может иметь прогнозируемое торможение экономического развития КНР — основного импортера многих видов первичной продукции государств ЛКА. Китайская экономика, по мнению ряда международных экспертов, переживает не самые простые времена и рискует повторить историю Японии, которая после многих лет динамичного развития перешла в режим стагнации. Иначе говоря, Китай может ожидать «японизация» (снижение) темпов роста и его собственное «потерянное десятилетие» [31].

Все более насущной в Латинской Америке становится потребность в совместных экономических действиях, которые должны стать одним из важных факторов макроструктурных трансформаций в страновом и региональном разрезе. А для этого нужно наработать новые алгоритмы сотрудничества в двустороннем и многостороннем формате государственных органов, бизнес-структур и авторитетных представителей экспертного сообщества. В частности, позитивную роль нередко играют точечные и ситуативные договоренности между правительствами и компаниями государств региона на принципах ниаршоринга (*nearshoring*)*, позволяющие «пройти через бутылочные горлышки» экономического роста и создающие почву для более широкого делового взаимодействия. Только на этом пути, как

* Ниаршоринг — тип аутсорсинга (т.е. передачи компанией определенных видов деятельности другой компании, действующей в необходимой сфере и обладающей требуемыми компетенциями), при котором компания ищет партнера по развитию в другой стране. От иных видов аутсорсинга ниаршоринг отличает тот факт, что партнер находится в непосредственной близости. Поскольку компании обычно работают в пределах одного часового пояса, это облегчает коммуникацию. — *Прим. ред.*

показывают исследования ЭКЛАК, страны Латинской Америки смогут мобилизовать необходимые ресурсы и решить стоящие перед ними нетривиальные технологические, производственные, логистические и внешнеторговые задачи, включая наращивание производства и экспорта промышленных товаров, созданных на базе местных сырьевых ресурсов [32].

Однако на этом направлении остается немало сложностей, особенно, в деле согласования ключевых пунктов региональной экономической и внешнеторговой повестки, что затрудняет достижение латиноамериканского консенсуса, а, следовательно, препятствует решению фундаментальных задач устойчивого и инклюзивного развития.

К числу системных рисков, безусловно, следует отнести и то обстоятельство, что новые тренды в экономике Латинской Америки пробивают себе дорогу на пике социально-политической напряженности и в обстановке острой идейной борьбы в целом ряде стран региона. Вот лишь несколько примеров. Штурм конгресса в Бразилии сторонниками Жаира Болсонару, убийство кандидата на пост президента Эквадора, журналиста и борца с коррупцией Фернандо Вильявисенсио, отстранение от власти главы государства Педро Кастильо и массовые протесты в Перу, электоральный «сюрприз» в Аргентине — победа на президентских выборах правого радикала Хавьера Милея, — попытки местных элит помешать вступлению в должность победившего на выборах в Гватемале антисистемного кандидата Бернардо Аревало и т.д. Все эти политические «черные лебеди» отнюдь не помогают выработке и проведению в жизнь экономической стратегии, пользующейся консолидированной общественной поддержкой и имеющей долговременный характер.

Нельзя сбрасывать со счетов и конкуренцию между различными концептуальными воззрениями на основные проблемы экономического развития. Это, безусловно, очень емкая тема, заслуживающая специального исследования. Заметим только, что члены экспертного сообщества, способные оказать реальное влияние на формирование в регионе официальных макроэкономических подходов, расходятся во мнениях. Порой их разногласия носят внешне непримиримый характер. В качестве примера приведем две, антагонистические, по сути, идейные позиции.

Ярким выразителем первой (государствотцентричной идеологии) является итало-американский экономист Мариана Маццукато, автор и составитель ряда фундаментальных трудов по проблемам экономики современного капитализма, включая известные монографии «Предпринимательское государство: развенчание мифов о государственном и частном секторах» [33] и «Миссия экономики: путеводитель по меняющемуся капитализму» [34]. В этих и других работах М.Маццукато оспаривает отношение к государству как к сугубо бюрократической организации, призванной лишь в пожарном порядке исправлять провалы рынка. С точки зрения ученого, государство является движущей силой производственных и технологических инноваций и играет основную роль в создании новых рынков и организации экономических прорывов. В частности, отмечается решающий вклад государственных структур в построение устойчивой и инклюзивной хозяйственной системы и формирование основ «зеленой» экономики.

В Латинской Америке взгляды Маццукато были позитивно восприняты, прежде всего, правительствами стран так называемой новой розовой вол-

ны. Как отмечал редактор международного издания *Americas Quarterly* Ник Бернс, «президенты Колумбии, Аргентины и Чили стали фанатами Марианы Маццукато» [35]. При этом деятелей левого толка привлекают не только дирижистские постулаты ученого, но и ее практические рекомендации. В том числе: на национальном уровне — выдвигать «амбициозные и вдохновляющие цели», «идентифицировать вызовы, стоящие перед страной, и концентрировать ресурсы для адекватного ответа»; в рамках региона — не распылять силы, а фокусировать межгосударственное сотрудничество в приоритетных областях. И главное: сделать производственные инновации ключевым фактором экономического роста. Эти и другие тезисы Маццукато сформулировала в целом ряде своих публикаций и выступлений, предназначенных политическому истеблишменту и бизнес-сообществу Латинской Америки, включая специальный доклад, подготовленный для ЭКЛАК и содержащий анализ трансформационных изменений в регионе [36].

В отличие от М.Маццукато, выступающей «за все хорошее против всего плохого» в контексте «капитализма с человеческим лицом», уже упомянутый Х.Милей исповедует другую «экономическую религию» — анархо-капитализм, либертарианство и минархизм, т.е. ратует за сокращение до минимума экономических функций государства, которое считает «врагом экономики». В пакете его предложений по реформатированию экономики Аргентины, до предела накаливших атмосферу в обществе, «приватизация всех склеротических государственных компаний» (как отмечал маститый аргентинский журналист П.Стефанони, Милей «готов приватизировать даже улицы») [37], долларизация национальной финансовой системы и резкое сокращение бюджетных расходов. По мнению журнала *The Economist*, реализация таких планов будет означать поворот экономической политики на 180 градусов и может в очередной раз сделать Аргентину своего рода лабораторией для проведения очень рискованных хозяйственных экспериментов, которые, как правило, заканчивались социальными потрясениями и внутривластными кризисами [38].

Таким образом, с учетом широкого разброса экспертных мнений, содержащих глубокие разногласия и эксплицитные противоречия, к перспективам мегаструктурной трансформации латиноамериканской экономики на базе сырьевого сектора следует относиться со сдержанным оптимизмом, без иллюзий, оставаясь на почве реальности.

Подводя итог проведенному исследованию, подчеркнем, что сейчас, когда аргументы концептуального противостояния экономистов, занимающихся Латинской Америкой и мировым хозяйством, предельно обнажены, настал момент для интеллектуального сопряжения различных подходов и выработки жизнеспособной идеологической матрицы — своего рода «усредненной» теории развития региона, включающей в себя наиболее конструктивные либеральные и дирижистские идеи, прошедшие строгую проверку на оселке практики и здравого смысла. Жизнь учит тому, что в оценке отдельных вопросов правы могут быть и те, и другие теоретики, никто не обладает истиной в последней инстанции, даже если он считает иначе. Эти наши общие соображения в полной мере относятся к стратегии дальнейшего развития сырьевого сектора экономики ЛКА.

Как было показано, в условиях нынешних глобальных трансформаций сырье вновь стало ключевым экономическим и внешнеторговым активом латиноамериканских стран. В формирующейся новой геэкономической реальности Латинская Америка, учитывая ее потенциал, способна повысить ставки: занять видное место в обеспечении мировой экономики критически важными природными ресурсами, действовать с учетом национальных интересов и оставить в прошлом «сырьевое проклятие». И в этом заключается исторический шанс региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Stott M., Pooler M. Latin America's central banks declare victory in war on inflation. *Financial Times*. 03.08.2023. Available at: <https://www.ft.com/content/29371345-70a9-4885-8db4-2a9b2f097beb> (accessed 06.09.2023).
2. Alejo Czerwonko, UBS: "Latinoamérica ha aprendido de errores pasados". *América economía*. 21.09.2023. Available at: <https://www.americaeconomia.com/economia-y-mercados/alejo-czerwonko-ubs-latinoamerica-ha-aprendido-de-errores-pasados> (accessed 26.09.2023).
3. Latin America could become this century's commodity superpower. *The Economist*. 08.08.2023. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2023/08/08/latin-america-could-become-this-centurys-commodity-superpower> (accessed 09.09.2023).
4. Ramírez A. Maldición de materias primas y urgente cambio. *Con Nuestro Peru*. 28.04.2022. Available at: <https://www.connuestroperu.com/economia/76713-maldicion-de-materias-primas-y-urgente-cambio> (accessed 16.09.2023).
5. Яковлев П.П. Глобальные головоломки: Ибероамерика в меняющемся мире. М., ИЛА РАН, 2020, 515 с. [Jakovlev P.P. Global'nye golovolomki: Iberoamerika v menjajushemsja mire. [Global Puzzles: Iberoamerica in a Changing World]. Moscow, ILA RAN, 2020, 515 p. (In Russ.).
6. Яковлев П.П. Латинская Америка на переломе трендов. Опыт осмысления новых явлений. *Латинская Америка*. 2015, № 7, сс. 4-18. [Jakovlev P.P. Latinskaja Amerika na perelome trendov. Opyt osmyslenija novyh javlenij. [Latin America is at the turning point of trends. The experience of understanding new phenomena]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2015, N 7, pp. 4-18. (In Russ.).
7. Яковлев П.П. Мегатренды развития Латинской Америки и экономические интересы России. *Латинская Америка*. М., 2023, № 6, сс. 6-22. [Jakovlev P.P. Megatrendy razvitija Latinskoj Ameriki i jekonomiccheskie interesy Rossii. [Megatrends of Latin American Development and Russia's Economic Interests]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2023, N 6, pp. 6-22. (In Russ.).
8. Давыдов В.М. (ред.). Перспективы устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям. М., Весь Мир, 2022, 448 с. [Davydov V.M. (red.). Perspektivy ustojchivogo razvitija. Apelljacija k obshhemirovym i latinoamerikanskim realijam. [Prospects for sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, Ves' Mir, 2022, 448 p. (In Russ.).
9. Симонова Л.Н. (ред.). Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. М., ИЛА РАН, 2017, 552 с. [Simonova L.N. (red.). Vozmozhnosti i predely innovacionnogo razvitija Latinskoj Ameriki. [Opportunities and limits of innovative development in Latin America]. Moscow, ILA RAN, 2017, 552 p. (In Russ.).
10. Симонова Л.Н. (ред.). Латинская Америка в системе международных экономических отношений. М., ИЛА РАН, 2020, 486 с. [Simonova L.N. (red.). Latinskaja Amerika v sisteme mezhdunarodnyh jekonomiccheskih otnoshenij. [Latin America in the system of international economic relations]. М., ILA RAN, 2020, 486 p. (In Russ.).
11. Плячинда Л.Ю. Феномен глобальной фрагментации. Новые императивы трансконтинентального сотрудничества Евразии и Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2023, № 8, сс. 6-26. [Plachinda L.Ju. Fenomen global'noj fragmentacii. Novye imperativy transkontinental'nogo sotrudnichestva Evrazii i Latinskoj Ameriki. [The phenomenon of global fragmentation. New imperatives of transcontinental cooperation between Eurasia and Latin America]. *Latinskaja Amerika*. Moscow, 2023, N8, pp. 6-26. (In Russ.).
12. Jefe V.L., Pravdiuk D.A. El concepto de la "recuperación verde" en América Latina: perspectivas de la transformación sostenible en la era postpandémica. *Iberoamérica*. Moscow, 2021, N 3, pp. 101-124.

13. Vershinina I. La minería en América Latina y nuevos desafíos ecológicos. *Iberoamérica*. Moscow, 2022, N 3, pp. 32-56.
14. Яковлев П.П. Модель “nearshoring”: концепция новой экономики Латинской Америки. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2023, т. 67, № 2, сс. 93-103. [Jakovlev P.P. Model' “nearshoring”: koncepcija novoj jekonomiki Latinskoj Ameriki. *Mirovaya jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. [The “nearshoring” model: the concept of the new economy of Latin America]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunaronye otnosheniya*. Moscow, 2023, t. 67, N 2, pp. 93-103. (In Russ.).
15. Taleb N. *Statistical Consequences of Fat Tails: Real World Preasymptotics, Epistemology and Applications*. STEM Academic Press, 2020, 446 p.
16. ITC. Trade Map. Trade statistics for international business development. Bilateral Trade between Brasil and China. Available at: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (accessed 24.09.2023).
17. Яковлев П.П. Экономика Латинской Америки на старте цифровой модернизации. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2022, т. 66, № 3, сс. 110-118. [Jakovlev P.P. Jekonomika Latinskoj Ameriki na starte cifrovoj modernizacii [Latin America's economy is at the start of digital modernization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2022, t. 66, N 3, pp. 110-118. (In Russ.).
18. Authers J. From Russia, With a Really Big Wave Every 30 Years. *Bloomberg*. 29.06.2023. Available at: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-06-29/commodities-super-cycle-from-russia-with-a-really-big-wave-every-30-years> (accessed 6.09.2023).
19. Subida de precios de materias primas, un balón de oxígeno para Latinoamérica. *Curadas*. 25.12.2020. Available at: <https://curadas.com/2020/12/25/subida-precios-materias-primas-oxigeno-latinoamerica/> (accessed 3.09.2023).
20. Pajo D. What Industries is Copper the Most Prevalent In? 23.02.2023. *Jackofalltechs.com*. Available at: <https://jackofalltechs.com/2023/02/23/what-industries-is-copper-the-most-prevalent-in/> (accessed 06.09.2023).
21. ICSG Press Release. Copper Market Forecast 2023/2024. Available at: <https://www.icsg.org> (accessed 16.09.2023).
22. The world's ten largest copper mines. 21.07.2023. Available at: <https://www.mining-technology.com/marketdata/ten-largest-coppers-mines/?cf-view> (accessed 06.09.2023).
23. All Lithium articles. *Chemistry World*. Available at: <https://www.chemistryworld.com/lithium/813.tag> (accessed 13.09.2023).
24. The green revolution will stall without Latin America's lithium. *The Economist*. 02.05.2023. Available at: <https://www.economist.com/the-americas/2023/05/02/the-green-revolution-will-stall-without-latin-americas-lithium> (accessed 6.09.2023).
25. CEPAL. Extracción e industrialización del litio. Oportunidades y desafíos para América Latina y el Caribe. Santiago, Naciones Unidas, 2023, 46 p.
26. Argentina se proyecta a estar entre los tres máximos proveedores de Litio a nivel mundial. *América Economía*. 21.08.2023. Available at: <https://www.americaeconomia.com/negocios-e-industrias/argentina-se-proyecta-estar-entre-los-tres-maximos-proveedores-de-litio-nivel> (accessed 09.09.2023).
27. Dufey A., Zamorano P. Estándares y certificaciones internacionales voluntarias en materia de minería sostenible en los países andinos. Santiago, CEPAL, 2023, 88 p.
28. Grupo de Trabajo para transformar las industrias extractivas para el desarrollo sostenible. CEPAL. Available at: <https://www.cepal.org/es/proyectos/grupo-trabajo-transformar-industrias-extractivas-desarrollo-sostenible> (accessed 13.09.2023).
29. IMF. World Economic Outlook: A Rocky Recovery. Washington, International Monetary Fund, 2023, XVII, 184 p.
30. Charting a Course Through Rough Stas: How Emerging Markets Can Navigate Tougher External Conditions. IMF. 01.09.2023. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2023/09/sp090123-gita-gopinath-keynote-address-at-the-sarb-biennial-conference> (accessed 06.09.2023).
31. Does China face a lost decade? *The Economist*. 10.09.2023. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/09/10/does-china-face-a-lost-decade> (accessed 21.09.2023).
32. CEPAL. Perspectivas del Comercio Internacional de América Latina y el Caribe 2022: el desafío de dinamizar las Exportaciones manufactureras, Santiago, Naciones Unidas, 2023, 181 p.

33. Mazzucato M. *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. London, Anthem Press, 2013, 285 p.
34. Mazzucato M. *Mission Economy: A Moonshot Guide to Changing Capitalism*. London, Allen Lane, 2021, 272 p.
35. Burns N. The New Pink Tide's Favorite Economist. *Americas Quarterly*. 03.04.2023. Available at: <https://americasquarterly.org/article/the-new-pink-tides-favorite-economist/> (accessed 06.09.2023).
36. Mazzucato M. Cambio transformacional en América Latina y el Caribe: un enfoque de política orientada por misiones. CEPAL, Santiago, Naciones Unidas, 2023, 101 p.
37. Stefanoni P. El paleolibertario que agita la política Argentina. *Nueva Sociedad*. Marzo 2023. Available at: <https://nuso.org/articulo/el-paleolibertario-que-agita-la-politica-argentina/> (accessed 02.09.2023).
38. Can Javier Milei's radical libertarianism save Argentina? *The Economist*. 07.09.2023. Available at: <http://www.economist.com/leaders/2023/09/07/can-javier-mileis-radical-libertarianism-save-argentina> (accessed 19.09.2023).

Petr P. Yakovlev (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Doctor of Economics, Chief Researcher at Center of Iberian Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

21/16 B. Ordynka Str., 115035 Moscow, Russian Federation

Chief Researcher at Department of Europe and America, Institute of Scientific Information for the Social Sciences, Russian Academy of Sciences

51/21 Nakhimovsky Av., 117418 Moscow, Russian Federation

Latin America: the end of the “raw materials curse”?

Abstract. In the context of ongoing geo-economic transformations, international interest in the raw materials resources of Latin America, necessary for the implementation of the goals of the “fourth industrial revolution” and the development of high-tech industrial production, has noticeably increased. The raw materials of Latin American countries, in demand on international commodity markets, are largely a factor of their macro-economic luck, to which it is necessary to add the ability to play the raw material card, to materialize the resulting chances into practically implementable large-scale projects that, to the maximum possible extent, meet not only the demands of the global economy, but also fundamental national interests. We are not talking about the region “capturing” the world's geo-economic peaks. The task is much more modest: to leave the so-called “raw materials curse” in the past and effectively use the window of opportunity that has opened - increased demand for natural resources, to form interdependence with the leading countries in technological development at a deep, quantum level. In other words, it is necessary to strengthen the factors that will ensure the real economic recovery of Latin America in the context of the current global transformation processes.

Key words: economy, Latin America, raw materials sector, economic growth strategies.

DOI: 10.31857/S0044748X0029113-3

Received 27.09.2023

Е.А.Виноградова

Технологии искусственного интеллекта в политической повестке *BRICS*

В период IV промышленной революции стремительный рост технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед всеми странами задачу их правомерного использования и своевременного внедрения в государственный сектор. Страны, входящие в *BRICS* (*Brazil, Russia, India, China, South Africa*), являются активными участниками процесса цифровизации в политической, экономической, социальной и военной сферах, а также в деятельности объединения, направленной на расширение технологий ИИ и коммуникационных каналов. Однако бурный рост новейших технологий на основе ИИ ставит под угрозу и без того уязвимый сектор кибербезопасности и, к сожалению, предоставляет широкие возможности для активного проведения информационно-психологических и террористических операций, дезинформационных компаний, направленных на подрыв работы политических акторов *BRICS*.

Ключевые слова: *BRICS*, технологии искусственного интеллекта, кибербезопасность, IV промышленная революция, информационно-психологическая безопасность, цифровая трансформация.

DOI: 10.31857/S0044748X0029114-4

Статья поступила в редакцию 19.08.2023.

Бурный рост технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы подтолкнул мировой коммуникационный процесс к виртуализации общественной жизни и изменил международные тенденции внешнеполитического взаимодействия на глобальном уровне. Информационно-технологическая революция помогла ряду стран *BRICS* (*Brazil, Russia, India, China, South Africa*), в частности, Китаю и Индии, стать ключевыми игроками на рынке цифровых и информационно-коммуникационных услуг, получающими огромные дивиденды и грамотно выстраивающими

Екатерина Алексеевна Виноградова — кандидат политических наук, директор Научно-исследовательского центра: технологии искусственного интеллекта в международных отношениях (НИЦТИМО) (<https://orcid.org/0000-0001-8055-6612>, vinogradovacatherine7@gmail.com).

цифровую экономику. В будущем это может благоприятно отразиться на деятельности государств, входящих в объединение, которые перестанут испытывать острую цифровую зависимость от внешнего технологического давления со стороны США и смогут обрести цифровой суверенитет, который будет способствовать гармоничному развитию цифровой экономики развивающихся стран. Внедрение технологий ИИ в деятельность объединения является актуальной задачей для стран BRICS и активно обсуждается на многочисленных встречах.

На сегодняшний день тема использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в BRICS мало изучена. Научную литературу по данной проблематике условно можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся работы, авторы которых изучают межрегиональное сотрудничество BRICS в области развития цифровых технологий. Здесь необходимо выделить статью А.Игнатова «Повестка дня БРИКС по управлению Интернетом» [1], в которой представлен анализ приоритетов стран BRICS в отношении управления Интернетом. В работе исследователей Д.Саймана, Е.Громовой, Е.Юхнявичуса «Регулирование искусственного интеллекта в БРИКС и Европейском союзе» [2] детально рассмотрены проблемы использования технологий ИИ и предложены решения по оптимизации положений законодательства в этой сфере. Особенности цифровой экономики в странах BRICS анализируются в статье исследователей И.Лазанюка и С.Ревиновой [3]. Изучение эволюции индикаторов, упрощение процедур торговли стран BRICS при помощи цифровых технологий представлено в исследовании бразильских ученых М.Мартинса и С.Алмейда Биспо [4].

Во вторую группу входят труды отечественных и зарубежных специалистов, изучающих киберугрозы, направленные на подрыв различных видов деятельности в странах BRICS. Основные риски и угрозы, связанные с национальной и международной психологической безопасностью, и злонамеренное использование искусственного интеллекта в странах объединения рассмотрены в работе российских ученых Д.Ю.Базаркиной и Е.Н.Пашенцева [5]. В статье индийского политолога Э.Дилипрадж «Кабель БРИКС и кибербезопасность» [6] проанализирована злонамеренная деятельность с использованием американской программы PRISM, направленная на установление массовой электронной слежки в государствах, входящих в BRICS. Подробный анализ аспектов кибербезопасности в этих государствах и новейшего законодательства по защите данных представлен в монографии бразильского профессора Луки Белли [7]. В диссертации другого бразильского ученого С.М.Пиньейру де Резенде [8] рассмотрена такая технология искусственного интеллекта, как дипфейк (*deepfake*), а также его роль в дискредитации политических лидеров Бразилии.

Целями данного исследования являются определение стратегии BRICS в ходе использования передовых технологий ИИ для развития цифровой коммуникации между странами-участницами, а также классификация основных киберугроз и информационно-психологических операций, направленных на подрыв деятельности объединения.

Методология исследования основана на системном подходе, направленном на изучение технологий ИИ, задействованных в цифровизации BRICS и классификации новых видов киберугроз. В статье задействованы следующие

группы источников: статистические данные зарубежных и российских исследовательских лабораторий, законодательные документы *BRICS* (декларации, стратегии, материалы межправительственных встреч, дорожные карты), СМИ, научные работы зарубежных и отечественных исследователей.

В данной статье применялись следующие методы исследования: *case study* для детального изучения технологий искусственного интеллекта в работе *BRICS*; метод классификации для систематизации основных киберугроз, представляющих опасность для *BRICS*.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПО ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В СТРАНАХ *BRICS*: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В период с 2017 по 2021 г. происходит планомерное внедрение технологий ИИ в государственный сектор стран *BRICS*, обусловленное принятием национальных стратегий по ИИ. Эти документы послужили своего рода отправной точкой в создании новой цифровой эры для ряда государств, входящих в *BRICS*.

Национальная стратегия по ИИ в Китае

В 2017 г. Китай принял национальную стратегию по ИИ на период до 2030 г., став первой страной *BRICS*, обозначившей свою концепцию по развитию технологий ИИ. В документе особое внимание уделяется экономическому развитию, конкурентоспособности и социальному управлению [9]. Этот документ часто появляется в СМИ как основополагающий этап в развитии ИИ в Китае и является предметом политического анализа.

Согласно национальному плану, главной целью китайской стратегии в области ИИ является превращение страны к 2030 г. в главный международный центр инноваций [10, р. 301] с валовым объемом производства новой отрасли ИИ, превышающим 1 трлн юаней [11, р. 10]. В основе этой политики лежит стремление стать самодостаточным в производстве технологий ИИ за счет снижения зависимости от иностранных технологий и зарубежного опыта. Это направление приобрело особую значимость после экспортных ограничений со стороны США, введенных в 2020 г., показавших серьезную уязвимость китайского технологического рынка, развитие которого напрямую зависит от решений главного конкурента в лице Соединенных Штатов. Политика Вашингтона в области технологической изоляции Китая получила в научной литературе название «Война чипов», цель которой — отрезать страну от передовых технологий и оборудования для производства чипов [12]. Это привело к новому этапу развития китайской технологической стратегии: в 2021 г. сразу несколько крупнейших технологических компаний Китая (*Baidu*, *Alibaba*, *Huawei*, *Xiaomi* и *OpPO*) приступили к разработке отечественных чипов [13].

Рынок ИИ в Китае стремительно развивается с 2015 г. Ожидается, что к 2024 г. его ежегодный темп роста будет на уровне 20%, а объем рынка составит 70,2 млрд долл. [14]. По масштабу он занимает второе место в мире после США.

Важной особенностью китайской стратегии в области ИИ является также разработка комплексной политической основы для развития технологий ИИ, в которой задействованы центральные и местные органы власти, част-

ный сектор и исследовательские организации [9, p. 42], где основной акцент делается на развитие специальной образовательной среды. ИИ как самостоятельная дисциплина изучается в ряде университетов страны и финансируется крупными технологическими компаниями. Что касается частного сектора, то Китай выбрал «национальных чемпионов в области ИИ». Например, *Baidu* было поручено разработать технологии автономного вождения, *Alibaba* — систему умных городов, *Tencent* — умное зрение для медицинской диагностики [15, p. 62].

Таким образом, в последние годы одной из основных задач Китая в области ИИ является создание технологий ИИ нового поколения для открытия новых технологических возможностей в целях развития страны, защиты ее национальной безопасности и роста конкурентоспособности.

Национальная стратегия по ИИ в Индии

Индия определила национальную политику в области искусственного интеллекта в 2018 г. в рабочем документе «Национальная стратегия в области искусственного интеллекта *AI for All*» [16]. В целом документ направлен на реализацию следующих целей: использование ИИ для экономического роста; применение ИИ для социального развития инклюзивного роста; развитие Индии как «международной станции ИИ».

На сегодняшний день Индия сталкивается с рядом проблем: отсутствие эффективных экосистем данных, малое количество исследований по ИИ, недостаточность навыков в работе с технологиями ИИ [17, p. 24].

Среди важнейших шагов на пути реализации национальной стратегии Индии в области ИИ можно выделить такие приоритетные области, как промышленность, здравоохранение, образование, сельское хозяйство, умные города и инфраструктура. 30 мая 2020 г. правительство Индии запустило национальный портал искусственного интеллекта (www.ai.gov.in), функционирующий как универсальная цифровая платформа разработок, связанных с искусственным интеллектом, обеспечивающая обмен между инвестиционными фондами, компаниями и образовательными учреждениями, работающими в сфере искусственного интеллекта. Правительство запустило также национальную программу для молодежи «Ответственный искусственный интеллект» для предоставления студентам соответствующих ресурсов для научно-исследовательской работы в области ИИ [18].

Индия применила уникальный подход к своей стратегии в области ИИ, сосредоточив внимание не только на экономическом росте, но и на социальной интеграции. Ярким примером является разработка специальных чат-ботов для обслуживания клиентов банков, образовательной среды и правительственных порталов [19, p. 4926].

Национальная стратегия по ИИ в России

В 2019 г. в России была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Она является основой для разработки государственных программ, федеральных и региональных проектов, касающихся развития ИИ [20].

За последние годы в стране сложился огромный потенциал для того, чтобы Россия стала одним из мировых лидеров в развитии и использовании технологий ИИ, чему способствуют высокий уровень базового физико-математического образования, сильная естественно-научная школа, наличие компетенций в области моделирования и программирования и высоко-развитая базовая информационно-коммуникационная инфраструктура (развитие радиотелефонной связи третьего и четвертого поколений) и доступность мобильной передачи данных [21].

По оценкам Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ, лидерами по внедрению технологий искусственного интеллекта являются финансовый сектор, организации ТЭК, промышленный сектор, транспортная отрасль, здравоохранение [22]. Для развития рынка ИИ в стране в 2020 г. был создан специальный федеральный проект «Цифровая экономика».

Национальная стратегия по ИИ в Бразилии

Бразильская государственная стратегия по искусственному интеллекту (*Estratégia Brasileira de Inteligência Artificial, EBIA*) была сформулирована в 2021 г. Она направлена на развитие образования, научно-исследовательских организаций, налогообложения [23]. В качестве примера передовых разработок в области ИИ в госсекторе можно выделить государственный проект *Paraná Inteligência Artificial (PIA)* для города Парана, ориентированный на предоставление услуг гражданам через специальную платформу и приложение на базе ИИ. Платформа объединяет более 380 государственных служб в одном месте и является каналом для коммуникации населения с госорганами [24].

За последние несколько лет министерство науки, технологий и инноваций Бразилии разработало несколько проектов, связанных с ИИ, среди которых можно выделить создание центров прикладных технологий, ориентированных на ИИ, и инициатив по технологическому предпринимательству на основе ИИ [24].

Согласно данным *CNPq Lattes Platform*, специалисты в сфере искусственного интеллекта работают по большей части в федеральных исследовательских центрах и университетах, и их почти нет в технологических компаниях [24]. Наиболее активно технологии ИИ внедряют коммерческие фирмы. На региональном уровне Бразилия лидирует по инвестициям, задействованным ресурсам и разнообразию сфер применения технологий ИИ [25, с. 43]. Однако одной из ключевых проблем, затрудняющих внедрение технологий ИИ в государственный сектор, по мнению бразильских ученых Уолтера Б.Госпара и Ясмينا Курзи де Мендосы, является отсутствие четкого описания структуры управления ИИ, а также точных целей и сроков реализации стратегии [26, р. 8].

Национальная стратегия по ИИ в ЮАР

ЮАР — единственная страна *BRICS*, где не существует четко сформулированной государственной стратегии по ИИ. Ее претечей является

лишь доклад Президентской комиссии по четвертой промышленной революции, опубликованный в 2020 г., где ИИ признается одной из высокотехнологических отраслей, в которых страна «серьезно отстает».

Тем не менее ЮАР занимает лидирующие позиции среди стран Африки по объему внедрения технологий ИИ в работу коммерческих структур. На данный момент 726 компаний страны задействуют в своей работе технологии ИИ. Кроме того, ЮАР имеет самые высокие баллы среди других африканских стран по индексу готовности правительства к использованию ИИ [27]. В стране действуют несколько передовых центров: сетевой международный Центр исследований в области искусственного интеллекта (*Artificial Intelligence in South Africa, CAIR*); Центр четвертой промышленной революции, созданный 23 декабря 2021 г. министерством науки и инноваций ЮАР и управляемый Советом по научным и промышленным исследованиям (*Council for Scientific and Industrial Research, CSIR*) [28]. Одной из целей CSIR является повышение конкурентоспособности ЮАР за счет перехода к цифровой экономике.

Технологии ИИ активно применяются в ЮАР для развития социальной сферы и, в частности, системы здравоохранения. В качестве примера можно привести работу Национального департамента здравоохранения, создавшего специального чат-бота *MomConnect* для виртуального ведения беременности, услугами которого воспользовались уже 1,8 млн женщин [29].

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН BRICS В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Лидеры государств, входящих в BRICS, рассматривают цифровизацию как новую возможность для укрепления сотрудничества и расширения партнерских отношений [7]. Одной из приоритетных задач является создание целевой группы по цифровым технологиям, которая сможет дать возможность странам BRICS обрести цифровой суверенитет и выбрать независимый путь для гармоничного построения цифровой экономики.

BRICS обладает всеми преимуществами, которые есть у межрегиональных организаций. Созданный в 2014 г. Новый банк развития BRICS (*New Development Bank, NDB*) представляет собой институциональную структуру, сформированную по типу неформального клуба [30, р. 36]; банк доказывает свою устойчивость и способность принимать коллективные решения, несмотря на политические и экономические разногласия между некоторыми членами организации [1, р. 89].

Цифровой разрыв стран BRICS на сегодняшний день является барьером для внедрений технологий ИИ в работу объединения. Решение этой проблемы стало важным пунктом Стратегии энергетического партнерства BRICS до 2030 г., выпущенной 20 ноября 2020 г. Согласно документу, страны объединения в ближайшие годы собираются устранить цифровой разрыв путем преодоления неравномерности в доступе населения государств BRICS к цифровой инфраструктуре, навыкам и услугам, а также путем повышения цифровой инклюзивности населения, проживающего в сельских районах, и людей с ограниченными возможностями посредством улучшения условий доступа к Интернету [31].

Согласно статистическим данным, в период 2020—2023 гг. политика в области преодоления цифрового разрыва путем доступа к сети Интернет становится более активной. В Бразилии в 2020 г. доля населения, пользующегося Интернетом, составляла 81,34% [32], а к 2023 г. она выросла почти на 3 п.п., составив 84,3% [33]. В ЮАР в 2020 г. этот же показатель был равен 67,91%, к 2023 г. он вырос до 82,2% [34]. В России в 2020 г. доля интернет-пользователей составляла 84,99% [35], к 2023 г. — 88,2% [36]. В Индии в 2020 г. доступ к Интернету имели 45% жителей страны [37], к 2023 г. — 48,7% [38]. В Китае в 2020 г. тот же показатель равнялся 70,4%, а к 2023 г. вырос почти на 6%, достигнув 76,4% [39].

С 2014 г. страны *BRICS* планомерно сотрудничают в цифровой сфере. Ярким примером может послужить созданный в 2014 г. Сетевой университет (*BRICS Network University*) — образовательный проект, состоящий из учебных организаций высшего образования стран-участниц.

В 2022 г. в рамках цифрового сотрудничества был проведен первый конкурс «Инженерные технологии искусственного интеллекта» для развития навыков и технологических инноваций по программе «Один пояс, один путь», направленный на построение качественных партнерских отношений и содействие глобальному развитию [40].

Говоря о сотрудничестве стран *BRICS* в области развития технологий ИИ, необходимо отметить совместную работу институтов судебной власти. В октябре 2019 г. состоялся практический семинар высших судов государств, входящих в *BRICS*, на котором детально изучался уникальный опыт Бразилии по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебные органы страны. Участники семинара представили разработки виртуальной реальности для проведения коллегиального судебного заседания в рамках так называемого виртуального пленума, который ко всему прочему позволяет следить за результатами голосований судей в режиме реального времени на веб-сайте суда, что гарантирует прозрачность и публичность принимаемых решений [41].

Новаторской технологией на основе ИИ в бразильской судебной системе также является инструмент для консультаций по судебной практике, который используется для облегчения доступа к решениям суда в более удобной цифровой среде. Инструмент на основе ИИ *VICTOR* является передовой разработкой бразильских судов и университета Бразилиа и предназначен для выявления неординарных обращений, связанных с вопросами, имеющими общественный резонанс. Данный инструмент повышает эффективность судебного анализа и значительно экономит время и человеческие ресурсы. Ряд задач, которые судебные органы выполняют в среднем за 44 минуты, *VICTOR* решает менее чем за пять секунд [41].

Количество совместно принимаемых решений *BRICS* в области содействия цифровому росту и развитию ИКТ на протяжении ряда лет стабильно растет, а уровень их исполнения достиг отметки в 74% [42, р. 88].

Развитие технологий ИИ в странах *BRICS* активно обсуждалось 17 сентября 2020 г. в рамках шестой встречи министров стран — членов организации. Важным пунктом декларации, принятой по итогам встречи, стал тезис о «содействии ускорению инклюзивного экономического роста и реализации цели в области устойчивого развития» при помощи технологий

ИИ, а также их «способности приносить большую пользу маргинализированным обществам стран *BRICS*» [43].

14 октября 2020 г. была выпущена дорожная карта *BRICS* до 2025 г., направленная на активное расширение стратегического партнерства стран-участниц в области энергетики при помощи цифровых технологий на основе ИИ [44]. Среди перспективных направлений можно выделить совместные разработки виртуальной реальности и комплексного анализа данных ИИ. В мае 2022 г. на девятой встрече министров стран *BRICS* особое внимание было уделено применению технологий ИИ для «ускорения цифровой трансформации в области образования и политической среды» [45].

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ И КИБЕРАТАК В СТРАНАХ *BRICS*

Политика *BRICS* в сфере информационной безопасности является одним из важнейших направлений в работе объединения. В 2013 г. во время заседания 68 генеральной ассамблеи ООН речь президента Бразилии Дилмы Руссефф (2011—2016 гг.) была посвящена осуждению американской программы массовой слежки *PRISM* [6]. Бразильского лидера поддержали государства — участницы *BRICS*. Несанкционированное использование информационных ресурсов со стороны США в странах *BRICS* в 2013 г. показало наличие пассивной угрозы информационной безопасности. Именно в этот период началось активное сотрудничество объединения в сфере кибербезопасности.

В 2018 г. по итогам состоявшегося в Йоханнесбурге саммита *BRICS* была принята декларация, в которой фигурировал пункт о создании объединенной киберполиции. Несколькими годами позже был запущен проект *Cyber BRICS* для разработки нормативных актов и предложений по политике в области управления кибербезопасностью (включая использование персональных данных), политики доступа в Интернет и стратегий цифровизации государственного управления в странах *BRICS* [46].

Самым опасным видом киберугроз признаны угрозы, направленные на нарушение нормального процесса функционирования той или иной системы посредством целенаправленного воздействия на аппаратные, программные и информационные ресурсы [47, с. 28]. В последние годы передовым инструментом для подобного вида киберугроз являются так называемые фишинговые атаки, цель которых заключается в получении доступа к конфиденциальным данным пользователей путем проведения массовых рассылок электронных писем от имени популярных брендов и цифровых агентств, а также личных сообщений внутри различных сервисов, например, от имени банков или внутри социальных сетей. За последние годы данный вид киберугроз в странах *BRICS* является предметом постоянных обсуждений на различных саммитах.

Целая серия крупных фишинговых атак на банковский сектор потрясла Южную Африку в 2005 г. [48]. С 2020 г. Бразилия является мировым лидером по фишинговым атакам: каждый пятый интернет-пользователь в стране хотя бы раз подвергался нападению [49]. 9 февраля 2023 г. была совершена крупнейшая фишинговая атака на популярный сайт социальных

новостей *Reddit* в Индии. По данным портала, после получения доступа к учетным данным сотрудника, злоумышленнику стали доступны внутренние документы, информационные панели, бизнес-системы и код. Атака привела к раскрытию контактной информации сотен пользователей, сотрудников компании и информации о рекламодателях [50]. В марте 2023 г. была раскрыта деятельность хакерской группы по шпионажу, нацеленная на взлом данных китайской атомной энергетики [51]. В июне 2023 г. Лаборатория Касперского заявила о новой мошеннической схеме киберпреступников, которые запускают фишинговые атаки в России при помощи *ChatGPT*. По итогам первого квартала 2023 г., по данным Роскомнадзора, в России было удалено и заблокировано более 7,2 тыс. фишинговых ресурсов, что намного превышает прошлогодние показатели [52]. В этой связи кибербезопасность стала одним из важнейших приоритетов, обозначенных лидерами стран *BRICS* на тринадцатом саммите организации, состоявшемся 9 сентября 2021 г. Согласно компендиуму, выпущенному по итогам встречи, были разработаны рекомендательные тезисы для каждой страны-участницы в области защиты финансовых учреждений от различного рода кибератак [53].

По мере усовершенствования технологий ИИ расширяется сфера и частота их применения в информационно-психологических операциях, направленных на подрыв деятельности политических институтов в странах *BRICS*. Российские исследователи Д.Ю.Базаркина, Е.Н.Пашенцев в своей статье «Злонамеренное использование искусственного интеллекта. Новые риски психологической безопасности в странах БРИКС» выделяют следующие виды угроз от использования технологий ИИ: «фишинг ИИ, а также использование дипфейков и умных ботов в информационных компаниях для различных целей, например для подмывания репутации оппонента, будь то человек, организация или даже страна» [5, p. 155].

Так, злонамеренное использование технологии дипфейк в последние годы было направлено против репутации целого ряда государственных деятелей стран *BRICS* для влияния на выборы и репутацию действующих политиков. В 2020 г. политический дипфейк оказал влияние на выборы в Индии [54]. За период 2018—2022 гг. Бразилия стала лидером среди стран *BRICS* по количеству дипфейк-атак на политических лидеров страны. Один из последних политических дипфейков с элементами доксинга был направлен на президента Луиса Инасиу Лула да Силва (2003—2011, 2023—н/в). 5 августа в социальных сетях появилось фальшивое видео, где популярная телеведущая Рената Васконселлос якобы дает ложную информацию об итогах голосования на президентских выборах [55, с. 40].

В марте 2023 г. провокационный политический дипфейк был направлен против действующего президента ЮАР. На видео, опубликованном в *Twitter*, президент ЮАР Сирил Рамафоса (2018—н/в) якобы обращается к стране, излагая «ложный план правительства» по преодолению продолжающегося энергетического кризиса [56]. В июне 2023 г. жертвой злонамеренного политического дипфейка стал российский президент В.В.Путин (2000—2008, 2012 — н/в). В ложном видеоролике транслировалось «обращение Путина» о введении военного положения в ряде областей России. Вирусный ролик был показан не только в российских соцсетях, но и в эфире межгосударственной телерадиокомпании «Мир», сервер которой был взломан злоумышленни-

ками для размещения провокационного видео [57]. На сегодняшний день Китай является единственной среди стран BRICS, которая не только регламентирует дипфейки на законодательном уровне, но и ввела специальное ограничение ИИ для использования изображений действующего президента страны Си Цзиньпина (2012 — н/в) для создания дипфейк роликов [58].

Активное использование чат-ботов для влияния на выборы в ряде стран BRICS было отмечено в период 2014—2019 гг. Расследование, проведенное компанией *Superlinear* в ЮАР, раскрыло политические манипуляции целого ряда международных ультраправых организаций в период 2014—2018 гг., которые действовали в социальной сети *Twitter* посредством чат-ботов и так называемых «троллей», распространяя расистский контент и призывы к госперевороту [59]. В Бразилии политические чат-боты оказывали существенное влияние на выборы в 2014 и 2019 гг. [25, с. 42].

Одной из ключевых проблем для интеграции стран BRICS в сфере информационно-психологической и кибербезопасности является американская информационная кампания, направленная на дискредитацию ряда государств BRICS, в частности Китая и России, в глазах стран — участников объединения. Антироссийская и антикитайская риторика в последние годы неоднократно фигурировала в ряде американских стратегических документов. Например, в «Заключительном отчете Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту» от 1 марта 2021 г. указывалось, что «искусственный интеллект усиливает угрозы, создаваемые кибератаками и кампаниями по дезинформации, которые Россия, Китай и другие государственные и негосударственные субъекты используют для проникновения в американское общество, кражи данных и для вмешательства в демократию США» [60]. Во-вторых, согласно Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в октябре 2022 г., главные военные угрозы для американцев представляют Китай и Россия. В тексте доклада США делают попытки в очередной раз подорвать международный авторитет России, обвинив ее в организации кибератак «для подрыва способности стран предоставлять услуги гражданам во всем мире». Китай, согласно документу, использует свой технологический потенциал и растущее влияние на международные институты, чтобы создать более благоприятные условия для своей авторитарной модели, а также для того, чтобы «изменить глобальное использование технологий в пользу своих интересов и ценностей» [61]. Кроме того, большинство американских научных статей в области ИИ носят дискредитирующий характер в отношении Китая и России, что тормозит сотрудничество стран BRICS в этом направлении.

Серьезные опасения вызывает также февральское заявление Минобороны США, в котором подчеркивается намерение вести интернет-пропаганду и организовывать злонамеренные дезинформационные онлайн-кампании при помощи дипфейков для оказания психологического воздействия на граждан других стран [62]. Эти действия ставят под угрозу информационно-психологическую безопасность в странах BRICS, некоторые из которых являются серьезными конкурентами США в сфере цифровой экономики и производстве технологий ИИ.

Уязвимость таких стран, как Бразилия, ЮАР, Индия в области использования ИИ обусловлена также их зависимостью от американских техноло-

гических гигантов, которые являются основными поставщиками передовых технологий ИИ в вышеперечисленных странах.

В последние годы государства *BRICS* стали глобальными лидерами в области цифровых технологий, планомерно внедряющими ИИ в государственные, экономические и социальные сектора своих стран и в работу объединения. В качестве прогрессивных начинаний можно выделить преодоление цифрового разрыва путем роста количества интернет-пользователей в странах *BRICS*, а также совместные разработки в области кибербезопасности.

Важным направлением сотрудничества государств, входящих в *BRICS*, является выстраивание собственной концепции в области кибербезопасности. Целая серия фишинговых атак, имевших место в странах объединения в 2023 г., актуализирует проблемы, связанные со своевременным реагированием на возрастающие киберугрозы нового поколения.

Ключевой проблемой, тормозящей работу по внедрению технологий ИИ в деятельность *BRICS*, является заметное цифровое отставание некоторых стран объединения, в частности Бразилии и ЮАР, которые используют цифровые услуги и технологии ИИ, предоставляемые им американскими технологическими компаниями. Кроме того, цифровая коммуникация осуществляется посредством тех же американских социальных сетей, являющихся площадками для проведения информационно-психологических операций в странах *BRICS*. Серьезную угрозу для объединения представляет нерегламентированная политика в области применения технологий ИИ, оказывающая влияние на политические институты страны.

Распространение ложно-негативного образа Китая как ведущей страны мира в области разработок ИИ также является барьером для изучения и применения китайских технологий ИИ в киберсфере стран *BRICS*. По результатам проведенного анализа автор предлагает следующие рекомендации:

- разработка общей для стран *BRICS* законодательно-правовой основы для регулирования применения ряда технологий ИИ (дипфейков, чат-ботов) в политической сфере. За основу могут быть взяты китайские нормативно-правовые наработки в области ограничения дипфейков во время проведения выборов;

- создание на базе сетевого университета *BRICS* лабораторий для разработок дипфейк-детекторов и других инструментов, выявляющих дезинформационные провокации, осуществляемые при помощи технологий ИИ;

- создание информационно-коммуникационных каналов (социальных сетей, новостных платформ) для расширения сотрудничества стран *BRICS*;

- разработка национальных чат-ботов и введение ограничения на использование чат-бота *GPT* в связи с участившимися случаями его злонамеренного использования как инструмента фишинговых атак и дезинформационной деятельности в странах *BRICS*;

- активное сотрудничество между ведущими научными и образовательными центрами, занимающимися разработками технологий ИИ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ignatov A. The BRICS Agenda on Internet Governance. *International Organisations Research Journal*, Moscow, 2022, Vol. 17(2), pp. 86–109. (DOI:10.17323/1996-7845-2022-02-04).
2. Cyman D., Gromova E., Juchnevičius E. Regulation of Artificial Intelligence in BRICS and the European Union. *BRICS Law Journal*, Tyumen, 2021, Vol. 8(1), pp. 86-115 (DOI:10.21684/2412-2343-2021-8-1-86-115).
3. Lazanyuk I., Revinova S. Digital economy in the BRICS countries: myth or reality? 1st International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). *Advances in Economics, Business and Management Research*, Paris, 2019, Vol. 105, pp.510-514. (DOI:10.2991/iscde-19.2019.97).
4. Martins M., Almeida Bispo S. Facilitação de comércio e tecnologias digitais: análise para os países do BRICS. *Boletim de Economia e Política Internacional*. BEPI, Vol. 33, 2022, pp.59-86. (DOI: <http://dx.doi.org/10.38116/bepi33art3>).
5. Bazarkina D.Y., Pashentsev E.N. Malicious Use of Artificial Intelligence. New Psychological Security Risks in BRICS Countries. *Russia in Global Affairs*, Moscow, 2020, Vol. 18, N 4, pp.154-177. (DOI:10.31278/1810-6374-2020-18-4-154-177).
6. Dilipraj E. BRICS cable and cyber security. Available at: https://www.academia.edu/7531188/BRICS_CABLE_AND_CYBER_SECURITY (accessed 07.09.2023).
7. Belli L. Cyber BRICS: Cybersecurity Regulations in the BRICS Countries. Available at: <https://cyberbrics.info/wp-content/uploads/2020/11/CyberBRICS-Book-FINAL-author-version.pdf> (accessed 17.06.2023).
8. Pinheiro de Resende S.M. The effects of deepfakes on politics and on data justice issues – a perspective from Brazil and the United States. A thesis submitted for the degree of Master of Law & Technology, Tilburg, 2021, 52 p.
9. Johansson A.C. China's AI ecosystem. Stockholm School of Economics, Stockholm, 2022, 68 p.
10. Knox J. Artificial intelligence and education in China. *Learning, Media and Technology*. 2020, pp. 298-311. (DOI: <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1754236>).
11. Ding J. Deciphering China's AI Dream: The context, components, capabilities, and consequences of China's strategy to lead the world in AI. Centre for the Governance of AI, Future of Humanity Institute, University of Oxford, 2018, 44p.
12. Chiang Sh. China's top chipmaker will 'struggle' to make cutting-edge chips competitively. Available at: <https://www.cnn.com/2023/04/28/chinas-smic-may-struggle-to-make-cutting-edge-chips-competitively.html> (accessed 11.06.2023).
13. Yang Z. Chinese companies are making their own semiconductors. Available at: <https://www.protocol.com/china/chinese-companies-make-own-semiconductors> (accessed 21.06.2023).
14. Artificial Intelligence – China. Available at: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/china> (accessed 14.06.2023).
15. Roberts H., Cows J., Morley J., Taddeo M., Wang V., Floridi L. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, London, 2021, Vol 36, pp.59–77. (DOI: <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00992-2>).
16. Government of India. Minister of Electronics and Information Technology Lok Sabha starred question no. *461 to be answered on: 05.04.2023. Available at: <https://pqals.nic.in/annex/1711/AS461.pdf> (accessed 21.06.2023).
17. Kumar A. National AI Policy. Strategy of India and China: A Comparative Analysis. India Habitat Centre Lodhi Road, New Delhi, 2021, 40p.
18. Artificial Intelligence (AI) Policies in India-A Status Paper Future Networks (FN). Division, Telecommunication Engineering Center, Janpath, New Delhi. August 2020. Available at: <https://www.tec.gov.in/pdf/StudyPaper/AI%20Policies%20in%20India%20A%20status%20Paper%20final.pdf> (accessed 23.06.2023).
19. Malik P., Kavita D., Singal K. AI initiatives by Indian Government: Journey towards becoming global technology leader. *Journal of Critical Reviews*, 2020, Vol. 7(19), pp. 4921-4930.
20. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Available at: <https://standartgost.ru/g/pkey-14293726917?ysclid=lmoo4tenr218003898> (accessed 29.06.2023).

21. Замминистра Оксана Тарасенко в интервью CNews — о развитии искусственного интеллекта в России. Министерство экономического развития РФ. 09.02.2021. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/zamministra oksana tarasenko_v_intervyu_cnews_o_razvitiu_iskusstvennogo_intellekta_v_rossii.html?ysclid=lmooh0k7wp462593172 (accessed 29.06.2023).
22. Внедрение искусственного интеллекта: как государство поддеживает отрасль. *РБК*. 21.11.2022. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/11/2022/6373b9d99a7947fa230d041d (accessed 27.06.2023).
23. Summary of the Brazilian Artificial Intelligence Strategy. EBIA. 2021. Available at: https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/transformacaodigital/arquivosinteligenciaartificial/ebia-summary_brazilian_4-979_2021.pdf (accessed 23.06.2023).
24. Órgão: Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovações Gabinete do Ministro PORTARIA GM Nº 4.617, 6 abril 2021. Available at: https://www.gov.br/mcti/pt-br/acompanhe-o-mcti/transformacaodigital/arquivosinteligenciaartificial/ebia-portaria_mcti_4-617_2021.pdf (accessed 17.06.2023).
25. Виноградова Е.А. Технологии искусственного интеллекта и нарастающие киберугрозы в Латинской Америке. *Латинская Америка*, М, 2023, № 3, сс. 34-48. [Vinogradova E.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i narastayushchiye kibერugrozy v Latinskoy Amerike. [Artificial intelligence technologies and the rise of cyber threats in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2023, N 3, pp. 34-48. (In Russ.). (DOI: 10.31857/S0044748X0024415-5).
26. Gaspar W., de Mendonça Y. Artificial Intelligence in Brazil still lacks a strategy. Report by the Center for Technology and Society at FGV Law School. Available at: <https://cyberbrics.info/wp-content/uploads/2021/05/EBIA-en-2.pdf> (accessed 23.08.2022).
27. Artificial intelligence in Africa: National strategies and initiatives. Available at: <https://www.diplomacy.edu/resource/report-stronger-digital-voices-from-africa/ai-africa-national-policies/> (accessed 21.08.2023).
28. Centre for the Fourth Industrial Revolution. Available at: <https://centres.weforum.org/centre-for-the-fourth-industrial-revolution/southafrica> (accessed 21.06.2023).
29. Jaldi A. Artificial Intelligence Revolution in Africa: Economic Opportunities and Legal Challenges. *Policy Paper*, 2023. Available at: https://www.policycenter.ma/sites/default/files/2023-07/PP_13-23%20%28Jaldi%20%29.pdf (accessed 30.07.2023).
30. Cooper A. F., Farooq A. B. Testing the Club Dynamics of the BRICS: The New Development Bank from Conception to Establishment. *International Organisations Research Journal*, Moscow, 2015, Vol. 10(2), pp. 39–58. Available at: (DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-02-39>).
31. Strategy for BRICS Economic Partnership 2025. Available at: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3a71260309ef290a0cfa3fe698a55e83/Strategy%20for%20BRICS%202025.pdf?ysclid=lmdjae22do334659164> (accessed 9.07.2023).
32. Percentage of population using the internet in Brazil from 2000 to 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/209106/number-of-internet-users-per-100-inhabitants-in-brazil-since-2000/> (accessed 10.07.2023).
33. Digital 2023: Brazil. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-brazil> (accessed 11.07.2023).
34. Mobile internet user penetration in South Africa from 2019 to 2028. Available at: <https://www.statista.com/statistics/972866/south-africa-mobile-internet-penetration/> (accessed 15.07.2023).
35. Share of population using the internet in Russia from 2000 to 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/255129/internet-penetration-in-russia/> (accessed 12.07.2023).
36. Digital 2023 Global Overview Report. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (accessed 20.07.2023).
37. Internet penetration rate in India 2007-2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/792074/india-internet-penetration-rate/> (accessed 18.07.2023).
38. Digital 2023: India. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-india#:~:text=Internet%20use%20in%20India%20in,at%20the%20start%20of%202023> (accessed 24.07.2023).
39. Penetration rate of internet users in China from 2012 to H1 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/236963/penetration-rate-of-internet-users-in-china/> (accessed 27.07.2023).

40. 2022 一带一路暨金砖国家技能发展与技术创新大赛 【人工智能工程技术（边缘计算）】赛项技术规程 金砖国家工商理事会（中方）技能发展工作组一带一路暨金砖国家技能发展与技术创新大赛组委会 竞赛技术委员会专家组制定 2022 年5月 Available at: <http://www.chinajxedu.com/uploadfile/2022/0527/20220527053945589.pdf> (accessed 29.07.2023).
41. Seminário das Altas Cortes dos BRICS «Tecnologia da Informação e Inteligência Artificial: boas práticas, oportunidades e desafios para o Judiciário». 25 outubro 2019. Conferência inaugural Tema: «Tecnologia da informação e inteligência artificial no Judiciário brasileiro, com ênfase na cidadania: boas práticas e novos desafios». Available at: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fwww.conjur.com.br%2Fdl%2Fdiscurso-toffoli-evento-brics.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (accessed 10.06.2023).
42. Larionova M.V., Rakmangulov M.R., Shelepov A.V. Explaining G20 and BRICS Compliance. *International Organisations Research Journal*, Moscow, 2016, Vol. 11(2), pp. 86–111. (DOI: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-99>).
43. Declaration of the 6th BRICS Communication Ministers Meeting 17 September 2020, Russian Federation. Available at: <https://brics2021.gov.in/BRICSDocuments/2020/Declaration%20of%20the%206th%20BRICS%20Communication%20Ministers%20Meeting.pdf> (accessed 11.07.2022).
44. Road Map for BRICS Energy Cooperation up to 2025. Available at: <https://brics2021.gov.in/BRICSDocuments/2020/Road%20Map%20for%20BRICS%20Energy%20Cooperation%20up%20to%202025.pdf> (accessed 19.07.2022).
45. Declaration of the 9th Meeting of BRICS Ministers of Education 26 May, 2022. Available at: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/hywj/ODMM/202206/P020220607349467952397.pdf> (accessed 19.07.2022).
46. Cyber BRICS. Available at: <https://cyberbrics.info/about-us/> (accessed 13.07.2023).
47. Фалеев М.И., Черных Г.С. Угрозы национальной безопасности государства в информационной сфере. *Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования*, М, 2014, № 1(6), сс. 21–34. [Faleyev M.I., Chernykh G.S. Ugrozi natsionalnoy bezopasnosti gosudarstva v informatsionnoy sfere [Threats to the national security of the state in the information sphere]. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya*, Moscow, 2014, № 1(6), pp. 21-34 (In Russ.).
48. South Africa banks hit by phishing scams. Available at: <https://www.computerworld.com/article/2559147/south-africa-banks-hit-by-phishing-scams.html> (accessed 7.07.2023).
49. Brazil leads in phishing attacks. Available at: <https://www.zdnet.com/article/brazil-leads-in-phishing-attacks/> (accessed 5.07.2023).
50. Reddit hacked in phishing attack platform confirms no user data was leaked. Available at: <https://indianexpress.com/article/technology/tech-news-technology/reddit-hacked-in-phishing-attack-8437340/> (accessed 8.08.2023).
51. Bitter' espionage hackers target Chinese nuclear energy org. Available at: <https://www.bleepingcomputer.com/news/security/bitter-espionage-hackers-target-chinese-nuclear-energy-orgs/> (accessed 10.08.2023).
52. Kaspersky: мошенники в России начали использовать ChatGPT в фишинговых атаках. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6044090> (accessed 12.08.2023).
53. Compendium BRICS Best Practices Information Security Risks: Supervision and Control. Available at: <https://brics2021.gov.in/brics/public/uploads/docpdf/getdocu-54.pdf> (accessed 15.08.2023).
54. We've Just Seen the First Use of Deepfakes in an Indian Election Campaign. Available at: <https://vice.com/en/article/jgedjb/the-first-use-of-deepfakes-in-indian-election-by-bjp> (accessed 15.08.2023).
55. Виноградова Е.А. Злонамеренное использование политических дипфейков и попытки их нейтрализации в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*, М., 2023, № 5, сс. 35-48. [Vinogradova E.A. Zlonamerennoye ispol'zovaniye politicheskikh dipfeykov i popytki ikh neytralizatsii v stranakh Latinkoy Ameriki. [The malicious use of political deepfakes and attempts to neutralize them in Latin America]. *Latinskaya Amerika*, Moscow, 2023, N 5, pp. 35-48. (In Russ.). (DOI: 10.31857/S0044748X0025404-3).

56. Deepfakes go South African — Ramaphosa in video of plan to tear down Voortrekker Monument and Loftus. Available at: <https://mybroadband.co.za/news/internet/487811-deepfakes-go-south-african-ramaphosa-in-video-of-plan-to-tear-down-voortrekker-monument-and-loftus.html/amp> (accessed 17.08.2023).

57. На ТВ показали «обращение Путина» о военном положении в ряде областей России. Это был взлом, а ролик оказался дипфейком. Available at: <https://rusnewshub.ru/2023/06/05/> (accessed 20.07.2023).

58. AI image generator Midjourney bans deepfakes of China's Xi Jinping 'to minimize drama'. Available at: <https://www.foxnews.com/tech/ai-image-generator-midjourney-bans-deepfakes-china-xi-jinping-minimize-drama> (accessed 22.07.2023).

59. How Twitter bots and internet trolls sow racial and political division in SA. Available at: <https://businesstech.co.za/news/internet/280673/how-twitter-bots-and-internet-trolls-sow-racial-and-political-division-in-sa/> (accessed 24.07.2023).

60. Final Report National Security Commission on Artificial Intelligence. Available at: <https://nscai.gov/wp-content/uploads/2021/03/Full-Report-Digital-1.pdf> (accessed 24.09.2022).

61. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy. The White House. October 12, 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (accessed 11.10.2022).

62. U.S. Special Forces Want to Use Deepfakes for Psy-Ops. Available at: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2023/03/us-socom-procurement-document-announcing-desire-to-utilize-deepfakes_compressed.pdf (accessed 11.08.2023).

Ekaterina A. Vinogradova (vinogradovacatherine7@gmail.com)

Cand. Sci. (Political Science), Director of the Research Center: Artificial Intelligence Technologies in International Relations, Moscow, Russian Federation

Artificial intelligence technologies in the BRICS political agenda

Abstract. In the period of the Fourth Industrial Revolution, the rapid growth of artificial intelligence (AI) technologies poses a challenge to all countries for their legitimate use and timely implementation in the public sector. The BRICS countries are active participants in the digitalization process in the political, economic, social and military spheres, as well as in the association's activities aimed at enhancing AI technologies and communication channels. However, the rapid growth of the latest AI-based technologies threatens the already vulnerable cybersecurity sector and facilitates active information-psychological and terrorist operations aimed at putting BRICS political actors out of work and conducting disinformation campaigns.

Key words: BRICS, artificial intelligence technologies, cyber security, IV industrial revolution, information and psychological security, digital transformation.

DOI: 10.31857/S0044748X0029114-4

Received 19.08.2023.

И.К.Харичкин, А.С.Смирнова

Государственная политика Перу в области обеспечения гуманитарной безопасности

В данной статье анализируются основные государственные документы Перу, направленные на обеспечение гуманитарной безопасности, и нормативно-правовая база по наиболее острым вопросам. Авторы рассматривают динамику развития внутренней безопасности в стране и тенденции решения социальных проблем.

Ключевые слова: Перу, внутренняя политика, безопасность, гуманитарная безопасность, законодательство.

DOI: 10.31857/S0044748X0029117-7

Статья поступила в редакцию 08.08.2023.

Гуманитарная безопасность была и остается одним из приоритетных направлений деятельности правительства Перу. Прежде всего это обусловлено наличием множества нерешенных социально-экономических проблем, а также низким уровнем жизни населения. В последние годы в Перу был принят ряд законов и других нормативно-правовых актов, касающихся достижения гуманитарной безопасности страны. Несмотря на обширную законодательную базу и положительную динамику борьбы с социальными проблемами, отраженную в основополагающих документах, события в стране показывают, что этого явно недостаточно.

Для того, чтобы получить представление о социальных проблемах, существующих в Перу, авторы обращаются к Национальному плану обеспечения безопасности граждан на 2019—2023 гг. (*Plan Nacional de Seguridad Ciudadana 2019—2023, PNSC*) [1] — основополагающему документу по

Игорь Константинович Харичкин — профессор, доктор философских наук, профессор кафедры политологии МГЛУ (РФ, 119034 Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1, igorkharichkin@yandex.ru, ORCID 57200576070); **Анастасия Сергеевна Смирнова** — соискатель кафедры политологии МГЛУ, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела военно-гуманитарных исследований Военного университета (РФ, 125047 Москва, ул. Большая Садовая, 14, smirnova.nastya.2021@bk.ru, ORCID 0009-0003-6857-7156).

безопасности в Перу, где перечислены все социальные проблемы, а также динамика и методы их решения. Данный документ лежит в основе проведенного исследования. Для получения более полной картины социальных проблем анализируются опросы общественного мнения, а также международные источники.

Исходя из полной картины социальных проблем Перу, можно выделить наиболее острые из них — коррупция, насилие над женщинами и организованная преступность — и проанализировать меры, принятые для их ликвидации. Изучение нормативных документов дает основание полагать, что положение перуанских граждан улучшится. Однако анализ реально происходящих в стране событий не позволяет рассчитывать на положительный результат. В заключительной части статьи приводятся факты, свидетельствующие об ухудшении ситуации по трем анализируемым вопросам. Авторы данной статьи также указывают на значимые, по их мнению, проблемы, которые не нашли отражения в материалах, ранее опубликованных в Перу.

АНАЛИЗ ОСНОВОПОЛАГАЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ ПЕРУ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализ нормативно-правовой базы государства позволяет оценить, насколько серьезно руководство страны относится к существующим социальным проблемам, а также заинтересованность правительства в их решении. В первую очередь необходимо обратиться к основополагающему документу, определяющему программу действий на ближайшую перспективу. В Перу таким документом является упомянутый выше *PNSC* (2019—2023 гг.), который представляет собой аналог Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Документ был разработан перуанским министерством внутренних дел, он состоит из преамбулы и семи глав.

Первая глава *PNSC* содержит анализ проблем безопасности перуанцев. В ней изложены вопросы, связанные с состоянием безопасности граждан в период с 2013 г. по сентябрь 2018 г. (во время действия прошлого *PNSC*), а также дана подробная оценка факторов, дестабилизирующих обстановку в стране (см. таблицу).

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН ПЕРУ

Преступность как общегосударственная проблема

В период с 2013 по 2018 г. отмечается снижение количества преступлений, что, по данным соцопросов, привело к уменьшению значения этой проблемы для населения

Преступное поведение

В настоящее время в 9 из 25 регионов этот показатель выше среднего, хотя с 2013 по 2018 г. отмечалось его снижение на 10%

Преступное поведение с применением огнестрельного оружия

Это — одна из важнейших проблем, поскольку с 2013 по 2018 г. данный показатель увеличился с 7,2 до 9,1%

Чувство незащищенности

В 13 регионах этот показатель выше среднего по стране, несмотря на то что с 2013 по 2018 г. он уменьшился с 87,6 до 85,7%

Сообщение о преступлениях

В 7 регионах количество жалоб увеличилось более, чем на 50% по сравнению с 2013 г. Кроме того, отмечается, что с 2013 по 2018 г. доля населения, ставшего жертвой преступления и сообщившего о нем властям, увеличилась с 13,4 до 15,4%, что составило 292 355 случаев

Насильственные смерти

Убийства	С 2013 по 2018 г. уровень убийств в масштабах страны увеличился с 6,6 до 7,8 на 100 тыс. человек
Дорожно-транспортные происшествия	Число дорожно-транспортных происшествий в Перу неуклонно снижалось в период с 2013 по 2017 г. с 389,9 до 361,1 случаев на 100 тыс. жителей

Насилие в отношении женщин, девочек, мальчиков, подростков и уязвимых категорий граждан

Убийства женщин	Отмечается некоторое снижение остроты этой проблемы. В 2013 г. уровень убийств женщин составлял 0,9 случаев на 100 тыс. человек, а в сентябре 2018 г. — 0,6, в то время как показатель попыток убийств женщин увеличился с 1 до 1,4 случаев на 100 тыс. человек
Насилие в семье	В период с 2013 по 2017 г. доля женщин в возрасте от 15 до 49 лет, которые когда-либо подвергались психологическому и/или словесному насилию со стороны мужа или партнера, сократилась с 67,5 до 61,5%. В то же время доля женщин, ставших жертвами физического насилия со стороны мужа или партнера за последние двенадцать месяцев, сократилась с 11,5 до 10%
Сексуальное насилие	С 2013 по 2017 г. количество подобных случаев среди самых подверженных таким действиям слоев населения (преимущественно дети и несовершеннолетние) увеличилось на 1,6%, хотя количество случаев сексуального насилия в целом по стране сократилось. В период с 2013 г. по сентябрь 2018 г. количество случаев насилия в отношении пожилых людей увеличилось с 2055 до 5828 случаев
Насилие в отношении ЛГБТ-населения	Наблюдается дискриминация в отношении представителей ЛГБТ, в основном травле подвергаются школьники
Торговля людьми	В период с 2013 по 2017 г. количество сообщений о преступлениях, связанных с торговлей людьми, увеличилось с 459 до 1433

Имущественные преступления в общественных местах

Кража денег, кошелька и сотового телефона	В период с 2013 г. по сентябрь 2018 г. снизилась частота кражи денег, кошельков, сотовых телефонов и т.д. по всей стране с 17,1 до 12,7%
Угон транспортных средств и кража автозапчастей	В период с 2013 г. по сентябрь 2018 г. уменьшилась частота как краж транспортных средств и их запчастей, так и попыток угона с 2,7 до 2% и с 1,8 до 1,1% от общего числа преступлений

Ограбление домов со взломом	В период с 2013 по 2017 г. доля случаев ограбления домов по всей стране снизилась с 7,2 до 5,2%. За тот же период отмечается и снижение частоты попыток кражи со взломом — с 9,9 до 5,1%
Преступления, совершенные бандами	
Вымогательство	С 2013 по 2018 г. количество случаев вымогательства увеличилось с 286,2 до 402,3 на 100 тыс. человек
Коммерческие компании, ставшие жертвами какого-либо преступного деяния	В августе 2018 г. компании оптовой и розничной торговли больше всего пострадали от преступного поведения граждан — 48,8%
Ограбления банков	В период с 2013 по 2017 г. количество ограблений банков преступными группировками сократилось на 50%
Похищения	В период с 2013 по 2017 г. количество случаев похищений людей бандами почти не изменилось (с 115,8 до 116,0 на тыс. человек)

Источник: составлено авторами по данным [1].

Динамика результатов борьбы с рассмотренными выше угрозами весьма неоднозначна. Исходя из представленной информации, можно сделать вывод, что значительный прогресс был достигнут в области борьбы с преступлениями, совершенными в отношении женщин, о чем свидетельствует снижение количества зарегистрированных случаев убийств и насилия, в том числе сексуального характера. Наряду с этим отмечается уменьшение количества случаев краж, угонов транспортных средств, а также ограбления банков бандами. Стоит также отметить положительную динамику в борьбе с виктимизацией и дорожно-транспортными происшествиями (снижения показателей на 10 и 11%, соответственно).

Однако значительный рост числа преступлений, связанных с использованием огнестрельного оружия, в том числе в составе бандформирований, а также торговли людьми свидетельствует о ярко выраженной криминогенной ситуации в стране. Очевидно, что такая тенденция существенно снижает общий уровень безопасности населения. Необходимо также отметить, что социальная незащищенность перуанцев является отражением повышенной криминогенной обстановки всего латиноамериканского региона.

Улучшение многих показателей за 2013—2018 гг. свидетельствует о положительной динамике в работе внутренних правоохранительных служб, однако в настоящее время приоритетом является борьба с преступными бандами, что должно найти отражение в работе министерства внутренних дел.

Во второй главе *PNSC* приводится анализ эффективности проведенной работы и достигнутых результатов в рамках задач, поставленных в 2013—2018 гг. Кроме того, указывается ряд новых направлений, которые стали актуальными: многосекторальная стратегия «Безопасный район», модель мониторинга, программы реинтеграции в трудовую деятельность, стипендия «Двойная возможность», программа комплексного благоустройства районов.

Перечисленные выше программы призваны обеспечить безопасность и достойные условия жизни в бедных и криминальных районах и там, где

значительную часть населения составляют мигранты. Речь также идет о недопущении вовлечения молодежи в банды (посредством полицейского надзора и предоставления помощи трудным подросткам), об оказании помощи молодым людям в трудоустройстве. Эти превентивные меры помогут предотвратить развитие преступных группировок, в которые вовлекаются подростки и мигранты, чувствующие себя угнетенными и не имеющие возможности улучшить свое положение.

Третья глава *PNSC* является основной частью документа. В ней представлены концептуальные и стратегические программы, определяющие направления работы на 2019—2023 гг. Глава состоит из трех частей. В первой части описываются цели международной и национальной политики, которые были заложены в *PNSC*. Во второй части определена концепция безопасности граждан с точки зрения угроз, к которым относятся следующие: структурные (социальная изоляция, неравенство, бедность); экологические (неправильный городской дизайн, общественные места и уличное освещение, перенаселенность); индивидуальные (пол, возраст, возраст начала преступного поведения, употребление алкоголя и наркотиков, непосещение школы или отчисление, физическое насилие в детстве, злоупотребление алкоголем и наркотиками, неправильное использование свободного времени); бытовые (история семейного насилия, внутренние нормы семьи, роли, выполняемые в семье, доход семьи); социальные и общественные (наличие оружия, слабый институциональный контроль, антиобщественное поведение родителей); культурные нормы (насилие как социальная норма, уровень бедности и неравенства, антиобщественное поведение друзей, отсутствие возможностей трудоустройства). Третья часть документа посвящена вопросам стратегических направлений борьбы с указанными угрозами.

В третьей главе отмечается, что в *PNSC* 2019—2023 гг. применяется широкий подход к пониманию гуманитарной безопасности, в рамках которого подразумевается создание объективных и субъективных условий, при которых люди будут свободны «от физического или психологического насилия, угроз или преднамеренного лишения их имущества» [2]. Это определение содержит в себе современный, учитывающий социальную специфику населения Перу, правозащитный подход, направленный на создание условий для укрепления демократических свобод граждан, и ставит на первое место понятие «человеческая личность» [3].

В соответствии с указанными выше положениями в *PNSC* 2019—2023 гг. безопасность граждан рассматривается с точки зрения обеспечения необходимых условий, а именно гуманитарной безопасности [1], что подразумевает верховенство закона и соблюдение прав человека в стране. Упомянутые в документе ученые М.Калдор [4] и Ф.Хэмпсон [5] в своих работах как раз развивают идею гуманитарной безопасности, что дает нам основания сделать вывод, что Перу поддерживает идею гуманитарной безопасности ООН и применяет ее к своей внутренней политике.

В *PNSC* 2019—2023 определены четыре группы преступлений, которые угрожают безопасности граждан:

— насильственная смерть из-за преступлений, связанных с убийствами и гибелью людей в дорожно-транспортных происшествиях;

— преступления против женщин, детей и подростков, в частности, убийства женщин, сексуальное насилие, торговля людьми, бытовое насилие и насилие в отношении детей и подростков;

— имущественные преступления в общественных местах: кражи, грабежи, мошенничество;

— преступления, совершенные преступными группировками: вымогательство, угрозы, запугивание и сбыт наркотиков.

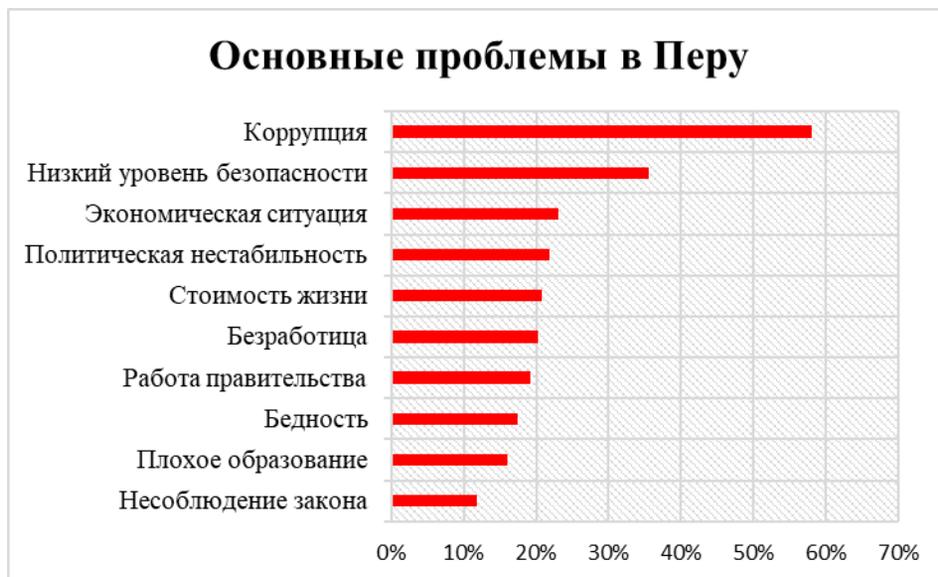
В четвертой главе раскрываются стратегические цели и задачи *PNSC* на 2019—2023 гг. В пятой главе большое внимание уделено районам и территориям, где требуется срочно принять меры для борьбы с угрозами безопасности граждан. При разработке *PNSC* важное значение придавалось вопросам постоянного контроля над реализацией различных программ и их оценке; алгоритм этого процесса изложен в шестой главе. Седьмая глава содержит сведения о стратегических целях, сведенные в таблицы, где изложены программы действий, ожидаемые результаты и список лиц, ответственных за каждое направление.

Анализ *PNSC* 2019—2023 гг. показывает приверженность составителей плана целям концепции гуманитарной безопасности в процессе создания безопасного мира для индивидуума, который является центральной фигурой программы. Постоянный анализ и контроль за проводимыми мероприятиями позволили достичь определенных успехов. Осознание проблем и готовность с ними бороться являются основой здорового, действенного и современного подхода к повышению уровня гуманитарной безопасности в Перу.

Еще одним значимым источником, к которому следует обратиться в целях выявления проблем гуманитарной безопасности в стране, является немецкая платформа *Statista*. Согласно данным *Statista*, главной социальной проблемой в Перу является коррупция; это отметили 58% опрошенных. Причем за год данный показатель вырос на 4 п.п., что, скорее всего, обусловлено отставкой бывшего президента. Не менее важными проблемами являются преступность и низкий уровень общественной безопасности; их отметили 35,6% респондентов, а также нестабильная экономическая и политическая ситуация в стране — 23,1% и 21,9% соответственно [6]. Эти показатели отражают настроения перуанцев. Отставка президента в прошлом году и дела о коррупции, продолжающиеся акции протестов (на юге страны), направленные против нового президента и правительства, а также жертвы среди мирного населения показывают, что пока в Перу не установится стабильная, поддерживаемая народом власть, экономическая ситуация и безопасность будут ухудшаться (см. рисунок).

Социально-экономические проблемы отражены не только в национальных СМИ и медиаресурсах, но и в международных источниках. Одним из них является *Human Rights Watch* — неправительственная организация, осуществляющая мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека более чем в 70 странах мира. В документе *Perú Eventos de 2021* [7] отмечаются следующие наиболее серьезные проблемы страны: злоупотребления со стороны негосударственных вооруженных групп; злоупотребления со стороны политиков; отсутствие свободы слова; проблемы реализации прав женщин и детей; неравенство полов; проблемы инвалидов; отсутствие безопасности правозащитников и общественных лиде-

ров; бедственное положение беженцев и мигрантов; незащищенность экономических и социальных прав; проблемы в реализации избирательных прав граждан; незавершенные судебные процессы по делам о злоупотреблениях должностным положением.

Источник: составлено авторами по данным [6].

ЛИКВИДАЦИЯ КОРРУПЦИИ В ПЕРУ

Одной из насущных проблем Перу является коррупция, которая усугубляется «богатой» историей преступной деятельности членов правительства страны [8]. Основными причинами коррупции являются высокий уровень неравенства и бедность населения.

После окончания периода расцвета коррупции, который длился с 1990-х до 2000 годов, были проведены важные антикоррупционные реформы. Так, в 2001 г. была создана Комиссия по установлению истины и примирению (*Comisión de la Verdad y la Reconciliación*), работа которой была направлена на повышение осведомленности населения о проблемах коррупции, ее последствиях и влиянии на повседневную жизнь граждан [9].

В период нахождения у власти Алехандро Толедо (2001—2006) в 2002 г. была создана Национальная комиссия по борьбе с коррупцией. Однако в большинстве случаев ее деятельность зависела от политических обстоятельств, что ограничивало ее эффективность при планировании антикоррупционных мер, противоречивших политическим интересам правительства [10]. Низкий уровень антикоррупционной деятельности продолжался с 2001 г. (с начала президентства Толедо) до 2018 г. (правление Педро Пабло Кучинского (2016—2018)). Однако после того, как вспыхнул

скандал с бывшей первой леди Надин Эредиа*, и началось расследование дела *Lava Jato***, президент Мартин Вискара (2018—2020 гг.) стал проводить агрессивную кампанию по борьбе с коррупцией.

Увольнение ответственных чиновников, занимавшихся делом *Lava Jato*, прокурором страны Педро Чаварри вызвало массовое недовольство населения. Это послужило основанием для исполнительной власти предложить реформу прокуратуры, в том числе избирательную, для того чтобы получить возможность объективно оценить вклад прокуратуры в расследование дел политических партий. В свою очередь это позволило Национальному совету судей отстранять от должности всех коррумпированных судей и прокуроров, связанных с преступными сетями [11].

Проблема коррупции в Перу является самой сложной, поскольку сами власти препятствуют ее решению. Несмотря на наличие специальных организаций, которые занимаются коррупционными делами, проводят просветительскую работу среди населения, проблема решается крайне медленно. Разумеется, коррупция есть в каждой стране, но в развивающемся государстве с нестабильной экономикой, каждое коррупционное дело ощущается особенно остро и наносит большой вред реализации параллельных программ, с помощью которых власти стремятся улучшить уровень жизни населения. Стоит также отметить, что часть граждан не видят никакой проблемы в даче взяток, рассматривая это действие как обыденное. Авторы данной статьи считают, что в развивающихся, бедных странах победить коррупцию возможно только путем устранения социального неравенства.

МЕРЫ ПО ЗАЩИТЕ ЖЕНЩИН

Проблема насилия над женщинами стоит в Перу особенно остро. По свидетельству Андреа Пардо, члена группы по связям с общественностью неправительственной организации «Мануэла Рамос», в 2021 г. в этой стране 147 женщин были убиты и 5 тыс. пропали без вести [12]. Данная проблема активно освещается в организациях ООН, например, Экономической комиссии ООН по странам Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*) и других международных структурах, которые занимаются гуманитарными проблемами [13; 14; 15; 16]. Одной из таких организаций является Демографическое обследование состояния здоровья семьи (*Encuesta Demográfica y de*

* Речь идет о деле об отмывании активов (2017 г.).

** Дело касается коррупционного скандала с участием бразильской строительной компании *Odebrecht* в Перу, которая одновременно является частью дела *Lava Jato*. Нескольким политикам и должностным лицам были предъявлены обвинения в получении взяток в пользу компании *Odebrecht* при проведении тендеров на общественные работы (подкуп, сговор, несовместимые переговоры, незаконное партнерство и торговля влиянием), а также в передаче незаконных денег в пользу избирательных кампаний различных кандидатов в президенты (подкуп, сговор, несовместимые переговоры, незаконное партнерство и злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание денег и преступная организация). По делу проходят четыре бывших президента Республики.

Salud Familiar, ENDES). В декабре 2021 г. она опубликовала доклад «Перу: Феминицид и насилие в отношении женщин в 2015—2020 гг.» [17], в котором был проведен анализ данной проблемы и предпосылок ее возникновения, приведена статистика по регионам, а также описаны способы решения. Согласно данным, содержащимся в этом докладе, только в 2020 г. было зарегистрировано 137 случаев насильственных смертей женщин.

Теме насилия в докладе было уделено особое внимание. Приведенные данные свидетельствуют о том, что эта проблема актуальна не только для женской части взрослого населения, но и для детей и подростков. Для решения таких серьезных вопросов требуется наличие всеобъемлющей и развернутой нормативно-правовой базы. В последние годы был предпринят целый ряд шагов в этом направлении. Так, в 2019 г. был подписан Закон № 30364 «О предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин и других членов семьи» (*Ley para prevenir, sancionar y erradicar la violencia contra las mujeres y los integrantes del grupo familiar*). Он является основным документом, определяющим решение проблемы насилия над женщинами. Кроме того, существуют и другие законы аналогичной направленности. К их числу относятся следующие:

— закон № 31155 (2021 г.) [18], в котором идет речь о создании механизмов по контролю, предотвращению, искоренению насилия и наказанию за домогательства в отношении женщин-политиков, о соблюдении их политических прав и об их полномочном участии в управлении страной;

— закон № 31156 (2021 г.) [19] о внесении поправок в статью 15 Закона 30364 «О предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин и других членов семьи», которые позволят на постоянной основе использовать технологические каналы для сообщения о фактах насилия;

— законодательный декрет № 1470 (2020 г.) [20]. В нем изложены меры по обеспечению ухода из семьи, защиты женщин и других членов семьи, подвергнувшихся насилию, во время чрезвычайной эпидемиологической ситуации в условиях *COVID-19*. Этот декрет дает возможность принятия защитных и/или обеспечительных мер с помощью технических средств, а в тех случаях, когда это невозможно, размещение судей в полицейских участках для немедленного принятия этих мер. Обосновывается непрерывное функционирование учреждений, оказывающих медицинскую помощь женщинам и другим членам семей, ставшим жертвами насилия. В декрете также подробно регламентируется деятельность подразделений специальной защиты и функционирование механизма по предотвращению насилия в отношении девочек, мальчиков и подростков, подвергающихся риску или лишенных защиты в семье;

— закон № 30926 (2019 г.) [21] направлен на укрепление взаимодействия в специализированной национальной системе правосудия в целях защиты и наказания за насилие в отношении женщин и других членов семьи. В документе изложены принципы функциональной совместимости и определены компетентные органы, ответственные за ее обеспечение;

— законодательный декрет № 1410 (2018 г.) [22]. Его целью является определение видов наказаний за акты домогательств во всех их формах, включая сексуальные домогательства и сексуальный шантаж, а также за распространение изображений, аудиовизуальных или аудиоматериалов сексуального содержания. Это позволяет обеспечить эффективную борьбу

с различными формами насилия, которые в первую очередь затрагивают женщин. Кроме того, декрет вносит поправки в Закон № 27942 о предупреждении сексуальных домогательств и наказании за них и в Закон № 30057 о государственной службе, уточняя концепцию сексуальных домогательств и оптимизируя процедуру наказания за такие действия;

— законодательный декрет № 1368 (2018 г.) [23] направлен на создание Национальной специализированной системы правосудия для защиты женщин как членов семейной группы и наказания за насилие в отношении женщин;

— закон № 30862 (2018 г.) [24] определяет насилие экономического или имущественного характера как наказуемое. В законе закреплено право тех, кто подвергся такого рода насилию, на доступ к информации, на юридическую помощь и государственную защиту, на профилактику и охрану здоровья. В законе, в частности, устанавливаются правила судебного разбирательства дел о насилии в отношении женщин.

Принятые за последние пять лет восемь законодательных декретов и законов подтверждают наличие серьезной проблемы в сфере безопасности женщин, а также отражают намерения по ее искоренению. Результаты работы по улучшению положения женщин в стране за 2013—2017 гг., изложенные ранее, и наращивание нормативно-правовой базы в этой области за последние годы дают надежду на достижение поставленных целей в короткие сроки.

ПРОБЛЕМА ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ЕЕ РЕШЕНИЕ

В *PNSC* 2019—2023 гг. важное место занимает проблема наличия в стране организованной преступности. Ее решению уделяется большое внимание как на государственном, так и на международном уровне. Результаты анализа *PNSC* за 2013—2017 гг. свидетельствуют о том, что проблема усугубляется. Поэтому 2018 г. была разработана Национальная многосекторальная политика борьбы с организованной преступностью на период 2019—2030 гг. (*Política Nacional Multisectorial de Lucha Contra El Crimen Organizado 2019—2030*) [25]. Ответственность за ее исполнение возложена на министерство внутренних дел. Документ состоит из четырех глав. В первой изложена актуальность проблемы организованной преступности для Перу. Вторая посвящена причинам преступности в стране. В третьей главе определяются приоритетные цели борьбы с преступностью. Заключительная четвертая глава включает мониторинг и оценку проведенной работы.

Активность организованной преступности растет с каждым годом. Самые серьезные преступления — похищения людей, которые составляют примерно половину их преступной деятельности. В документе приводится анализ факторов, препятствующих противодействию бандформированиям. Наиболее важными из них являются: слабость перуанского правительства в борьбе с организованной преступностью; наличие нелегальных рынков; толерантность к преступлениям; неспособность оказать помощь жертвам оргпреступности.

Принципы борьбы с насилием и преступностью отражены и в ряде других документах. Одним из них является Национальная многосекторальная политика обеспечения общественной безопасности Перу на период до 2030 г. (*Política Nacional Multisectorial de Seguridad Ciudadana al 2030*) [26], кото-

рая содержит концептуальные основы государственной политики в этой области. В документе определены пять приоритетных целей: профилактика детской и молодежной преступности; улучшение взаимодействия полиции с гражданами; снижение количества краж; сокращение числа насильственных преступлений; борьба с оргпреступностью.

PNSC 2019—2023 г. и опросы общественного мнения четко обозначили основные проблемы гуманитарной безопасности в Перу: коррупция, насилие над женщинами и их положение в обществе, преступная деятельность. Проведенный анализ планирующих документов, законов и нормативных актов, научной литературы продемонстрировали заинтересованность правительства в разрешении проблем.

РЕАЛЬНАЯ КАРТИНА ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРУ

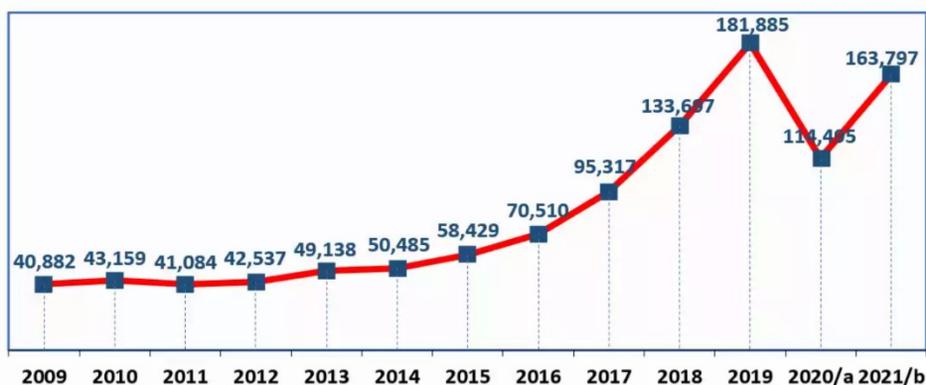
Анализ содержания *PNSC 2019—2023*, а также мер, принимаемых по борьбе с коррупцией, дает надежду на положительную динамику в ходе решения этой проблемы. Однако она продолжает разрушать страну изнутри. Начиная с Альберто Фухимори (1990—2000 гг.) и заканчивая Педро Кастильо (2021—2022 гг.), девять руководителей страны были привлечены к ответственности по делам о коррупции, осуждены и отстранены от должности конгрессом. Эти обстоятельства подрывают легитимность институтов власти и усугубляют ситуацию, при которой перуанцы продолжают жить в условиях постоянной политической нестабильности.

Стоит особенно отметить «дело *Odebrecht*», которое еще больше усилило политическую нестабильность. Бразильская компания *Odebrecht* подкупила президентов Перу и тем самым спровоцировала их отставки и политический раскол в обществе. Большинство проектов было реализовано во время президентства А.Фухимори и Алана Гарсии (1985—1990, 2006—2011 гг.), однако ученые отмечают, что политический кризис в Перу начался с 2017 г. и возник в результате недоверия между конгрессом и президентами и сопровождался роспуском первого и отставкой второго. Во время этого кризиса в стране происходили забастовки, акции протеста, гибли мирные жители. Очередная отставка президента в 2022 г. не позволяет рассчитывать на скорейшее завершение кризиса.

Нельзя сказать, что приход к власти нового президента Дины Болуарте (2022 — н/в) положительно повлиял на уровень коррупции в стране. Как сообщает издание *El Comercio*, «проведенный *ECDData* анализ всех контрольных отчетов во всех 25 региональных правительствах, выпущенных контрольным управлением в этом году, показывает, что за семь месяцев региональные губернаторы накопили 2916 отчетов о предполагаемых нарушениях, предупреждениях и случаях коррупции» [27]. Другие источники также отмечают высокий уровень коррупции в стране. Согласно последнему отчету национальной обсерватории по борьбе с коррупцией Генерального контролера Преру, по меньшей мере около 8700 государственных служащих причастны к коррупционным и другим противоправным действиям [28]. Несмотря на постоянные попытки борьбы с коррупцией в Перу, происходящие события не позволяют назвать их успешными.

Проблема насилия над женщинами остается нерешенной, несмотря на большое количество законов, защищающих их права. Следует отметить, что из-за роста числа случаев насилия в отношении женщин количество законов о защите их прав увеличивается. Данные Национального наблюдательного совета по борьбе с насилием в отношении женщин и попечителей семейных групп (*Observatorio Nacional de la Violencia Contra las Mujeres y los Integrantes del Grupo Familiar*) показывают почти перманентный рост случаев насилия над женщинами, который достиг пика в 2019 г. [29] (рис. 1). Тенденция к сокращению числа насильственных случаев была прервана пандемией *COVID-19*, которая нанесла непоправимый удар по социально-экономическим показателям латиноамериканского региона. Как результат — возврат к почти пиковым показателям в 2021 г., когда из-за ограничений, связанных с пандемией, женщины были вынуждены проводить больше времени со своими обидчиками, что вызвало всплеск уровня насилия [30].

Рис. 1. ПЕРУ: НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИЯХ ЖЕНЩИН С 2009 ПО 2021 г. (количество зафиксированных случаев)

Источник: [29].

Говоря о третьей проблеме — организованной преступности, стоит отметить, что борьба с ней тоже имеет негативную динамику (рис. 2) [31]. Политическая нестабильность влечет за собой ухудшение экономической и социальной ситуации, а также рост недоверия к власти со стороны населения. Поэтому основной задачей, требующей скорейшего решения, является налаживание стабильной работы политических институтов. Жители юга Перу выходят на протесты с начала 2023 г., не поддерживая президента и конгресс. Так, в октябре в стране прошли протесты, о которых в начале сентября говорил пресс-секретарь Национального объединенного координационного центра по борьбе Лусио Калло, связанный с политическим подразделением *Sendero Luminoso*. 12 октября в Пуно, Лиме и остальной части страны была проведена новая акция (мобилизация), направленная на очередную отставку президента Перу Дины Болуарте. Это был четвертый

этап «захвата Лимы*» [32]. Насилие внутри страны подогревается деятельностью членов организации *Sendero Luminoso*, осуществляющих насильственные акции. Несмотря на принимаемые меры эта проблема тоже усугубляется. Хотя в 2021 г. уровень преступности заметно снизился, в следующем году произошел небывалый рост. Все три описанные выше проблемы нашли отражение и в документе «Общая политика правительства Перу на 2021—2026 гг. (*Política General de Gobierno 2021—2026*) [33].

Рис. 2. ДОЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРУ, СТАВШИХ ЖЕРТВАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПЕРИОД С ИЮЛЯ 2020 ПО ДЕКАБРЬ 2022 г.

Источник: [33].

В нем указано десять основных направлений внутренней политики:

- обеспечение благосостояния и социальной защиты с помощью продовольственной безопасности;
- возрождение экономики и производственной деятельности за счет развития сельского хозяйства и сельских районов;
- развитие науки, технологий и инноваций;
- укрепление системы образования;
- децентрализация, укрепление институтов государственной власти;

* «*Toma de Lima*» — общенациональная мобилизация населения, проведенная в Перу 19 января 2023 г. Она является частью политических протестов 2023 г. Все началось с общенациональной забастовки 19 января, которая объединила жителей Аякучо, Арекипу, Куско, Пуно, Апуримака, Ла-Либертад и других регионов. Кульминацией стало вмешательство полиции в акцию, происходившую в Национальном университете Сан-Маркос — главном оплоте протестующих в Лиме (21 января 2023 г.).

- укрепление демократической системы, безопасность граждан и борьба с коррупцией, незаконным оборотом наркотиков и терроризмом;
- эффективное управление рисками и угрозами, связанными с правами граждан, и защита окружающей среды;
- управление и цифровая трансформация на основе справедливости;
- ведение национальной, автономной, демократической, социальной и децентрализованной дипломатии;
- формирование межкультурного государства для поощрения культурного разнообразия.

Проанализировав три наиболее острые проблемы, можно констатировать, что принимаемые в Перу меры не могут предотвратить ухудшения гуманитарной безопасности. Приход к власти нового президента, сопровождавшийся протестами, превращает политическую ситуацию в стране в главную угрозу безопасности граждан. Политический кризис препятствует решению экономических и социальных проблем, что делает невозможным достижение гуманитарной безопасности имеющимися средствами в ближайшие годы. Следует отметить, что вопросы безопасности и экономики могут решаться не только за счет внутренних ресурсов страны, но и на региональном уровне путем сотрудничества с соседними странами, например, посредством принятия совместных мер по борьбе с организованной преступностью и наркотрафиком на континенте, а также развития экономики при помощи региональных проектов.

Отдельно стоит отметить важную проблему, которая не была обозначена в рассмотренных выше документах: это — коренное население. Немногочисленные народы, проживающие в горах или на границах с другими странами, находятся в бедственном положении. Помимо такого явления как расизм, которое существует в латиноамериканском социуме и влияет на моральное состояние коренного населения, возникла прямая угроза существованию этих народов. Первая причина — незаконная добыча ресурсов. Так, например, в Национальном заповеднике Тамбопата (*Reserva Nacional Tambopata*) и Национальном парке Бахуаджа Сонене (*Parque Nacional Bahuaaja-Sonene*) осуществляется нелегальная добыча золота, что загрязняет и уничтожает окружающую среду. На протяжении десятилетий было вырублено множество лесов, которые являются естественной средой проживания коренных народов. Вторая причина — деятельность вооруженных группировок. Так, на границе Перу и Колумбии на местах поселения коренных народов орудуют Революционные вооруженные силы Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias Colombianas, FARC*) и наркоторговцы. Обе группы стремятся установить контроль над двумя маршрутами незаконного оборота наркотиков, ведущими из Путумайо [34]. Разумеется, это происходит из-за бездействия государства и отсутствия контроля, что вполне может быть обусловлено подкупом властей. Несмотря на то, что в Перу проживает довольно большое количество коренных жителей, перечисленные выше угрозы могут привести к их вымиранию.

Проведенный анализ показывает наличие серьезных угроз гуманитарной безопасности в Перу. Решающее значение в процессе повышения уровня гуманитарной безопасности в стране будут иметь завершение поли-

тического кризиса, а также тесное взаимодействие стран региона в деле совместного развития.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Plan nacional de seguridad ciudadana 2019-2023. Available at: <https://cdn.www.gob.pe/uploads/document/file/238246/Propuesta.PlanNacionalSeguridadCiudadana.2019-2023.pdf> (accessed 25.07.2023).
2. Human Development Report 2006. Available at: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/human-development-report-2006-english.human-development-report-2006-english> (accessed 25.07.2023).
3. Report on Activities and Results. Available at: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Press/2009_Report_presentation_HC_opening_remarks_28v10.pdf (accessed 25.07.2023).
4. Kaldor, M. Human security: Reflections on globalization and intervention. Polity Press: Cambridge, 2007, 228 p.
5. Hampson, F. Empowering people at risk: human security priorities for the 21st century. Helsinki Process on Globalization and Democracy. Helsinki: Finnish Ministry for Foreign Affairs, 2004, 32 p.
6. Problemas más importantes que afectan a Perú según la opinión pública en 2023. Available at: <https://es.statista.com/estadisticas/1206719/principales-problemas-opinion-publica-peru/> (accessed 23.07.2023).
7. Peru Eventos de 2021. Available at: <https://www.hrw.org/es/world-report/2022/country-chapters/380713> (accessed 23.07.2023).
8. Garay J.P.P. Problemática de la corrupción en el Perú. *Revista de Ciencias Sociales (Ve)*, 2022, vol. Esp. 28, núm. 5, pp. 268-278.
9. Azcona, J. M., Del Prado, C. Crisis institucional en el Perú del posconflicto: 1992-2018. *Araucaria*, 2020, 22(43), pp. 513-535.
10. Pozsgai-Alvarez, J. The political cycle of fighting corruption: Peru's experience with its first national anti-corruption commission. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2018, 7(1), pp. 1-19.
11. Paredes, M., Encinas, D. Perú 2019: Crisis política y salida institucional. *Revista de Ciencia Política*, 2020, 40(2), pp. 483-510. Available at: <https://doi.org/10.4067/S0718-090X2020005000116> (accessed 25.07.2023).
12. Perú culminó el 2021 como uno de los años con más feminicidios y casos de violencia contra la mujer. Available at: <https://www.infobae.com/america/peru/2022/01/01/feminicidios-en-peru-en-2021-nuestro-pais-cerro-uno-de-los-anos-con-mas-asesinatos-y-casos-de-violencia-contra-la-mujer/> (accessed 23.07.2023).
13. Violencia Basada En Género, Ministerio De La Mujer Y Poblaciones Vulnerables. Available at: <https://www.mimp.gob.pe/files/direcciones/dgcvg/mimp-marco-conceptual-violencia-basada-en-genero.pdf> (accessed 24.07.2023).
14. La violencia contra la mujer: Feminicidio en el Perú. Available at: <https://www.flora.org.pe/pdfs/Feminicidio.pdf> (accessed 24.07.2023).
15. La violencia contra las mujeres en el Perú: entre la levedad del discurso que la condena y la persistente fuerza de los hechos, cooperacion Alemana. Available at: <https://www.mujeres-libresdeviolencia.usmp.edu.pe/wp-content/uploads/2015/09/giz2015-es-estudio-cambios-actitudes-VF.pdf> (accessed 24.07.2023).
16. Feminicidio y Violencia contra la Mujer en el Perú, 2015-2019, El Instituto Nacional de Estadística e Informático. Available at: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1793/libro.pdf (accessed 24.07.2023).

17. Perú: Femicidio y Violencia contra la Mujer 2015-2020, Comité Estadístico Interinstitucional de la Criminalidad. Available at: https://www.inei.gob.pe/media/MenuRecursivo/publicaciones_digitales/Est/Lib1831/libro.pdf (accessed 24.07.2023).

18. Ley N° 31155. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2021_ley_31.155_per.pdf (accessed 24.07.2023).

19. Ley 31156. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2021_ley31156_per.pdf (accessed 24.07.2023).

20. Decreto legislativo N° 1470. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2020_decretolegislativo1470_per.pdf (accessed 24.07.2023).

21. LEY 30926. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2019_ley30926_per.pdf (accessed 24.07.2023).

22. Decreto legislativo 1410. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2018_per_decreto_legislativo1410.pdf (accessed 24.07.2023).

23. Decreto legislativo N° 1368. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2018_per_decreto_legislativo_sistema-nacional-especializado.pdf (accessed 24.07.2023).

24. Ley 30862. Available at: https://oig.cepal.org/sites/default/files/2018_ley30862_per.pdf (accessed 24.07.2023).

25. Política nacional multisectorial de lucha contra el crimen organizado 2019—2030, Dirección General Contra el Crimen Organizado. Available at: https://cdn.www.gob.pe/uploads/document/file/473340/PLC_MININTER.pdf (accessed 25.07.2023).

26. Reflexiones sobre la seguridad ciudadana en el Perú, Instituto de Investigación y Capacitación Municipal. Available at: https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_documento_dok_pdf_40155_1.pdf/8fc8a613-555b-341a-ae973114a69da37?version=1.0&t=1539653118432 (accessed 25.07.2023).

27. Los gobiernos regionales acumulan casi 3.000 informes por corrupción. Available at: <https://elcomercio.pe/ccdata/los-gobiernos-regionales-acumulan-casi-3000-informes-por-corrupcion-ccdata-noticia/> (accessed 5.08.2023).

28. Índice de Corrupción e Inconducta Funcional (INCO) 2022. Available at: <https://cdn.www.gob.pe/uploads/document/file/5013529/Índice%20de%20la%20corrupción%20%20inconducta%20funcional%20%28INCO%29%20-%20Guía%20Metodológica%202022.pdf?v=1692389824> (accessed 5.08.2023).

29. Programa Nacional para la Prevención y Erradicación de la Violencia contra las Mujeres e Integrantes del Grupo Familiar – AURORA. Available at: <https://observatorioviolencia.pe/datospncvfs/> (accessed 5.08.2023).

30. Conoce las estadísticas de violencia contra las mujeres durante la pandemia en 2021. Available at: <https://www.planinternational.org.pe/blog/conoce-las-cifras-de-violencia-contra-las-mujeres-durante-la-pandemia> (accessed 5.08.2023).

31. Share of people that were victims of a crime in Peru from July 2020 to December 2022. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1376970/share-population-victims-crime-peru/> (accessed 5.08.2023).

32. Cuarta ‘Toma de Lima’ para el 12 de octubre. Available at: <https://peru21.pe/politica/cuarta-toma-de-lima-para-el-12-de-octubre-protestas-dirigentes-de-puno-puno-7-de-diciembre-12-de-octubre-pedro-castillo-toma-de-lima-noticia/> (accessed 5.08.2023).

33. Gobierno aprueba la Política General de Gobierno 2021 – 2026. APCI. Available at: <https://www.gob.pe/institucion/ceplan/noticias/545616-gobierno-aprueba-la-politica-general-de-gobierno-2021-2026> (accessed 18.07.2023).

34. Cuatro puntos claves para conocer los riesgos que sufren las comunidades indígenas en la frontera peruana, Mongabay. Available at: <https://es.mongabay.com/2023/02/en-corto-riesgos-que-sufren-comunidades-indigenas-en-frontera-peruana/> (accessed 18.07.2023).

Igor K.Kharichkin (igorkharichkin@yandex.ru)

Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Political Science,
Moscow State Linguistic University

Ostozhenka st. 38, 119034 Moscow, Russian Federation

Anastasia S.Smirnova (smirnova.nastya.2021@bk.ru)

Postgraduate of Department of Political Sciences, Moscow State Linguistic University;
Junior researcher of the Research Department (military-humanitarian studies), Military University

Bolshaya Sadovaya st. 14, 125047 Moscow, Russian Federation

State policy of Peru in the field of human security

Abstract. The authors analyze the key state documents of Peru aimed at ensuring human security and the legal framework on the most pressing issues. The article gives an idea of the dynamics of the development of internal security in the country and allows to trace the trends in social problems solving.

Key words: Peru, internal policy, security, human security, Peruvian legislation.

DOI: 10.31857/S0044748X0029117-7

Received 08.08.2023.

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

Н.Д.Калинин, Е.В.Смирнов

Праворадикальные популистские партии в Испании и Португалии на современном этапе

Сравнительный анализ

В статье сравниваются испанская партия «Голос» (*Vox*) и португальская «Хватит!» (*Chega*). На основе первичного анализа содержания предвыборных манифестов и вторичного анализа итогов социологических опросов авторы делают выводы о том, каким образом в Испании и Португалии формируется характерный для европейских стран праворадикальный популизм, а также — какое место занимают вышеупомянутые партии в национальных политических системах, чтобы сравнить два рассматриваемых кейса. Несмотря на существование множества схожих лозунгов и обещаний, представители двух партий по-разному относятся к таким проблемам, как миграция, национальное строительство и роль государства в экономике. Тем не менее обоим политическим акторам следует признать самыми влиятельными малыми партиями в своих странах. Сравнение манифестов и коалиционных возможностей обеих политических сил позволило говорить о существовании разных моделей праворадикальной партии. В результате было определено, что для *Vox* характерны правые идеи культурного национализма и левые идеи вмешательства государства в экономику, в то время как партийный дискурс *Chega* конструируется на основании общих идеологических схем европейского правого популизма.

Ключевые слова: Испания, Португалия, *Vox*, *Chega*, популизм, праворадикальные партии.

DOI: 10.31857/S0044748X0029116-6

Статья поступила в редакцию 07.07.2023.

Провал проекта по созданию Конституции Европейского союза, экономическая депрессия XXI в. и миграционный кризис в странах Западной Ев-

Никита Дмитриевич Калинин — студент 3 курса бакалавриата факультета политологии СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9., nikitadm01@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2661-4815); Егор Владимирович Смирнов — студент 2 курса магистратуры факультета социальных наук программы «Прикладная политология» НИУ «Высшая школа экономики» (РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20, smirnovlegor@gmail.com, ORCID: 0009-0003-3198-7768).

ропы стали маркерами начала роста популярности праворадикальных популистских партий. Хотя первые партии, использовавшие в качестве основного вопроса предвыборной повестки лозунги анти-иммиграции, экономического популизма и евроскептицизма, появились еще в 1990-е годы (к примеру, Новая демократия (*Ny Demokrati*, *NyD*) в Швеции), именно в начале 2010-х годов практически в каждой стране Евросоюза подобная партия смогла претендовать на значительное увеличение уровня поддержки, независимо от времени ее образования. Требования дерегулирования экономики, ограничения евроинтеграции, борьбы с нелегальной миграцией и контроля за легальной стали популярны именно в данный период: если в 2014 г. на выборах в Европейский парламент группы евроскептиков получили в сумме 11,8% голосов, то в 2019 г. их общий результат увеличился почти в два раза [1].

В Испании и Португалии праворадикальный популизм также стал распространяться в 2010-е годы на фоне того, что национальные правительства не могли справиться с экономической рецессией и решить проблему наплыва мигрантов. В Испании эти кризисы также обострялись из-за стремления Каталонии к самоопределению и в целом из-за отношений между автономными сообществами и центральной властью. Формирование таких партий, как Голос (*Vox*) в Испании и «Хватит!» (*Chega*) в Португалии, происходило в соответствии с общеевропейскими тенденциям сокращения уровня доверия традиционным партиям и на фоне усиления запроса на политическое обновление элиты среди той категории избирателей, которые сильнее всего пострадали или до сих пор страдают от экономического кризиса 2008—2009 гг., вызванного пандемией коронавируса или миграционного кризиса. В то же время политическая повестка дня этих популистских партий и их место в партийной системе должны иметь уникальную национальную специфику. В данной статье предпринимается попытка выявить эти национальные особенности и сравнить две партии между собой, чтобы показать, чем могут отличаться европейские праворадикальные популистские политические организации.

В качестве методологической основы исследования был выбран конструктивизм, поскольку данная работа строится на предположении о том, что партийная идеологическая рамка на самом деле является дискурсом, а он постоянно меняется и конструируется с помощью текстов, которые можно широко трактовать в форме любых устных и письменных лозунгов и обещаний [2]. Чтобы определить место каждой партии в национальной системе и оценить содержание партийной повестки для формирования идеологии конкретного актора, используются вторичный анализ итогов национальных социологических опросов, находящихся в открытом доступе, первичный анализ содержания партийных программ и выступлений политиков по ключевым словам, а также количественный анализ частоты упоминания отдельных слов в предвыборных манифестах. Поскольку целью работы является сравнение двух партий, авторы проводят бинарный синхронный сравнительный анализ. Первичный и вторичный анализ источников стали основой для проведения синхронного сравнения.

Источниками для проведения исследования стали, в первую очередь, предвыборные манифесты, опубликованные на портале *Manifesto Pro-*

ject [3], и результаты социологических опросов, которые приводятся в работах зарубежных авторов. Отбор источников обусловлен тем, что партийная программа является прямым отражением партийной повестки, которая транслируется электорату. Таким образом, партийный манифест рассматривается в данном исследовании в качестве инструмента анализа дискурса партии, поскольку в документе объединены большинство устных и письменных лозунгов и обещаний партии. Возможности изучить развернутые социологические исследования с широким набором социально-экономических и общественно-политических вопросов ограничены, поэтому обращение к уже опубликованным работам позволяет получить доступ к закрытым опросам, а также встроить данную статью в русло существующей научной дискуссии. Количественный анализ частоты упоминания отдельных слов в предвыборных манифестах проводился на платформе *Voyant Tools* [4]. Наконец, для первичного анализа содержания предвыборных документов был написан код в приложении *RStudio*, позволяющий отобразить тот или иной контекст партийных программ по ключевым словам. В качестве ключевых слов использовались и слова, полученные в результате количественного анализа частоты повторов.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ИСПАНИИ

В российской науке *Vox* исследовалась не так подробно, как другие правопопулистские партии. Тем не менее среди имеющихся работ на эту тему можно выделить труды Д.Б.Казариновой [5], А.Н.Кожановского [6] и А.А.Терещука [7]. Эти авторы подробно анализируют историю создания партии и ее повестку. Среди зарубежных исследователей также следует отметить А.Менендеса [8] и Д.Коррочано [9], уделяющих внимание электоральной социологии *Vox* и разбору партийной идеологии. Однако до сих пор никто не включал всестороннюю характеристику *Vox* в компаративный анализ, сравнивая ее с португальской «соседкой» — партией *Chega*.

До выборов 2015 г. парламентская система Испании была двухпартийной: левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (*Partido Socialista Obrero Español, PSOE*) и правоцентристская Народная партия (*Partido Popular, PP*) конкурировали между собой. В 2015 г. на выборы «стихийно ворвалась» ультралевая партия «Можем!» (*Podemos*), внесшая изменения в застоявшийся партийно-политический ландшафт. На своих дебютных всеобщих выборах она завоевала 69 мест, что позволило партии, созданной всего за год до выборов, стать третьей политической силой в стране [10]. Тогда же заявили о себе правоцентристы — «Граждане» (*Ciudadanos*), — близкие по ориентации к *PP*, а чуть позже, в 2019 г., список партий-новичков пополнила ультраправая *Vox*.

Именно пропорциональная избирательная система стала для новых партий-аутсайдеров ключом от двери большой политики. Благодаря этой системе на выборах 2015 г. удалось разрушить гегемонию *PSOE* и *PP*. Одной из главных причин неудачи системных партий стала общая усталость избирателя, желавшего видеть на политической арене новых игроков. Итогами этих парламентских метаморфоз стали эрозия двухпартийной системы

и перерождение ее в многопартийную, что оказалось большим внутриполитическим испытанием для испанцев.

Период, начавшийся с 2015 г., характеризуется значительной партийно-политической турбулентностью, затяжными процессами формирования правительства и внеочередными парламентскими выборами 2016 и ноября 2019 гг. Переход к многопартийности доказывает динамика индекса эффективного количества партий (ЭКП; *effective number of parties*), показанная в таблице 1. Данный индекс характеризует партийную систему, которая отражает, какого количества партий в парламенте будет достаточно для того, чтобы эффективно представлять интересы разных групп избирателей. Вычисления были сделаны по формуле индекса Лааксо-Таагеперы [11] и опубликованы на портале Университета Ноттингема — *Who governs in Europe and beyond?* [12].

Финские ученые Маркку Лааксо и Рейн Таагепера в 1979 г. предложили использовать ЭКП для изучения партийных систем во всех демократических странах, где нет доминирующей партии, поэтому одна из формул, по которой вычисляется индекс, названа в их честь [11]. При переходе на портал Университета Ноттингема будет доступна формула в ее математическом виде [12]. Для вычисления значения индекса необходимо знать результаты, полученные всеми партиями на парламентских выборах, в процентах. Причем в формулу следует включить также малые партии, которые не прошли в парламент, но получили хотя бы 1%. Допускается включение и менее репрезентативных партий, однако математически это практически не повлияет на результат. Полученное значение позволяет понять, можно ли назвать партийную систему двухпартийной или многопартийной, а также оценить уровень многопартийности системы.

Т а б л и ц а 1

ЭФФЕКТИВНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПАРТИЙ В ИСПАНИИ

Год парламентских выборов	ЭКП
2000	3,2
2004	3
2008	2,8
2011	3,3
2015	5,8
2016	5
2019 (апрель)	6,1
2019 (ноябрь)	5,9

Источник: [12].

Партийно-политическая турбулентность в условиях многопартийности соответствует принципам партийной политики, сформулированным французским социологом М.Дюверже. Он утверждал, что двухпартийная система, сложившаяся в англосаксонских странах, оказывается более устойчивой, чем многопартийная, характерная для континентальной Евро-

пы [13]. Противостоящие друг другу две крупные партии, находящиеся в общих институциональных рамках, не склонны к радикальной идеологической поляризации. В случае многопартийной системы пространство для идеологического расслоения гораздо шире, а это приводит к тому, что разногласия и недопонимание между фракциями провоцирует частые политические кризисы. В случае Испании эта формула «работает»: в испанской политике по-прежнему наблюдается посттравматический синдром, сопровождавший приход новых игроков.

МЕСТО *VOX* В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ

По итогам выборов 2023 г. *Vox* стала третьей политической силой в стране после социалистов и народников, получив в конгрессе 33 места из 350. При этом до недавнего времени, с ноября 2019 г. по июль 2023 г., партия имела 52 места, также занимая третье место. Ухудшение результатов *Vox* после июльских выборов обусловлено частичной потерей эффекта новизны, которым она располагала в 2019 г., а также «реабилитацией» *PP* в глазах испанского избирателя после ротации партийных элит и прихода новых молодых лидеров, не запятанных коррупционными скандалами времен Мариано Рахоя (2011—2018 гг.). Вместе с этим произошло и значительное падение популярности *Podemos* — вечного антагониста *Vox: de facto* партия *Podemos* растворилась в избирательном блоке новой левой партии Движение объединения (*Movimiento Sumar, SMR*) и теперь имеет только пять мест в конгрессе. Таким образом, можно констатировать, что внесистемные партии теряют популярность, а испанские избиратели дерадикализируются.

Vox избегает коалиций с другими партиями на общенациональном уровне, что не мешает ей вступать в союз с *PP* в региональных парламентах (например, в парламенте Кастилии и Леона). Демонстративное дистанцирование от других правых является осознанной тактикой *Vox*. Ее спикеры считают, что старые парламентские партии по сути своей являются «картельными», т.е. представляют собой политические лоббистские группировки по продвижению собственных меркантильных интересов. В противовес этому *Vox* называет себя народной партией, выражающей интересы «настоящих испанцев». Это априори отталкивает прочие политические силы от сотрудничества с *Vox*, ведь та буквально ставит под сомнение политическую субъектность своих коллег. При этом стоит заметить, что в ходе летнего голосования по кандидатуре премьер-министра фракция *Vox* все-таки отдала свои голоса лидеру *PP* Нуñесу Фейхоо.

Притом, что *Vox* с 2019 г. является третьей политической силой страны, представители других парламентских фракций и ветераны испанской политики не перестают считать ее маргинальной. Премьер-министр от *PSOE* Педро Санчес (2018 — н/в) называет *Vox* «угрозой для демократии» и часто спорит с его представителями [14]. Бывший премьер-министр Испании от *PP* Хосе Мариа Аснар (1995—2004 гг.) дал весьма саркастичную оценку *Vox*: «Я не вижу преимуществ для Испании в том, чтобы Ле Пен была в правительстве» [15]. Подобных мнений придерживаются очень многие политики как левого, так и правого толка. Представители правоцентристских

PP и *Ciudadanos*, в частности, критикуют *Vox* за дискредитацию и «фашизацию» правого сектора испанской политики.

Vox была создана в 2013 г. крайне правым крылом *PP*, отколовшимся от нее ввиду внутренних разногласий по ключевым вопросам партийной программы. В 2014 г. *Vox* избрала лидером харизматика Сантьяго Абаскаля, находящегося на этом посту и в настоящее время. Политический дебют нового актора состоялся во время региональных выборов в Андалусии в 2018 г, когда *Vox* удалось провести в парламент 20 депутатов. Партия достигла успеха на фоне каталонского кризиса 2017 г., когда в ходе массовых гражданских протестов провинция чуть не отделилась от Испании. На парламентских выборах 28 апреля 2019 г. *Vox* набрала 10,26% голосов, проведя в конгресс 24 депутата. На внеочередных парламентских выборах 10 ноября того же года количество голосов, отданных за *Vox*, увеличилось до 15,09% [10].

Одной из причин успеха *Vox* была общая апатия избирателя, вызванная системным кризисом прежнего политического ландшафта, представленного дуализмом социалистов-левоцентристов и консерваторов-правоцентристов. *Vox* позиционирует себя как яркую популистскую альтернативу рыхлым умеренным партиям. Количество мандатов, полученных *Vox* на выборах в парламенты автономий, представлены в таблице 2. Почти во всех случаях партия улучшила свой результат во втором электоральном цикле.

Т а б л и ц а 2

**РЕЗУЛЬТАТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ VOX НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ
2017—2023 гг. (количество мандатов)**

Провинция + количество мест в парламенте	Первый электоральный цикл	Второй электоральный цикл
Мадрид (135/136)	13 (2019)	10 (2023)
Каталония (135)	– (2017)	11 (2021)
Андалусия (109)	12 (2018)	14 (2022)
Валенсия (99)	10 (2019)	13 (2023)
Кастилия-и-Леон (81)	1 (2019)	13 (2022)
Галисия (75)	– (2016)	– (2020)
Страна Басков (75)	– (2019)	1 (2020)
Арагон (67)	3 (2019)	7 (2023)
Эстремадура (65)	0 (2019)	5 (2023)
Канарские острова (61)	0 (2019)	3 (2023)
Балеарские острова (59)	3 (2019)	8 (2023)
Наварра (50)	0 (2019)	2 (2023)
Княжество Астурия (45)	2 (2019)	3 (2023)
Мурсия (45)	4 (2019)	9 (2023)
Кантабрия (35)	2 (2019)	4 (2023)
Риоха (33)	2 (2019)	4 (2023)
Кастилия-ла-Манча (33)	0 (2019)	4 (2023)

Источник: [16].

Ведущая испанская газета *El País* характеризует избирателей партии *Vox* так: чаще всего это — молодые избиратели, мужчины, принадлежащие к зажиточному среднему классу, люди без высшего образования и католики [17]. Молодость партийного электората является следствием «ресентимента» юных избирателей по отношению к нынешней испанской демократии, которую многие считают рыхлой и олигархической [8]. Недостаток образования и отсутствие опыта жизни в период правления Франсиско Франко (1936—1975 г.) добавляют этому «ресентименту» энергии, который находит поддержку в риторике *Vox*.

Vox можно назвать партией популистского толка. В ее дискурсе присутствует то, что немецкий политолог Я.Вернер-Мюллер называет «морализованным антиплюрализмом» [18, р. 91]. Это означает, что политические деятели в своих публичных выступлениях стремятся создать так называемую необсуждаемую идентичность народа, настаивая на том, что настоящим народом являются только те граждане, которые согласны с политикой и программой популистской партии. Таким образом популистская партия присваивает народу ряд имманентных характеристик. Все, кто не соответствуют этим характеристикам или не согласны с ними, объявляются ренегатами, выступающими против народа. О популистском концепте «единого народа» политолог К.Шмитт писал так: «символическая сущность народа одерживает верх над сухими цифрами» [19, с. 94].

С помощью количественного анализа частоты упоминаний слов были определены дискурсивные приоритеты партийной программы. Наиболее часто в программе партии *Vox*, названной *Agenda España*, используются такие слова: Испания (95); испанцы (61); национальный (43), меры (27), свобода (26), суверенитет (23), гарантии (23) [4, 20]. Это говорит о том, что партия сосредоточена на проблемах защиты нации и суверенитета страны, а также отстаивает национальную свободу в нелиберальном смысле этого слова.

Vox считает, что нынешняя форма территориального устройства Испании не отвечает интересам испанской нации. Согласно Конституции 1978 г. страна стала государством-автономий, несмотря на *de jure* унитарную структуру. Согласно официальной партийной программе [20], прогрессирующая дезинтеграция королевства дает «больше силы разным сепаратистским и националистическим движениям». В *Agenda España* описывается оптимальное территориальное устройство как «административно-децентрализованное, но политически унитарное»; унитарное устройство является, с точки зрения *Vox*, единственно возможным. Для *Vox* автономизированная Испания подобна разбитому зеркалу, которое больше не отражает портрета испанской нации.

В рамках политической программы *Vox* вопрос нации требует отдельного рассмотрения. Испанская нация интерпретируется политической философией *Vox* как некая трансцендентная субстанция, состоящая из испанцев, живших в прошлом, живущих сейчас и тех, кто будет жить в будущем. Подобная конструкция помогает партийным лидерам заявлять о сопричастности к процессам исторического масштаба; они настаивают на надежности и безальтернативности своего курса. Монолитная испанская нация рассматривается в руссоистском (от Ж-Ж. Руссо. — *Н.К., Е.С.*) духе как однород-

ная масса, жаждущая высвобождения всеобщей воли, но смущаемая паразитирующими на ее теле силами. Партия заявляет о том, что она возражает против разделения граждан Испании на людей первого и второго сорта в зависимости от места их рождения. Подобное разделение, по мнению членов *Vox*, происходит из-за того, что местным языкам (каталонскому, баскскому, галисийскому и проч.) придается официальный статус.

В качестве мер по защите единства нации в *Agenda España* фигурируют «распространение и защита национальной идентичности и вклада Испании в мировую цивилизацию и во всемирную историю; особое внимание надо уделить подвигам, совершенным нашими национальными героями как внутри страны, так и за ее пределами» [20]. В программе *Vox* содержится также обещание защищать национальные символы и ужесточить наказание за их поругание. Единство нации должно быть обеспечено за счет упразднения законов об исторической памяти, которые, по мнению членов партии, разобщают испанцев. Наконец, особенное место в программе занимает реформа образования: в *Agenda España* предлагается «избавить университеты от навязывания им тоталитарных и идеологических норм и восстановить истинное предназначение этих учебных заведений как пространства свободы и поиска истины и красоты» [20].

Vox критически смотрит на гендерное законодательство, настаивая на его полной ликвидации: «Немедленная отмена Всеобъемлющего закона о гендерном насилии, который закрепляет уголовную асимметрию и неравенство между мужчинами и женщинами и подрывает основы верховенства закона» [20]. Данная позиция типична для правопопулистских партий, трактующих новые гендерные нормы как эрозию традиционного уклада европейского общества [9].

От других европейских праворадикальных партий *Vox* отличает активная экономическая повестка. В экономической программе партии можно выделить следующие тезисы: гарантирование рабочих мест; повышение заработной платы; обеспечение устойчивости пенсионной системы и надлежащих условий труда; снижение налогов для самозанятых; совершенствование социального законодательства. Отметим, что с экономической точки зрения *Vox* — партия вовсе не правая, а во многом тяготеющая к левой части политического спектра. *Vox* далека от свойственных многим ультраправым политическим организациям либертарианских идеалов. Акцент на социальном законодательстве является следствием стремления *Vox* перенять франкистские формы организации общественной жизни.

О социальном обеспечении в партийной программе написано следующее: «Необходимо защищать испанцев и гарантировать им сохранение и укрепление государства всеобщего благосостояния, увеличивать инвестиции в здравоохранение, образование, на содержание иждивенцев, повышать пенсии и улучшать состояние инфраструктуры за счет сокращения всех ненужных политических расходов» [20]. Кроме того, *Vox* критикует ограничивающие развитие промышленности и сельского хозяйства климатические законы.

В программе *Vox* прослеживается антиэлитарная риторика, что в большей степени типично для левых, нежели для правых политических акторов. В *Agenda España* есть следующий пункт: «Упразднить все идеологиче-

ские органы и субсидии партиям, профсоюзам, работодателям и другим политическим структурам. Между испанцами не будет реального равенства, пока привилегированная каста живет за счет усилий простых испанцев» [20]. Из этого можно сделать вывод, что *Vox* наследует традиции Испанской фаланги (*Falange Española*), которая в дофранкистский период позиционировала себя как надидеологическая сила, выражающая подлинные интересы народа.

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА ПОРТУГАЛИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И «ПОТОЛОК» МАЛЫХ ПАРТИЙ

Партия *Chega* является одной из малых партий страны. В Португалии сложилась партийная система умеренной многопартийности. Этот вывод можно сделать на основе вычисления эффективного числа партий по формуле индекса Лааксо-Таагеперы [11]. В такой системе есть доминирующие партии, однако они чаще зависят от сотрудничества с малыми. Основными политическими акторами Португалии являются Социалистическая партия (*Partido Socialista, PS*) и Социал-демократическая партия (*Partido Social Demócrata, PPD/PSD*). С 1980-х годов только их представители становились главами правительств, и только эти партии побеждали на парламентских выборах.

Однако *PS* и *PPD/PSD* редко удавалось сформировать однопартийное правительство большинства. В 2022 г. *PS* только во второй раз за всю историю своего существования смогла сделать это. В остальных случаях правящая партия была вынуждена искать в парламенте союзников среди малых партий. Парламентские выборы 2015 г. являются показательными в этом отношении. Тогда *PPD/PSD* выступила в едином блоке с Демократическим и социальным центром — Народной партией на выборах (*Centro Democrático e Social — Partido Popular, CDS-PP*), а *PS* по итогам национальной кампании заключила коалиционное соглашение с Коалицией демократического единства (*Coligação Democrática Unitária, PCP-PEV*) и Левым блоком (*Bloco de Esquerda, B.E.*), что *PS* ранее не делала [21, p. 92].

Т а б л и ц а 3

ЭФФЕКТИВНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПАРТИЙ В ПОРТУГАЛИИ

Год парламентских выборов	ЭКП
2005	3,1
2009	3,8
2011	3,7
2015	3,7
2019	4,4
2022	3,7

Источник: [12].

Авторы данной статьи обратились к трудам отечественных исследователей, изучавших партийно-политическую систему Португалии, Н.М.Яковлевой [21] и В.Л.Верникова [22]. Поскольку в прошлом эти ученые делали в своих работах акцент, в первую очередь, на двух главных португальских партиях — *PS* и *PPD/PSD*, можно предположить, что праворадикальные настроения только сейчас начинают приобретать политический вес, что ослабляет традиционные политические организации и требует дополнительного изучения. Португальский правый радикализм уже был подвергнут сравнению с «правым поворотом» в Бразилии [23], однако интерес представляет также вопрос о том, является ли рост популярности такой партии, как *Chega*, уникальным явлением для европейского популистского движения.

Фундаментальными работами отечественных ученых о партийно-политической системе Португалии следует признать раздел о Португалии в сборнике «Политические системы современных государств» [24] и третью главу книги «Португалия: путь от революции», изданную под редакцией В.Л.Верникова [25]. Однако заметим, что после 2014 г., с момента выхода этих важных научных трудов, прошли как минимум три избирательных кампании в Ассамблею Республики и две местных электоральных кампании. К тому же за это время появилось много новых политических партий и движений, сформированных на фоне общественно-политических кризисов (нелегальная миграция, кризис общества всеобщего благоденствия). Поэтому представляется целесообразным очертить контуры нынешней партийно-политической системы Португалии. Дополнительного изучения требуют новые труды зарубежных исследователей о португальской партийной системе, посвященные как теме обновления электората в целом [26], так и образованию партии *Chega* [27]. Авторы данной статьи дополняют предыдущие научные работы первичным анализом результатов переписей населения, проведенных в Португалии в XXI в. [28], и первичным анализом содержания предвыборного документа партии *Chega* 2019 г. [3], в рамках которого предполагается, что манифест является отражением партийного дискурса.

В результате сравнения результатов, полученных на выборах малыми партиями Португалии, был сделан вывод, что для них существует «потолок» в 24 мандата, которые они могут получить по итогам выборов в парламент. Это происходит потому, что в стране на парламентских выборах мандаты распределяются не на национальном уровне, а внутри каждого региона. Результаты переписи 2001 г. [28], 2011 г. [29] и 2021 г. [30] позволили разделить регионы Португалии на три группы: крупнейшие по численности населения регионы, средние и малые регионы. Было определено, что партия *Chega* получила свои мандаты на выборах 2022 г. именно в самых населенных регионах, причем половину из них — в Лиссабоне и Порту.

Популярность партии *Chega* действительно росла на национальном уровне, но этого было недостаточно, чтобы составить конкуренцию *PS* и *PPD/PSD*. Более того, даже по сравнению с результатами других малых партий Португалии в истории последних электоральных циклов результат *Chega* нельзя назвать успехом. То есть: малые партии даже в условиях такой избирательной системы добивались большего. В 2015 и 2019 гг. *B.E.* все в тех же десяти крупнейших и средних регионах завоевал 18 и 19 ман-

датов (в 2015 г. один мандат с островов Мадейра), соответственно. В 2011 г. *CDS-PP* располагала 24 мандатами, причем 22 из них были из крупнейших и средних регионов страны. Всего таких случаев, когда малая партия получила больше 12 мандатов, в XXI в. было десять [31].

Выборы 2022 г., на которых был зафиксирован практически самый низкий за рассмотренный период суммарный результат голосов, полученный малыми партиями, свидетельствуют о росте популярности двух основных политических игроков — *PS* и *PPD/PSD*. Малые партии (суммарно) получили всего 33 мандата, и такой итог будет уместно сравнить с выборами 2005 г., когда *PS* впервые в своей истории завоевала абсолютное большинство мест в парламенте.

Важными итогами выборов 2022 г. стали ослабление главной правой партии и левых радикальных политических организаций, а также усиление малых правых партий и *PS*. Это говорит о том, что предположительно у *PS* и *PPD/PSD* на данном этапе развития партийной системы разный электорат, а это означает, что всегда будут существовать две большие идеологические группы (объединенные вокруг *PS* и *PPD/PSD*), сменяющие друг друга у власти. Например, *Chega* может претендовать только на то, чтобы заменить *PPD/PSD*, но электорат *PS*, скорее всего, может перейти только к другим левым и центристским партиям. Это происходит потому, что избирательная система Португалии, разделяющая страну на регионы с разным представительством в национальном парламенте, благоприятствует большим партиям.

ИСТОРИЯ ПАРТИИ *CHEGA* И ЕЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ УСПЕХИ

Партия *Chega* была образована в 2019 г. перед выборами в Ассамблею Республики. Ее бессменным лидером является Андре Вентура. *Chega* — не первая праворадикальная партия в Португалии: ее можно сравнить с Партией национального обновления (*Partido Nacional Renovador*, «*Ergue-te*»), образованной в 2000 г., но та никогда не получала больше 1% на выборах. На своих первых национальных выборах в октябре 2019 г. *Chega* добилась одного мандата. Однако самыми первыми выборами стали не национальные в Ассамблею Республики, а общеевропейские выборы в Европейский парламент в мае 2019 г., когда А.Вентура был лидером коалиции *Basta!*, получившей 1,49% голосов. В эту коалицию вошла и *Chega*. Примечательно, что партия возникла на фоне громкого исторического успеха популистов в Европе в 2019 г. [32, pp.5-6].

Далее последовала успешная избирательная кампания на президентских выборах 2021 г., когда А.Вентура получил почти 500 тыс. голосов (12%) [33]. Затем прошли местные выборы 2021 г., когда *Chega* претендовала на представительство практически во всех муниципалитетах и приходах страны. Однако в итоге она провела всего лишь 19 представителей в местные советы муниципалитетов из возможных 2 тыс., 173 представителя — в местные собрания муниципалитетов из возможных 6,5 тыс., 205 представителей — в советы приходов из возможных 27 тыс. Ни в одном случае представитель партии не получил кресло руководителя муниципалитета или прихода [34].

На парламентских выборах 2022 г. *Chega* удалось добиться значительного успеха: она стала третьей (7,2%) и получила 12 мандатов [31]. Таким образом, можно предположить, что основной группой избирателей *Chega* был протестный электорат, не участвовавший в муниципальных выборах из-за отсутствия интереса к традиционным партиям.

Выводы о предполагаемом составе электората партии *Chega* можно сделать на основании вторичного анализа результатов опросов, опубликованных в социологической работе Л.Мануччи и Л.Хейна [35]. Выбор избирателей в пользу *Chega* может объясняться тем, что так они голосуют против истеблишмента и правительства. Голос за радикальных правых в Португалии — это, в первую очередь, выражение неудовлетворенности политической системой и недоверие традиционным политическим партиям. Португальские исследователи отмечают, что партию *Chega* поддерживают преимущественно мужчины без высшего образования, принадлежащие к какой-либо конфессии и проживающие в сельской местности [35]. Любопытно, что, как было сказано выше, наибольшее число мандатов при этом партия получает в больших городах (Лиссабон или Порту). Молодые избиратели *Chega* не жили в период авторитарного прошлого Португалии, но они воспитаны на воспоминаниях родителей, дедушек и бабушек и очарованы ценностями национализма и консерватизма, которых якобы нет у традиционных партий.

Партия *Chega* исключена из коалиционного строительства, но она привлекает традиционных избирателей *PPD/PSD* и *CDS-PP* с каждым новыми выборами, в результате чего представителей *CDS-PP* в парламенте в 2022 г. вообще не оказалось. Можно предположить, что на парламентских выборах за партию *Chega* проголосуют все протестные избиратели других малых правых партий, которые не считают возможным голосовать за традиционные консервативные политические силы, однако возможность привести научные аргументы в пользу этого предположения выходит за рамки данного исследования. Примечательно, что *Chega* была исключена из переговоров о распределении руководящих постов в Ассамблее Республики, и ее представитель не получил пост вице-спикера, хотя их должно быть по одному от каждой из четырех крупнейших партий (по результатам выборов). Более того, существует мнение, что победа *PS* в 2022 г. и увеличение явки стали результатом мобилизации левого электората против правой угрозы и против возможной коалиции *PPD/PSD* и партии *Chega* [36].

ПАРТИЙНАЯ ПОВЕСТКА *CHEGA*

Проанализировав содержание предвыборной программы 2019 г., текст которой доступен на портале *Manifesto Project* [3], можно получить представление о партийной повестке *Chega*. Выбор документа именно 2019 г. обусловлен тем, что манифест 2022 г. еще не доступен для изучения. Но представляется, что серьезной разницы в содержании между двумя документами быть не должно, поскольку партия за этот период не изменила статус, и ее руководство не поменялось. На страницах манифеста члены *Chega* называют себя «новыми правыми», «современными правыми», «ли-

беральными консерваторами» или «современными евроамериканскими правыми» [3]. Основными противниками названы левые, «старые правые якобинцы» и марксисты, а главной ценностью оппонентов партии — «постмодернистское неорабство» [3].

В экономической сфере *Chega* настаивала на реформе системы налогообложения: введение единой ставки налогообложения вместо прогрессивной шкалы; отмена налога на наследство; децентрализация фискальной политики в пользу городских советов; отмена единого подоходного налога для бедных слоев населения. В целом видение государственной экономической политики ограничивается тезисом о невмешательстве государства в рыночную экономику. В этой связи интересно предложение членов *Chega* ликвидировать министерство образования, для того чтобы перенаправить средства, выделяемые этому ведомству, в пользу малообеспеченных семей и студентов. Наконец, в целом постулируется необходимость сокращения административного персонала всех министерств.

Что касается социальной сферы, то тут партия очень заботится о судьбе рабочего класса, однако в то же время представители *Chega* считают, что государство должно начать борьбу с профсоюзами, привилегии которых предлагалось отменить. Однако социальная политика *Chega* не ограничивается вопросами регулирования рынка труда: пристальное внимание также уделяется борьбе с «тиранией» государства, а проявлениями этой «тирании» назывались аборты и эвтаназия [3]. Кроме того, члены партии считают, что государство не должно быть ответственным за предоставление услуг образования, здравоохранения, коммуникаций и транспорта.

Особое место в программе *Chega* занимает миграционная политика. Она строится вокруг тезиса об ужесточении требований, предъявляемых к легальным иммигрантам и о немедленной депортации тех, кто проживает в стране нелегально. В то же время предлагалось сократить количество льгот легальным иммигрантам. Так, например, эти люди не должны больше получать доступ к услугам здравоохранения, если проживали на территории Португалии меньше пяти лет. Кроме того, на европейском уровне предлагалось прекратить так называемую политику открытых дверей для иммигрантов.

Главным принципом внешней политики Португалии с точки зрения членов *Chega* могла стать многополярность. Она включает в себя три измерения: евроинтеграция, трансатлантическая интеграция и интеграция с другими португалоязычными странами. На европейском уровне в качестве основных партнеров рассматриваются Испания и государства «Вышеградской группы» (Чехия, Словакия, Польша и Венгрия), в то время как приоритетами европейской политики считаются общая оборонная политика, миграционная политика, а также политическая реформа Европейского союза.

Особенное место во внешней политике Португалии должно занимать сотрудничество с португалоязычными странами. С одной стороны, члены партии считают необходимым возвысить голос португалоязычных государств в мире, для чего *Chega* предлагает создать экономическое сообщество португалоязычных стран. С другой стороны, это партнерство должно носить ограниченный характер. Так, *Chega* выступает за отмену международной реформы унификации португальской орфографии, которая началась еще в 1990-е годы с подписанием соответствующего соглашения.

Наконец, *Chega* требует проведения конституционной реформы. Нынешняя Конституция, принятая еще в середине 1970-х годов, по мнению членов партии, является продуктом вмешательства военных в гражданские политические процессы (после Революции гвоздик 1974 г.). Поэтому Основной закон не является выражением воли народа и должен быть пересмотрен на всенародном референдуме. Разработка новой редакции должна быть поручена Конституционной ассамблее.

Помимо изучения содержания фрагментов текста по ключевым словам авторы данной статьи применили количественный анализ частоты упоминания слов. В результате анализа программы 2019 г. был определен рейтинг наиболее часто встречающихся в тексте манифеста слов: государство — 179 раз, право и права — 76 раз, свобода — 61 раз, граждане — 45 раз, здоровье — 36 раз, мир — 33 раза, безопасность — 31 раз, конституция — 29 раз, оборона — 28 раз, правосудие — 27 раз, семья — 27 раз [3, 4].

Таким образом, можно отметить, что праворадикалы делают акцент на усилении государства (в их трактовке этого понятия) и конституционного строя, а также на вопросах семейных ценностей и защите общих либеральных прав и свобод, которые якобы дискриминируются правящими системными партиями. Важное место также занимают темы обороны и безопасности. Итак, можно сказать, что *Chega* — это партия, члены которой считают необходимым создать государство, которое будет сильным в военно-политическом отношении, и слабое — в социально-экономической сфере. В этом отношении представляет интерес исследование португальских авторов Л.Хейн и М.Кошта Лобо, которые на основании эмпирических данных подтвердили, что те избиратели, которые выступают за технократическое правительство, т. е. за правительство экспертов, склонны либо не голосовать и портить бюллетени, либо голосовать за такие праворадикальные партии, как *Chega* [37, р.5]. Избиратели *Chega* могут видеть в ней способ передать власть экспертам, в то время как сама партия сконцентрируется на политических вопросах.

В заключение отметим, что и *Vox*, и *Chega* занимают одинаковое положение среди самых больших «малых партий», однако обладают разными возможностями участия в коалиционном строительстве. Если *Vox* смогла вступить в союзы с традиционными правыми на местном уровне, то *Chega* остается в изоляции на всех уровнях. В партийной повестке *Vox* делает акцент на реформе административно-территориального управления и защите единства нации, в то время как *Chega* фокусируется на проблемах нелегальной миграции и дерегулирования общественной жизни, хотя обе партии выступают на пересмотр национальных конституций, чтобы осуществить эти преобразования.

Представляется, что *Vox* является праворадикальной партией с уникальными чертами левой политики в экономической сфере, а *Chega* остается продуктом общего европейского тренда на рост правопопулистских настроений и во многом копирует шаблон ценностей и лозунгов правого популизма, к которому можно отнести борьбу с нелегальной миграцией, отсутствие внимания к проблемам изменения климата, евроскептицизм и дерегулирование. Однако общим для *Vox* и для *Chega* является традицион-

ная антиэлитарная риторика, присущая популистским политическим структурам. Идеологи такого рода партий строго разделяют нацию на две крупные общественные группы — на «хороший народ» и «плохую элиту».

Хотя представители *Vox* и *Chega* высказывают разные предложения о том, как можно улучшить положение народа, отмеченная выше фундаментальная дихотомия, лежащая в основе концепции популизма, является общей чертой *Vox* и *Chega*. А это позволяет выделить подобные партии в отдельную идеологическую группу на европейском уровне (вместе с другими популистскими национальными политическими силами). Тем не менее любопытным наблюдением, сделанным в результате данного исследования, является то, что предполагаемый избиратель, голосующий и за *Vox*, и за *Chega*, практически одинаковый. Это — взрослые мужчины без высшего образования, исповедующие доминирующую в стране религию и живущие, скорее всего, не в крупном городе.

Итак, хотя эмпирические исследования показывают, что так называемый средний избиратель *Vox* и *Chega* практически одинаковый, показанное в данной статье отличие электоральных платформ этих партий говорит о том, что интерес подобных политических организаций к антиэлитарной популистской риторике и к концепции народа может возникать по разным причинам и в зависимости от национального контекста. Это означает, что объяснение роста популярности популистских партий может лишь начинаться с изучения общеевропейских общественно-политических и социально-экономических кризисов, однако не дает возможность ответить на вопрос о том, почему электоральные успехи и коалиционные возможности национальных популистских партий различаются (что было продемонстрировано на примере Испании и Португалии). Таким образом, дальнейшее изучение феномена европейского популизма требует более детального внимания к национальному контексту в целях выявления причин роста популярности популизма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. European Parliament 2019-2024. Constitutive session. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en> (accessed 10.07.2022).
2. Buzan B., Waever O., de Witte J. Security: A New Framework for Analysis. 1998. Available at: https://www.researchgate.net/publication/274649174_Security_A_New_Framework_for_Analysis (accessed 29.06.2022).
3. Manifesto Project Data Dashboard: Browse Data. Available at: https://visuals.manifesto-project.wzb.eu/mpdb-shiny/cmp_dashboard_dataset/ (accessed 10.06.2022).
4. Voyant Tools – see through your text. Available at: <https://voyant-tools.org> (accessed 29.06.2023).
5. Казаринова Д.Б. Глас народа и конец испанской исключительности. *Око планеты*. 29.04.2019. [Kazarinova D.B. Glas naroda i konets ispanskoi iskluchitel'nosti. [The voice of the people and the end of Spanish exceptionalism]. *Oko planety*. 29.04.2019. (In Russ.). Available at: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/493206-glas-naroda-i-konec-ispanskoy-isklyuchitel'nosti.html> (accessed 02.03.2023).
6. Кожановский А.Н. Феномен партии «Вокс» (*Vox*) в контексте национально-культурного развития Испании. *Ибероамериканские тетради*. М., 2019, № 4, сс. 43-48. [Kozhanovskii A.N. Fenomen partii «Voks» (*Vox*) v kontekste natsional'no-kul'turnogo razvitiya

- Ispanii. [The phenomenon of the Vox Party in the context of the national and cultural development of Spain]. *Iberoamerikanskije tetradi*. Moscow, 2019, N 4, pp. 43-48. (In Russ.).
7. Терещук А.А. Языковая идеология испанской партии Vox. Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2020, т.30, вып. 5, сс. 828-836. [Tereshchuk A.A. Yazykovaya ideologiya ispanskoj partii Vox. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorija i filologiya. Izhevsk, 2020, t. 30, N 5, pp. 828-836 (In Russ.).]
 8. Arroyo Menéndez M. Las causas del apoyo electoral a VOX en España. *Política y Sociedad*. Madrid, 2020, N57(3), pp. 693–717.
 9. Corrochano D.H. La normalización de Vox y su ideología del día a día. Nacionalismo banal y cotidianeidad desbordada. *Revista de Estudios Políticos*. Madrid, 2022, N197, pp.167–201.
 10. IPU Parline. Spain. Available at: https://data.ipu.org/parliament/es?chamber_id=13384 (accessed 13.06.2023).
 11. Taagepera R. Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven, Yale University Press, 1989, 292 p.
 12. Effective Number of Parties – Party Systems & Governments Observatory of the University of Nottingham. The Database of WHO governs in Europe and beyond. Available at: <https://whogoverns.eu/party-systems/effective-number-of-parties/> (accessed 10.06.2023).
 13. Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. London, 1964, 439 p.
 14. Премьер-министр Испании заявил, что ультраправая партия VOX перешла черту. *ИА «Красная весна»*. [Prem'er-ministr Ispanii zayavil, chto ul'trapravaya partiya VOX pereshla chertu. *IA «Krasnaya vesna»*. [Spanish Prime Minister says far-right VOX party has crossed the line]. *IA «Krasnaya vesna»*. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/4a64b832> (accessed 29.06.2023).
 15. Aznar marca distancias con Vox: "No veo ventajas para España en que Le Pen esté en el Gobierno". *El Español*. 16.02.2022. Available at: https://www.elespanol.com/espana/politica/20220216/aznar-distancias-vox-no-espana-pen-gobierno/650685260_0.html (accessed 29.06.2023).
 16. Seleccione resultados para mostrar. Castilla-La Mancha. *El País*. 18.07.2023. Available at: <https://elpais.com/espana/elecciones/autonomicas/07/> (accessed 29.06.2023).
 17. Caamaño J.R., Santana A. El perfil del votante de Vox. *El País*. 05.12.2019. Available at: <https://agendapublica.elpais.com/noticia/13895/perfil-votante-vox> (accessed 29.06.2023).
 18. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М., Издательский дом Высшей школы экономики, 2018, 123 с. [Myuller Yan-V. Chto takoe populizm? [What is Populism?]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2018, 123 p. (In Russ.).]
 19. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. Пер. с нем. Заключит. статья и составление А.Флиппова. М., КАНОН-пресс-Ц, 2000, 336 с. [Shmitt K. Politicheskaya teologiya. [Political Theology]. Moscow, KANON-press-Ts, 2000, 336 p. (In Russ.).]
 20. Vox Party Program Document «Agenda España». Available at: https://agendaespana.es/wpcontent/uploads/2021/10/AgendaEspana_VOX.pdf (accessed: 01.06.2023).
 21. Яковлева Н.М. Португалия в преддверии президентских выборов. *Иberoамериканские тетради*. М., 2020, 8(3), сс. 89-100. [Yakovleva N.M. Portugaliya v preddverii prezidentskikh vyborov [Portugal on the eve of presidential elections]. *Iberoamerikanskije tetradi*. Moscow, 2020, 8(3), pp. 89-100 (In Russ.).]
 22. Верников В.Л. Португалия: победа социалистов-прагматиков. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. М., 2019, № 5, сс. 28-32. [Vernikov V.L. Portugaliya: pobeda sotsialistov-pragmatikov. [Portugal: victory of the Socialist pragmatists]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, Moscow, 2019, N5, pp. 28-32 (In Russ.).]
 23. Сигачев М.И., Тимофеева Ю.А. Лузофонный мир Иberoамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии). М., Иberoамериканские тетради. 2022, т. 10, № 1, сс. 53-68. [Sigachev M.I., Timofeeva Yu.A. Luzofonnyy mir Iberoameriki: mezhdru «levoy volnoy» i «pravym povоротom» (na primere Portugalii i Brazilii) [The Lusophone world of Iberoamerica: between the “left wave” and the “right turn” (using the example of Portugal and Brazil)]. *Iberoamerikanskije tetradi*. Moscow, 2022, t. 10, № 1, p. 53-68, (In Russ.).]

24. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: В 4 т. Т. 1: Европа. МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В. Торкунов; науч. редактор А.Ю. Мельвиль; отв. редактор М.Г. Миронюк. М., Аспект Пресс, 2012, 616 с. [Politiesheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Entsiklopedicheskii spravochnik: V 4 t. T. 1: Evropa. [Political systems of modern states: Encyclopedic reference: In 4 vols. Vol. 1: Europe]. Moscow, Aspekt Press, 2012, 616 p. (In Russ.).

25. Верников В.Л. Португалия: путь от революции. Под редакцией В.Л. Верникова. Серия: Старый Свет – новые времена. М., Российская академия наук. Институт Европы. 2014, 369 с. [Vernikov V.L. Portugaliya: put' ot revolyutsii. Pod redaktsiei V.L. Vernikova. Seriya: Staryi Svet – novye vremena.. [Portugal: The path from Revolution]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk. Institut Evropy, 2014, 369 p. (In Russ.).

26. Cancela J., Magalhães P.C. As Bases Sociais dos Partidos Portugueses. *Working paper*. Lisboa, Instituto Português de Relações Internacionais Universidade Nova de Lisboa, 2020, N 60, 20 p.

27. Marchi R. A nova direita anti-sistema: o caso do Chega. Lisboa, Edições 70, 2020, 206 p.

28. Instituto Nacional de Estatística. Census – Final results. Portugal – 2001. Available at: https://www.ine.pt/xportal/xmain?xpid=INE&xpgid=ine_publicacoes&PUBLICACOESpub_boui=5595518&PUBLICACOESmodo=2 (accessed 13.06.2023).

29. Instituto Nacional de Estatística. Census – Final results. Portugal – 2011. Available at: https://www.ine.pt/xportal/xmain?xpid=INE&xpgid=ine_publicacoes&PUBLICACOESpub_boui=73212469&PUBLICACOESmodo=2 (accessed 13.06.2023).

30. Instituto Nacional de Estatística. Census 2021 – Preliminary Results Release. Available at: https://www.ine.pt/xportal/xmain?xpid=INE&xpgid=ine_destaquas&DESTAQUESdest_boui=473161655&DESTAQUESmodo=2#:~:text=The%20Preliminary%20Results%20of%20the%202021%20Census%20reveal%20that%20the,and%20around%20the%20capital%20increased (accessed 13.06.2023).

31. ELEIÇÕES. Resultados dos Escrutínios Provisórios. Eleições Legislativa. Available at: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/> (accessed 13.06.2023).

32. Zulianello M., Larsen E.G. Populist parties in European Parliament elections: A new dataset on left, right and valence populism from 1979 to 2019. *Electoral Studies*. Vol.71, June 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349607162_Populist_parties_in_European_Parliament_elections_A_new_dataset_on_left_right_and_valence_populism_from_1979_to_2019 (accessed 29.06.2023).

33. Comissão Nacional de Eleições. Eleição para o Presidente da República 2021. Available at: <https://www.cne.pt/content/eleicao-para-o-presidente-da-republica-2021> (accessed 13.06.2023).

34. ELEIÇÕES. Resultados dos Escrutínios Provisórios. Eleições Autarquicas. Available at: <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/> (accessed 13.06.2023).

35. Manucci L. Who votes for the populist radical right in Portugal and Spain? *The London School of Economics and Political Science*. 2021. Available at: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/11/17/who-votes-for-the-populist-radical-right-in-portugal-and-spain/> (accessed 02.10.2022).

36. Mendes M.S. The rise of Chega and its impact on the Portuguese party system. *Populism In Action Project*. 2022. Available at: <https://more.bham.ac.uk/populism-in-action/2022/03/17/the-rise-of-chega-and-its-impact-on-the-portuguese-party-system/> (accessed 02.10.2022).

37. Heyne L. Technocratic attitudes and voting behaviour ten years after the Eurozone crisis: Evidence from the 2019 EP elections. *Electoral Studies*. Vol. 70, April 2021, 11 p.

Nikita D.Kalinin (nikitadm01@mail.ru)

3rd year undergraduate student of the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University

Universitetskaya emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Smirnov Egor Vladimirovich (smirnovlegor@gmail.com)

2nd year graduate student of the Faculty of Social Sciences of the program "Applied Politics", National Research University "Higher School of Economics"

Myasnitskaya str., 20, 101000 Moscow, Russian Federation

The right-wing populist parties in modern Spain and Portugal. Comparative analysis

Abstract. The article compares the Spanish party Voice (Vox) and the Portuguese “Enough!” (Chega). Based on a primary analysis of the content of election manifestos and a secondary analysis of the results of sociological surveys, the authors draw conclusions about how right-wing populism, characteristic of European countries, is formed in Spain and Portugal, as well as what place the above-mentioned parties occupy in national political systems in order to compare the two cases under consideration. Despite many similar slogans and promises, representatives of the two parties have different views on issues such as migration, nation-building and the role of the state in the economy. Nevertheless, both political actors should be recognized as the most influential small parties in their countries. A comparison of manifestos and coalition capabilities of both political forces allowed us to talk about the existence of different models of a radical right party. As a result, it was determined that Vox is characterized by right-wing ideas of cultural nationalism and left-wing ideas of state intervention in the economy, while Chega's party discourse is constructed on the basis of general ideological patterns of European right-wing populism.

Key words: Spain, Portugal, Vox, Chega, populism, right-wing radical parties.

DOI: 10.31857/S0044748X0029116-6

Received 07.07.2023.

Н.М.Боголюбова, Ю.В.Николаева

***BRICS*: формирование общей внешней культурной политики**

В статье рассматриваются документальные и институциональные основы, актуальные направления и формы культурного сотрудничества стран *BRICS* (*Brazil, Russia, India, China, South Africa*), которые могут стать базой для формирования внешней культурной политики объединения. Авторы анализируют внешнюю культурную политику *BRICS* как важную часть политического и экономического сотрудничества и дают рекомендации, направленные на развитие многостороннего культурного взаимодействия всех стран — участников объединения.

Ключевые слова: культура, международные культурные связи, внешняя культурная политика, международные организации, *BRICS*.

DOI: 10.31857/S0044748X0029115-5

Статья поступила в редакцию 07.07.2023.

Культура является одной из фундаментальных основ жизни как отдельно взятого человека, так и государства в целом. Как несилевой метод внешней политики, культура позволяет выстроить диалог между государствами, лучше узнать и понять ценности друг друга. Использование культуры в качестве инструмента международных отношений расширяет возможности государств в достижении собственных национальных интересов. Это — серьезное конкурентное преимущество, поскольку культура и культурные связи способны сглаживать межнациональные конфликты, гармонизировать международный климат, объединять людей [1, с. 25]. Цель

Наталья Михайловна Боголюбова — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей, СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, bogoliubovanm@gmail.com); <https://orcid.org/0000-0002-3647-748X>;
Юлия Вадимовна Николаева — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей, СПбГУ (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, j.nikolaeva@spbu.ru); <https://orcid.org/0000-0003-2474-9019>).

данного исследования — определить целесообразность, предпосылки и перспективы выработки единой внешней культурной политики *BRICS*.

Сегодня многие государства для усиления своего влияния в мире активно используют культурные программы, международное образование и другие инструменты культурного сотрудничества. В связи с самостоятельной ролью культуры возникло понятие «внешняя культурная политика», которую можно определить как «комплекс мер, разрабатываемых и реализуемых государством на внешнем уровне для продвижения национальной культуры и языка за рубежом, для создания благоприятной внешнеполитической конъюнктуры, способствующей более эффективной реализации внешнеполитического курса» [1, с. 25].

В ходе написания данной статьи были использованы методы, отражающие междисциплинарный характер науки о международных отношениях, внешней культурной политики и международном культурном сотрудничестве. Авторы опирались на признанные универсальными для человечества критерии, отраженные в Декларациях ЮНЕСКО в области принципов международного культурного сотрудничества [2] и сохранения культурного разнообразия [3]. Применялись также методы анализа и синтеза, позволившие оценить современное культурное сотрудничество государств *BRICS* в качестве основы для формирующейся внешней культурной политики объединения. Нормативно-правовые принципы сотрудничества рассмотрены на основе контент-анализа, а деятельность институтов *BRICS* — с применением институционального и функционального методов.

Проблема формирования внешней культурной политики *BRICS* пока не нашла должного отражения в научных исследованиях, хотя роль культуры в межгосударственном объединении была проанализирована в трудах российских ученых О.Н.Богатыревой, Д.М.Ковбы, К.М.Табаринцевой-Романовой [4; 5], в научных работах дипломата, специалиста-международника А.В.Будаева [6], директора научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» О.Н.Астафьевой и директора Института педагогики, психологии и философии образования Н.Е.Судаковой [7]. При разной оценке современного культурного сотрудничества в рамках *BRICS* авторы едины во мнении, что культурные связи — важное, динамично развивающееся направление взаимодействия, играющее самостоятельную интеграционную роль в объединении.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ *BRICS*

В рамках межправительственных встреч не раз подчеркивалось особое значение культуры при построении крепких отношений внутри объединения. В чем видится целесообразность выработки общей внешней культурной политики для стран, входящих в *BRICS*? Здесь следует отметить два аспекта: международный и национальный.

Во-первых, общая внешняя культурная политика может помочь улучшить отношения внутри объединения, а также укрепить имидж каждого члена *BRICS* и организации в целом. Положительный имидж помогает

надежнее фиксировать политические и экономические успехи и является дополнительным фактором повышения конкурентоспособности.

Что касается национального аспекта, то, во-первых, площадка *BRICS* предоставляет любому государству-члену дополнительные возможности для реализации собственных национальных интересов в области внешней культурной деятельности благодаря авторитету, финансовым и организационным ресурсам *BRICS*. Страны-участницы могут осуществлять экспорт и популяризацию национальной культуры не только самостоятельно, но и в рамках международных объединений или организаций, членами которых они являются. Ярким примером служит Франция, которая активно использует возможности ЮНЕСКО, Международной организации франкофонии, Международного олимпийского комитета и других структур для поддержания интереса к французскому языку в мире.

Кроме того, единая внешняя культурная политика позволит всем государствам *BRICS* сообща продвигать свои национальные культурные ценности и достижения, популяризировать их во всем мире и таким образом успешно противостоять другим странам, проводящим агрессивную политику культурной экспансии. Наконец, культура играет немаловажную роль и в решении социально-экономических задач, поскольку она способствует вовлечению в общие культурные программы различных слоев населения. Таким образом, общая внешняя культурная политика вполне может стать фактором интеграции и сближения, консолидации государств и людей на международном и национальном уровнях, дополнительным стимулом развития и укрепления позиций *BRICS* международной организации и каждого ее члена.

Полагаем, что формирование внешней культурной политики *BRICS* станет импульсом к развитию нормативно-правового творчества государств—членов организации, особенно тех, у которых пока нет документов, посвященных национальной концепции внешней культурной политики, а также будет способствовать развитию практических инициатив, что, в свою очередь, обогатит национальные традиции стран-членов новыми идеями и оригинальными подходами к развитию международного культурного сотрудничества.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН *BRICS* И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Большую роль в формировании внешней культурной политики играют нормативно-правовые и институциональные аспекты. Стоит вспомнить, что объединение *BRICS* задумывалось прежде всего как организация экономического и политического сотрудничества. Однако спустя почти десять лет стало очевидно, что культурное взаимодействие может способствовать более глубокой интеграции стран *BRICS*, а культурные связи также являются ценным ресурсом организации.

Одним из первых институтов сотрудничества стал Центр культуры народов *BRICS*, созданный в 2014 г. с целью укрепления взаимодействия

стран «пятерки» и совместного продвижения ценностей стран-членов. Однако сегодня основным институтом в области культурного сотрудничества являются совещания министров культуры. Первое такое совещание состоялось в июне 2015 г. в Москве. На нем обсуждались состояние и перспективы развития сотрудничества в области искусства, культуры и наследия в рамках BRICS. По итогам встречи был одобрен проект соглашения о сотрудничестве в сфере культуры, в котором многостороннее культурное взаимодействие рассматривалось как самостоятельное и важное направление. Подчеркивалась приверженность ценностям BRICS в духе открытости, инклюзивности, равенства и уважения культурного многообразия [8]. На встрече министров культуры обсуждалось создание единой нормативно-правовой базы культурного сотрудничества.

Вопросы культурного взаимодействия нашли отражение и в Уфимской декларации, принятой на VII саммите BRICS (Уфа, 9 июля 2015 г.). Стороны отметили, что «культурное разнообразие есть источник развития, а культурные обмены и сотрудничество способствуют взаимопониманию» [9], и выразили готовность всемерно поощрять прямые контакты стран в сфере культуры и искусства.

Тенденция к институциональному оформлению культурного сотрудничества стран BRICS наметилась на очередной встрече министров культуры в Тяньцзине в 2017 г. Результатом встречи стало учреждение четырех международных культурных ассоциаций: детских и юношеских театров BRICS, музеев, библиотек, художественных музеев и национальных галерей государств, входящих в объединение. Учредители заявили о намерении налаживать сотрудничество в проведении выставок, обменов опытом, подготовке специалистов. Было принято решение о создании веб-портала, который способствовал бы продвижению сотрудничества в защите, сохранении и восстановлении культурного наследия. Без преувеличения новаторским можно назвать предложение, направленное на создание и развитие «цифрового музея» пяти стран. Борьба с незаконной торговлей и перемещением культурных ценностей, в том числе путем усиления контроля за их импортом и экспортом, была признана одним из важнейших направлений совместной работы. С нашей точки зрения, эти шаги можно рассматривать как будущую институциональную основу общей внешней культурной политики BRICS.

Существенным шагом на пути формирования общей внешней культурной политики BRICS стало подписание в 2018 г. так называемой Декларации Маропенга, содержащей призыв к дальнейшему развитию культурного сотрудничества и созданию в рамках BRICS культурного партнерства. В документе выделены основные направления культурного диалога и отмечено, что кинематограф, мультипликация, культурное наследие, креативные индустрии являются наиболее важными аспектами культурных связей государств — членов объединения. Была высказана идея о том, что именно культурные связи служат прочным фундаментом для политического и экономического сотрудничества. Впоследствии к числу приоритетных направлений культурного сотрудничества стран BRICS были также отнесены музейное и библиотечное дело, контакты в музыкальной сфере с акцентом на фольклорную музыку, сотрудничество в области физической культуры и спорта.

В мае 2022 г. министры культуры стран *BRICS* в режиме видеоконференции подписали План действий, направленный на реализацию Соглашения о сотрудничестве в сфере культуры на 2022—2026 гг. Перспективными направлениями сотрудничества были названы вопросы сохранения и популяризации культурного наследия, сотрудничество в сфере креативных индустрий и сотрудничество в цифровом пространстве. Было принято решение, что заседания рабочей группы по культуре станут регулярными. Также были отмечены определенные успехи культурного взаимодействия стран *BRICS* [10].

В принятых документах уже намечены контуры общей внешней культурной политики *BRICS*, закреплены приоритетные направления и ответственные институты. Можно отметить, что культурное сотрудничество стран *BRICS* сегодня опирается на прочную институциональную и солидную нормативно-правовую базу, которая постоянно дополняется новыми документами, отражающими возрастающий интерес к данному направлению.

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН *BRICS*, ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Своеобразие межгосударственного объединения *BRICS* диктует особое внимание к выбору направлений и форм культурного сотрудничества, которые могли бы представить всю полноту и уникальность разнообразных культурных традиций стран — участниц объединения, способствовать углублению диалога в культурно-гуманитарной сфере и развитию равноценного сотрудничества.

Среди всего многообразия направлений культурных связей стран *BRICS* можно выделить те, которые наиболее интенсивно осуществляются внутри объединения и отвечают интересам всех стран-участниц. Так, особое внимание уделяется развитию взаимодействия в сфере образования. Сегодня все участники организации осознают острую потребность в установлении более тесных связей в области образования и в укреплении интеллектуального, научно-технического сотрудничества, которое невозможно без подготовки соответствующих кадров. Научно-технический прогресс диктует необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, и совершенно очевидно, что практически ни одно современное государство решить эту задачу самостоятельно не в состоянии. И эта задача связана преимущественно с сотрудничеством в рамках высшего образования, которое играет основополагающую роль в передаче и использовании знаний и в перспективе может стать одной из основ общей внешней культурной политики *BRICS*.

Для стран *BRICS* образовательные связи имеют особое значение еще и потому, что в организацию входят государства, обладающие уникальными ресурсами и мощным потенциалом развития сферы науки и образования. Наглядным примером многостороннего сотрудничества в образовательной сфере стал новый формат Сетевого университета *BRICS*, открытого в 2016 г. Идею его создания министры образования обсудили еще в ноябре 2013 г. в Париже в штаб-квартире ЮНЕСКО [11].

Концепция Сетевого университета *BRICS* «Сотрудничество в целях развития. Сетевое взаимодействие вузов *BRICS* в подготовке кадров для инновационной экономики» была принята в мае 2014 г. на третьей международной конференции «пятерки». В 2015 г. были запущены пилотные программы магистратуры, а в 2016 г. Сетевой университет *BRICS* принял первых студентов. Руководство университета осуществляет ректорат из 11 человек — представители всех стран организации. Учредители документально подтверждают признание дипломов выпускников всеми государствами *BRICS*. Большое внимание в ходе подготовки будущих специалистов уделяется мобильности студентов. Предполагается, что студенты могут начать обучение на родине, а завершить его и получить диплом в любой из стран *BRICS* [12]. Становление университета пришлось на сложное время эпидемии коронавируса и жесткой санкционной политики против России, введенной после начала СВО в 2022 г. Возможно, не все планы реализовались. Однако само открытие университета и расширение образовательной деятельности показывает, что проект состоялся, и ценность такого сотрудничества понимают все страны *BRICS*.

Динамично развивающимся направлением сотрудничества стран *BRICS* являются контакты в сфере искусств. Эта сфера сложна и многообразна, но с уверенностью можно сказать, что одной из наиболее востребованных ее форм стали фестивали, в которые включены такие мероприятия, как встречи, мастер-классы, выставки, конференции и т.п. Фестивали интересны всем, кто в них участвует, и, как правило, они проходят в праздничной обстановке, что создает особую атмосферу творческих смотров и привлекает к ним внимание.

Неслучайно первым многосторонним культурным проектом *BRICS* стал кинофестиваль. Идею его проведения впервые озвучил еще в июле 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди, который предложил устроить киносмотр на форуме *BRICS* в Уфе. Главы всех государств, входящих в объединение, поддержали эту идею, и сегодня кинофестиваль проводится на регулярной основе в странах, председательствующих в *BRICS*. Первый кинофестиваль прошел в столице Индии Дели в 2016 г., затем — в Чэнду в Китае (2017 г.), в Дурбане в ЮАР (2018 г.), в Нитерое в Бразилии (2019 г.), на Гоа в Индии (2021 г.). В 2020 г. фестиваль снова был проведен в России (с 1 по 7 октября) в рамках Московского международного кинофестиваля [13].

Примечательно, что общей темой московского кинофестиваля 2020 г. стало «Кино стран *BRICS* — альтернативы Голливуду», которую одобрили кинематографисты стран — участниц объединения. Организаторы отметили, что «в программе 5-го Кинофестиваля стран *BRICS* демонстрируются фильмы, отражающие культурное, жанровое и тематическое разнообразие, присущее кинематографическим школам этих стран» [14]. Участники кинофестиваля обсудили сотрудничество между кинематографистами, а также острые проблемы, возникающие в мире современного кино, стремились найти пути их решения.

Для российского кинематографа знаковым стал фестиваль 2022 г., проходивший в Шанхае, на котором российский режиссер Алексей Пиманов получил награду «Лучший режиссер» за фильм «Одиннадцать молчаливых мужчин», рассказывающий об игре футбольного клуба «Динамо» на Бри-

танских островах в ноябре 1945 г. [15]. Различных наград были удостоены картины и режиссеры всех государств *BRICS*.

Кинофестиваль стран *BRICS* постепенно становится популярным и за пределами объединения; в первую очередь интерес к нему проявляют некоторые страны Латинской и Карибской Америки. В декабре 2020 г. во время проведения конференции, посвященной роли *BRICS* в мире, состоялся первый онлайн-кинофестиваль *BRICS* в Перу, во время которого были показаны лучшие фильмы стран «пятерки», в том числе «Время первых» российского кинопроизводства. Накануне в посольстве России в Лиме была организована фотовыставка «*BRICS* 2020 в объективе фотокамеры», посвященная основным этапам истории объединения и его ключевым событиям.

Кинофестиваль стран *BRICS* имеет не очень долгую историю, однако уже пользуется заслуженным авторитетом у кинематографистов из стран организации. Он стал не только дополнением к политическим встречам лидеров объединения, но и ожидаемым культурным событием, которое доказывает, что без культурного сотрудничества будущее объединения невозможно. Министр культуры РФ О.Б.Любимова отметила особую роль фестиваля в культурном диалоге стран *BRICS* [10].

Россия как признанная театральная держава выступила также с инициативой проведения международного фестиваля театральных школ стран *BRICS*, и эту идею поддержали все государства объединения. С 2017 г. фестиваль проводится ежегодно, а организаторы предлагают участникам и зрителям погрузиться в разные периоды истории мирового театра. В рамках подготовки фестиваля каждый год выбирается пьеса мирового классика, которая призвана объединить театральные коллективы стран *BRICS*. Так, в 2017 г. это была трагедия У.Шекспира «Ромео и Джульетта», в 2018 г. — комедия К.Гольдони «Слуга двух господ», в 2019 г. — трагедия Софокла «Царь Эдип», 2020 г. — пьеса Б.Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». В 2021 г. фестиваль был посвящен творчеству Ф.М. Достоевского, а в 2022 г. была выбрана комедия Ж.-Б. Мольера «Тартюф».

В дни фестиваля зрители могут посмотреть разные сцены из спектаклей, которые подготовили театральные делегации из стран *BRICS*, а в заключительный день можно было увидеть удивительное действо — постановку, сотканную из разных театральных традиций и национальных версий. Фрагменты спектакля идут на национальных языках, но при этом понятны зрителю без перевода. Такой оригинальный формат получил название «Играем вместе!» и стал новым уникальным театральным явлением, не имеющим аналогов в истории театра. Подобный подход получил высокую оценку и был удостоен гранта Президента России В.В.Путина как особо значимый проект в области культуры и искусства.

Фестивальные формы культурного сотрудничества стран *BRICS* постоянно развиваются. Сейчас, например, обсуждается возобновление традиции проведения широкомасштабного фестиваля, на котором будут представлены культурные традиции стран-участниц во всем их многообразии.

Оригинальным форматом сотрудничества стран *BRICS* являются медиафорумы, которые регулярно проводятся между представителями стран-участниц, начиная с 2017 г. Развитие сотрудничества в сфере медиа приобретает сегодня приоритетное значение, так как именно правдивая информация и реальный объ-

активный взгляд на политические события могут способствовать объединению участников организации и принятию правильных решений.

Первый медиафорум прошел в Пекине в 2017 г. В нем участвовали 27 информационных агентств, телеканалов, газет и других СМИ Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. На церемонии открытия глава отдела пропаганды центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) Лю Цибao отметил, что «контакты между медиа являются важной основой для дружбы, доверия и взаимного культурного обмена между странами» [16].

Медиафорумы стали проводиться ежегодно, и на каждой встрече участники обсуждали актуальные проблемы, объединяющие всех представителей стран BRICS. Например, главной темой медиафорума 2021 г. стало «Формирование консенсуса BRICS, продвижение глобального развития». Форумы 2021 г. (ЮАР) и 2022 г. (Китай) имели важное значение с точки зрения разработки общей информационной политики BRICS, поскольку на них обсуждались вопросы формирования единой международной редакции стран «пятерки».

В 2017 г. было создано телевидение BRICS. Сегодня теле вещание осуществляется в круглосуточном формате на четырех языках: русском, английском, китайском и португальском и охватывает внушительную аудиторию — 31 млн человек. За свою небольшую историю канал достиг определенных успехов. В период эпидемии коронавируса, например, был запущен проект «BRICS против COVID-19», цель которого заключалась в борьбе с «пандемией дезинформации» и волной фейковых новостей, которые мировое сообщество переживает в последнее время. На канале создана международная библиотека цифрового видеоконтента, включающая коллекцию телесериалов, художественные и документальные фильмы, телешоу, веб-сериалы и т.д. Так, в 2020 г. было запущено шоу о путешествиях «Контрольный список».

Международная сеть TV BRICS постоянно расширяется за счет установления партнерских отношений с ведущими медиакомпаниями, информационными агентствами и СМИ разных стран. Так, в 2023 г. было заключено соглашение о сотрудничестве между TV BRICS и цифровым изданием *Ahora San Juan* из Аргентины, руководитель которого заявил, что ставит целью знакомить аргентинцев не только с экономикой, но и с культурой и общественной жизнью стран альянса. Поскольку TV BRICS акцентирует внимание на развитии отношений со странами Латинской Америки, Аргентина в этом плане является для него приоритетным направлением. Среди партнеров TV BRICS — латиноамериканская сеть *TeleSUR*, одно из старейших кубинских информационных агентств *Prensa Latina*, аргентинское цифровое издание *BRICS Lat*, новостной канал Аргентины *Extra!* и другие. Партнерство способствует расширению новостного контента обеих сторон, повышению объективности в освещении мировых событий, сближению аудиторий и обмену мнениями. Представляется, что в перспективе телевидение BRICS, обладающее обширной аудиторией и значительными информационными возможностями, станет одним из инструментов реализации общей внешней культурной политики объединения.

Потенциал культурно-гуманитарного взаимодействия стран *BRICS* весьма значителен, но многое еще не реализовано. Одним из наиболее перспективных направлений можно назвать сотрудничество в области спорта. В 2020 г. на первой встрече министров спорта стран *BRICS* была выражена заинтересованность в развитии этого направления. Был учрежден международный спортивный комитет *BRICS*, который отвечает за создание условий для общения спортсменов из стран организации, проведение мастер-классов, семинаров, спортивных игр.

Для России указанное выше направление имеет особенное значение. В нынешней ситуации, когда страна лишена возможности принимать участие в Олимпийских играх, встречи со спортсменами Индии, Бразилии, Китая, ЮАР позволят российским спортсменам поддерживать профессиональную форму. Сегодня принято решение провести Спортивные игры *BRICS* в июне 2024 г. на 12 спортивных объектах Казани. В программу соревнований будет включено 22 вида спорта с учетом предложений государств — участниц объединения. Соревнования призваны популяризировать и национальные виды спорта, которые раскрывают черты характера, менталитет народов стран, входящих в *BRICS*.

За развитие спортивных связей внутри объединения отвечает Международный спортивный комитет *BRICS*, члены которого подчеркивают, что комитет открыт к сотрудничеству не только с федерациями членов «пятерки», но и с федерациями дружественных стран. В Спортивных играх *BRICS* могут принимать участие все, кто готов действовать в открытом формате. Подобный подход может обогатить и культурную программу Игр. Так, участие Бразилии и Аргентины способно привлечь внимание болельщиков к футбольным состязаниям.

Спортивное сотрудничество — это важное культурно-гуманитарное направление взаимодействия стран *BRICS*, обладающее огромным потенциалом. Сегодня совершенно ясно, что спорт и спортивные контакты позволят странам-участникам решать многочисленные социальные, гуманитарные, политические, экономические проблемы и будут способствовать объединению всех государств, входящих в *BRICS*. Неслучайно многие современные организации (Международная организация Франкофонии, Содружество наций, Содружество Независимых Государств и другие) уделяют большое внимание спортивным мероприятиям. Поскольку совокупное население государств *BRICS* составляет 3,23 млрд человек, можно утверждать, что значение не только спортивных игр, но и всех культурных событий организации объективно носит глобальный характер.

Рассмотренные примеры показывают, что к настоящему времени в рамках *BRICS* на постоянной основе реализуется достаточное количество культурных мероприятий, в которых страны-члены действуют сообща, продвигают общие культурные достижения и ценности. Вполне очевидно, что эти мероприятия и проекты могут стать объединяющей основой для выработки общей внешней культурной политики *BRICS*. Однако, несмотря на успешное многостороннее культурное сотрудничество, говорить сегодня о формировании общей внешней культурной политики преждевременно, так как существуют определенные препятствия и проблемы, тормозящие этот процесс.

ПРОБЛЕМЫ ВЫРАБОТКИ ОБЩЕЙ ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН BRICS

На наш взгляд, среди наиболее серьезных проблем, препятствующих выработке общей внешней культурной политики стран BRICS, нужно отметить следующие. При всем внимании к культурному компоненту, взаимодействие стран BRICS в большей степени ориентировано на решение политических и экономических задач. Именно они лежат в основе деятельности объединения, а культура рассматривается лишь как часть общей стратегии, а не как самодостаточный вектор. Вторая проблема заключается в недостатке внешнего измерения культурной политики BRICS: проекты, в первую очередь, реализуются на уровне самих стран-участниц, а не на уровне взаимодействия стран «пятерки» с третьими странами. Третья трудность — существенные культурно-религиозные, социально-экономические различия стран, входящих в объединение, различия в уровне жизни их граждан. Это порождает большие сложности в выборе общих идей, направлений и форм внешней культурной политики, которые соответствовали бы национальным интересам всех стран-членов. Четвертая проблема — отсутствие национальных концепций внешней культурной политики у части стран BRICS. Из всех государств, входящих в объединение, только у России есть собственная документально оформленная концепцией внешней культурной политики (гуманитарная политика РФ за рубежом) [17]. В Китае существует концепция культурной «мягкой силы», изложенная в речах государственных лидеров и документах съездов Коммунистической партии [18]. В Бразилии для обозначения внешнеполитической деятельности в сфере культуры используются термины «культурно-образовательная дипломатия» [19] и «внешняя культурная политика» [20]. Индия и ЮАР активно реализуют культурную дипломатию, но при этом не имеют соответствующего концептуального документа в данной сфере.

Тем не менее выработать общую внешнюю культурную политику BRICS можно на основе идеи о том, что культура объединяет. Тезис о единстве стран, которое достигается через культурное многообразие, демонстрируемое странами «пятерки», может стать визитной карточкой объединения. Продвижение культурного, языкового, религиозного разнообразия стран BRICS во имя процветания граждан, живущих в этих странах, соответствует национальным интересам всех государств-участниц. В своем выступлении на саммите BRICS в Йоханнесбурге 23 августа 2023 г. президент России В.В.Путин отметил, что культура — ценный капитал организации. Он назвал культурное и цивилизационное многообразие одной из опор нового многополярного миропорядка и рассказал о важности сохранения национальных культур [21].

Базовые направления, которые могут стать основой внешней культурной политики BRICS, это — культура, искусство, образование, воспитание, мораль, нравственность, ценностные ориентиры человека, развитие культурной индустрии [22]. Совместные усилия стран BRICS по выявлению, охране, популяризации объектов культурного наследия и их включению в Список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО, создание единого портала, посвященного объектам всемирного наследия стран BRICS, — все

эти направления также актуальны для государств, входящих в объединение. Чтобы начать работу над выработкой общей внешней культурной политикой, «пятерке» необходимо выработать стратегию, где были бы четко сформулированы общие цели, обозначены общие институты, которые будут работать над развитием культурных связей организации с третьими странами, а также определить источники финансирования и программу практической реализации разноплановых задач.

Опыт различных международных организаций показывает, что вопросы культуры в их деятельности играют важную, а иногда и определяющую роль. Страны *BRICS* объединяют, прежде всего, амбициозные экономические цели, но и задачи культурного содержания нередко включаются в ее повестку. В религиозном и культурном плане Россия, Бразилия, Китай, Индия и ЮАР очень разные и благодаря самобытным традициям представляют собой уникальную модель мира. Это придает культурному сотрудничеству стран *BRICS* особый универсальный характер, демонстрирует богатство и разнообразие культур мира.

В рамках объединения главная проблема состоит в том, чтобы каждая страна имела возможность продемонстрировать свои успехи и достижения в сфере культуры, раскрыть свой потенциал. Решение этой проблемы связано с активизацией культурного диалога, выбором оптимальных форм сотрудничества, которые соответствуют современным подходам. Эти задачи, с нашей точки зрения, уже успешно решаются государствами «пятерки».

Что касается выработки и последующей практической реализации общей внешней культурной политики, то этот процесс пока еще находится в стадии обсуждения. Он нуждается как в концептуализации, так и в поиске эффективных практических проектов, которые могли бы сочетать в себе интересы всех членов *BRICS* и быть привлекательными для третьих стран. Удачной формой взаимодействия, на наш взгляд, может стать проект «Культурные столицы стран *BRICS*». Подобный формат сотрудничества уже реализуется в Евросоюзе («Культурная столица Европы»), СНГ («Культурные столицы Содружества»), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) («Культурная и туристическая столица ШОС»). Обычно такие проекты осуществляются в формате многожанрового фестиваля и способствуют развитию туризма и культурных связей того или иного города. В таких городах могут проводиться яркие культурные события, раскрывающие потенциал и особенности культуры всей страны. Проект предполагает перекрестный культурный обмен и способствует более глубокому знакомству с культурными традициями городов-участников.

В качестве практических способов осуществления общей внешней культурной политики можно рассматривать и проведение перекрестных годов культур стран *BRICS*. Подобный формат прекрасно показал себя в практике многих государств (Франция, Россия, Испания, Китай и др.), но может быть использован и международными организациями. Это позволит объединить различные направления культурных связей и привлечь к культурному диалогу широкую аудиторию.

Еще одним способом углубления культурных связей и разработки общей внешней культурной политики может стать создание культурного форума стран *BRICS*, который будет пространством диалога и в широком смысле межкультурного общения.

Однако не стоит забывать, что культурное взаимодействие может осуществляться не только в рамках официальных мероприятий *BRICS*, но и по инициативе общественных организаций и граждан стран, входящих в объединение. И подобный опыт уже есть. В 2020 г. состоялись заседания рабочей группы «Международный культурный обмен» Гражданского форума *BRICS*, который проходил в России. Представители общественных организаций «пятерки», действующих в области культуры и просвещения, разработали конкретные рекомендации и предложения по развитию гуманитарного сотрудничества. К ним относятся создание Фонда продвижения совместных проектов на аудиовизуальном рынке, в сфере средств массовой информации, телевидения и Интернета, продвижение выставок кинематографического и аудиовизуального контента с участием известных представителей культурной индустрии стран — участниц альянса; формирование международного объединения общественных молодежных организаций в формате «Модели *BRICS*» по аналогии с «Моделью ООН»; проведение ежегодной литературной ярмарки и создание литературной премии *BRICS*; организация «Библиотечного диалога стран *BRICS*»; проект «Культурный туризм *BRICS*», в рамках реализации которого необходимо рассмотреть возможность налаживания прямого сообщения между странами, упростить получение виз для граждан стран альянса, открыть школы гидов со знаниями языков и проработать туристические маршруты; проведение спортивных мероприятий *BRICS* и т.д.

Сейчас *BRICS* находится на этапе постепенного формирования нормативно-правовых основ культурного взаимодействия и его институционального оформления. Появляются новые культурные проекты, в которых участвуют все страны объединения. Говорить о сложившейся внешней культурной политике организации пока рано, хотя для ее оформления, по нашему мнению, существуют все необходимые условия. Однако для того, чтобы такая политика стала реальность, необходимо развивать многосторонний культурный обмен, изучать культурные традиции и достижения стран, входящих в организацию, искать и гармонизировать общие темы, выявлять общие проблемы, которые могут объединить всех участников и будут способствовать формированию концептуальных основ внешней культурной политики. Необходимы дальнейшая последовательная институционализация внешней культурной политики, создание организаций, фондов и т.п., которые на практике занимались бы развитием культурно-гуманитарного сотрудничества.

В условиях расширения *BRICS*, отчетливо наметившегося на саммите, проходившем в Йоханнесбурге 22-24 августа 2023 г., вопросы культурного сотрудничества стран-членов не только не отойдут на второй план, но, с нашей точки зрения, приобретут новое звучание, так как при наличии огромных различий между государствами, входящими в объединение, именно культура способна стать объединяющим фактором. Поэтому и во-

прос о выработке общей внешней культурной политики не исчезнет из повестки дня, а станет еще более актуальным.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что культурное сотрудничество, являющееся основой общей внешней культурной политики, может стать стимулом для углубления сотрудничества государств, входящих в *BRICS*, и будет способствовать формированию позитивного международного имиджа организации, который, в свою очередь, превратится в серьезный экономический и политический капитал и для каждой страны *BRICS*, и для объединения в целом. Полагаем, что выработка общей внешней культурной политики *BRICS* значительно ускорит решение перечисленных выше задач.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Выработка определения внешней культурной политики в современном научном дискурсе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Грамота. Тамбов, 2012, № 4 (18): в 2-х ч. Ч. 1, сс. 25-27 [Bogolyubova N.M., Nikolaeva YU.V. Vyработка opredeleniya vneshnej kul'turnoj politiki v sovremennom nauchnom diskurse [Development of the definition of foreign cultural policy in modern scientific discourse]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Gramota. Tambov, 2012, N 4 (18): in 2 parts. Part 1, pp. 25-27 (In Russ.).
2. Declaration of principles of cultural cooperation. 04 November 1966. Available at: <https://en.unesco.org/about-us/legal-affairs/declaration-principles-international-cultural-cooperation> (accessed: 12.30.2022).
3. UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity. 02 November 2001. Available at: <https://en.unesco.org/about-us/legal-affairs/unesco-universal-declaration-cultural-diversity> (accessed: 30.12.2022).
4. Богатырева О.Н., Ковба Д.М., Табаринцева-Романова К.М. Межцивилизационный диалог как инструмент гуманитарной дипломатии стран БРИКС. *Дискурс-Пи*, 2022. Т. 19, № 3, сс. 101-121 [Bogaty'reva O.N., Kovba D.M., Tabarinczeva-Romanova K.M. Mezhcivilizaczionny'j dialog kak instrument gumanitarnoj diplomatii stran BRIKS [Intercivilizational dialogue as a tool of humanitarian diplomacy of the BRICS countries]. *Diskurs-Pi*, 2022. T. 19, N 3, pp. 101-121 (In Russ.).
5. Табаринцева-Романова К.М. Развитие внешней культурной политики ЕС после Лиссабонского договора. *Современная Европа*, М., 2017, № 4, сс. 98-108 [Tabarinczeva-Romanova K.M. Razvitie vneshnej kul'turnoj politiki ES posle Lissabonskogo dogovora [Development of the EU's foreign cultural policy after the Lisbon Treaty]. *Sovremennaya Evropa*, Moscow, 2017, N 4, pp. 98-108 (In Russ.).
6. Будаев А.В. БРИКС. Формирование стратегии “Мягкой силы”. *Международная жизнь*, 2015, № 13, сс. 57-68 [Budaev A.V. BRIKS. Formirovanie strategii “Myagkoj sily” [Formation of a “Soft power” strategy]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2015, № 13, pp. 57-68 (In Russ.).
7. Астафьева О.Н., Судакова Н.Е. Культурные императивы в век глобализации: инклюзия в перспективе культурной политики БРИКС. *Век глобализации*, 2019, № 4 (32), сс. 26-39 [Astaf'eva O.N., Sudakova N.E. Kul'turnye imperativy v vek globalizaczii: inklyuziya v perspektive kul'turnoj politiki BRIKS [Cultural Imperatives in the Age of Globalization: Inclusion in the Perspective of BRICS Cultural Policy]. *Vek globalizaczii*, 2019, vypusk №4 (32), pp. 26-39 (In Russ.).
8. Правительство Российской Федерации. Распоряжение 2 июля 2015 года N 1268-р «О подписании Соглашения между правительствами государств - членов БРИКС о

сотрудничестве в области культуры» [Pravitel'stvo Rossijskoj Federacii. Rasporyazhenie 2 iyulya 2015 goda N 1268-r «O podpisanii Soglasheniya mezhdru pravitel'stvami gosudarstv - chlenov BRIKS o sotrudnichestve v oblasti kul'tury» [The Government of the Russian Federation. Order No. 1268-r of July 2, 2015 "On signing an Agreement between the Governments of the BRICS Member States on cooperation in the field of culture" (In Russ.)] Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420286688> (accessed 25.07.2022).

9. Уфимская декларация VII саммита БРИКС (Уфа 9 июля 2015 г.) [Ufimskaya deklaraciya VII sammita BRIKS (Ufa 9 iyulya 2015 g.) [Ufa Declaration of the VII BRICS Summit (Ufa, July 9, 2015) (In Russ.)] Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf> (accessed 15.07.2022).

10. Страны БРИКС расширяют культурное сотрудничество [Strany BRIKS rasshiryayut kul'turnoe sotrudnichestvo [BRICS countries expand cultural cooperation (In Russ.)] Available at: https://culture.gov.ru/press/news/strany_briks_rasshiryayut_kulturnoe_sotrudnichestvo/ (accessed 23.07.2022).

11. BRICS education ministers discuss knowledge exchanges... Fifth BRICS summit. Available at <https://www.sanews.gov.za/south-africa/brics-education-ministers-discuss-knowledge-exchanges> (accessed 25.07.2022)

12. Университет БРИКС [Universitet BRIKS [BRICS University (In Russ.)] Available at: <https://unibrics.ru/preimushchestva/> (accessed 18.07.2022).

13. Кинофестиваль стран БРИКС проходит в рамках ММКФ [Kinofestival' stran BRIKS prohodit v ramkah MMKF [The BRICS Film Festival takes place within the framework of the MIFF (In Russ.)]. Available at: <https://worldpodium.ru/news/kinofestival-stran-briks-prohodit-v-ramkah-mmkf> (accessed 25.06.2023).

14. Московский Международный кинофестиваль [Moskovskij Mezhdunarodnyj kinofestival' [Moscow International Film Festival (In Russ.)]. Available at: <http://www.moscowfilmfestival.ru/brics/> (accessed 23.06.2023).

15. Алексей Пиманов стал лучшим режиссером на кинофестивале стран БРИКС [Aleksej Pimanov stal luchshim rezhisserom na kinofestivale stran BRIKS [Alexey Pimanov became the best director at the BRICS Film Festival (In Russ.)]. Available at: <https://ria.ru/20220808/festival-1808037015.html> (accessed 16.06.2023).

16. Первый медиафорум стран-участниц БРИКС стартовал в Пекине [Pervyj mediaforum stran-uchastnic BRIKS startoval v Pekine [The first media forum of the BRICS member countries started in Beijing (In Russ.)] Available at: <https://iz.ru/603788/2017-6-08/pervyi-mediaforum-stran-uchastnic-briks-startoval-v-pekine> (accessed 23.06.2023).

17. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (2022) [Konceptsiya gumanitarnoj politiki Rossijskoj Federacii za rubezhom (2022) [Concept of humanitarian policy of the Russian Federation abroad (2022) (In Russ.)]. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/ (accessed 14.05.2023).

18. Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК 15 октября 2007 г. [Doklad Hu Czin'tao na XVII s"ezde KPK 15 oktyabrya 2007 g. [Hu Jintao's report at the XVII CPC Congress on October 15, 2007 (In Russ.)]. Available at: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (accessed 23.07.2022).

19. Diplomacia Cultural e Educacional. Available at: <https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/diplomacia-cultural-1> (accessed 03.07.2023).

20. Política externa e cultura no Brasil - um debate incipiente. Available at: <http://ogusmao.com/2013/11/14/politica-externae-cultura-no-brasil-um-debate-incipiente/> (accessed 03.09.2021).

21. Путин пригласил страны БРИКС на культурный форум в Петербурге [Putin priglasil strany BRIKS na kul'turnyj forum v Peterburge [Putin invited the BRICS countries to the cultural forum in St. Petersburg (In Russ.)] Available at: <https://www.gazeta.ru/culture/news/2023/08/23/21131168.shtml> (accessed 03.09.2021).

22. Вторая конференция «Культура БРИКС О будущем» [Vtoraya konferenciya «Kul'tura BRIKS O budushchem» [The second conference "BRICS Culture About the Future (In Russ.)] Available at: https://kinouroki.org/tpost/euxu8curp1-vtoraya-konferentsiya-kultura-briks-o-bu_ (accessed 23.06.2023)]

23. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Культурное сотрудничество в рамках БРИКС. В поисках нового формата сотрудничества. *Межкультурный диалог в современном мире: материалы IX конференции с международным участием*. Санкт-Петербург, 16.04.2021. Скифия-принт. Санкт-Петербург, 2021, сс. 17-22 [Bogolyubova N.M., Nikolaeva YU.V. Kul'turnoe sotrudnichestvo v ramkah BRIKSb V poiskah novogo formata sotrudnichestv [Cultural cooperation within the framework of BRICS. In search of a new format of cooperation]. *Mezhkul'turnyj dialog v sovremennom mire: materialy IX konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Sankt-Peterburg, 16.04.2021. Skifiya-print. Sankt-Peterburg, 2021, pp. 17-22 (In Russ.).

Natalia M.Bogoliubova (bogoliubovanm@gmail.com)

PhD of History, Ass. Professor of Saint-Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of International Humanitarian Relations

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

Yulia V.Nikolaeva (j.nikolaeva@spbu.ru)

PhD of History, Ass. Professor of Saint-Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of International Humanitarian Relations

Universitetskaya nab., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation

BRICS: the formation of a common external cultural policy

Abstract. The article examines the documentary and institutional foundations, current directions and forms of cultural cooperation of the BRICS countries, which can become the basis for the foreign cultural policy of the association. The authors analyze the foreign cultural policy of BRICS as an important part of political and economic cooperation and make recommendations aimed at developing multilateral cultural interaction of all member countries of the association.

Key words: culture, international cultural relations, external cultural policy, international organizations, BRICS.

DOI: 10.31857/S0044748X0029115-5

Received 07.07.2023.

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН

реализует свои книги через

Межиздательский дистрибьюторский центр при издательстве

Тел.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23

E-mail: urss@urss.ru · <http://urss.ru>

УРСС

- Боливия: возвращение левого проекта. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2023.
- Гондурас: новые левые перед старыми вызовами. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2023.
- Проблемы Южной и Карибской Америки. М.: ИПА РАН, 2023, 504 с. (репродуцированное издание сборника 1934 г. с пояснениями *В.Л. Хейфеца, Л.С. Хейфеца*), 2023.
- Иberoамерика: роль культуры в формировании и эволюции национальной идентичности. Отв. ред. *Константинова Н.С.*, 2022.
- Испания: трудный выбор в условиях неопределенности. Серия «Саммит». Отв. ред. серии *Давыдов В.М.*, 2022.
- Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. Отв. ред. *Ивановский З.В.*, 2022.
- Rusia y España: el ciclo de incertidumbre pandémico. *Violetta Tayar, Eleonora Ermólieva* (coord.), 2022.
- Гордиев узел венесуэльского кризиса. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2021.
- Никарагуа: эволюция революции. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2021.
- Испания в новой национальной и международной реальности. Отв. ред. *Яковлев П.П., Куракина-Дамир А.А.*, 2020.
- *Кодзоев М.А.-М.* США — Куба: эхо холодной войны, 2020.
- Латинская Америка в системе международных экономических отношений. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*, 2020.
- *Яковлев П.П.* Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире, 2020.
- Rusia y España durante la inestabilidad global. (Coord. *P. Yákovlev, I. Gritsenko*), 2020.
- Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2019.
- Иberoамерика: культурная идентичность в эпоху глобализации. Отв. ред. *Константинова Н.С.*, 2019.
- Куба Sí. 60 лет Революции. Отв. ред. *Калашников Н.В.*, 2019.
- *Ракуц Н.В.* Культура индейских народов и политика государства, 2018.
- Возможности и пределы инновационного развития Латинской Америки. Отв. ред. *Симонова Л.Н.*, 2017.
- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций. Отв. ред. *Яковлева Н.М.*, 2017.
- Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов. Отв. ред. *Сударев В.П., Симонова Л.Н.*, 2017.
- Политические конфликты в Латинской Америке. Отв. ред. *Ивановский З.В.*, 2017.
- Современная культура Испании и Португалии: полилог традиций. Отв. ред. *Константинова Н.С.*, 2017.
- Современная организованная преступность в Латинской Америке и в странах Карибского бассейна. Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*, 2017.
- *Яковлева Н.М.* Португалия: история политической модернизации, 2016.
- Гондурас: инерция на пути перемен. Серия «Саммит». Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2015.
- Латинская Америка на мировом рынке продовольствия. Отв. ред. *Яковлев П.П.*, 2015.
- БРИКС — Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие. Отв. ред. *Давыдов В.М.*, 2014.
- *Ермольева Э.Г.* Образование в Латинской Америке: адаптация к вызовам времени, 2014.
- *Дьякова Л.В.* Чилийская демократия: преемственность и перемены, 2013.

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2024 г. выпустить в свет следующие книги:

- Цифровая трансформация в Латинской Америке.
Отв. ред. *Симонова Л.Н.*
- Антарктида и Южный океан в контексте интересов
латиноамериканских стран. Отв. ред. *Кудеярова Н.Ю.*
- *Давыдов В.М.* Концептуальное позиционирование в русле
регионоведения. На выходе из «латиноамериканского гетто»
- Испания в третьем десятилетии XXI века. Отв. ред.
Тайар В.М., Куракина-Дамир А.А.

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом
книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Универси-
тет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru